

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им.Ш.Марджани

Шеф-редактор — **Рафаэль Хакимов**

Редактор — **Евгений Казаков**

Редакционная коллегия:

Леонид Арсланов

(Елабужский педагогический институт, Россия)

Иван Васильев

(Министр экономики Республики Марий Эл, Россия)

Римма Голдина

(Удмуртский государственный университет, Россия)

Поль Грандволь

(Межуниверситетский центр венгерских исследований, Франция)

Маргарита Иванова

(Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН)

Христиан Карпелан

(Хельсинкский государственный университет, Финляндия)

Сергей Кузьминых

(Институт археологии РАН)

Аин Мязсалу

(Тартусский университет, г.Тарту, Эстония)

Николай Мокшин

(НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Мордовии)

Татьяна Никитина

(Марийский научно-исследовательский институт языка,

литературы и истории им.В.Н.Васильева)

Томас Нунен

(Миннесотский университет, США)

Элеонора Савельева

(Институт языка, литературы и истории Коми филиала РАН)

Ксенофонт Сануков

(Марийский государственный университет, Россия)

Петр Старостин

(Институт истории АН РТ)

Иштван Фодор

(Венгерский национальный музей, Венгрия)

✉ Адрес: 420111, г. Казань, ул. Кремлевская, 9.

Институт истории АН РТ. Редакция ж. "ПАНОРАМА-ФОРУМ".

☎ Телефон/факс: (8432) 92-92-64; 92-84-82. ✉ E-mail: history@ih.kazan.ru

Дизайн обложки — Миляуши Хасановой. Оригинал-макет — Лии Зигангареевой.

"Finn-Ugrica" издается в качестве приложения к журналу "ПАНОРАМА-ФОРУМ", зарегистрированному Министерством информации и печати Республики Татарстан (№440).

Отпечатано в множительном центре Института истории АН РТ

Заказ № 23 Тираж 500 экз. Объем 7,8 п.л. Цена свободная.

Мнения авторов статей могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Содержание

От редакции	3
Виктор Челябинов, Валентин Буланкин, Айрат Губайдуллин. К вопросу о фортификации городищ городецкого времени Среднего Поочья	4
Таисия Останина Кирбинское городище на р. Меше	15
Владимир Винничек Археологические исследования в районе Усть-Узинского могильника	44
Игорь Пастушенко Еще раз о локализации Вису	56
Козьма Куликов Символ коня в древнеудмуртском мифологическом искусстве	65
Владимир Рогачев Тюркские заимствования в мордовском свадебном обряде	76
Терентий Харамзин Природно-ресурсный потенциал Ханты-Мансийского автономного округа	79
Социально-экономические инновации в традиционной культуре обских угров	81
Валерий Войтович Правовое положение Удмуртской АССР по конституционному законодательству 1977–1978 годов	85
Марат Гатин Финно-угристика в университетах Германии	106

Критика и библиография

Евгений Казаков Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Монография Т.Б.Никитиной. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. – 432 с. с илл.	109
---	-----

Хроника

Евгений Казаков Финно-угорская археология Урало-Поволжья 1995-2000 гг. (публикации по раннему железному веку и средневековью)	114
Список сокращений	122
Сведения об авторах	123

От редакции

Предлагаемый двоякный номер журнала включает статьи по широкому кругу вопросов истории финно-угорского мира. Территориально они касаются обширной лесной зоны Евразии от Зауралья до Верхнего Поволжья, где обитают современные финны и угры и где проживали их древние предки.

Журнал открывается трудами, подготовленными на археологическом материале. В статье В.Челяпова, В.Буланкина, А.Губайдуллина представлена типология городищ раннего железного века бассейна Средней Оки. Отмечено, что они локализуются в лесной части региона, в то время как степные зоны, где существовала опасность нападения со стороны скифо-сарматского мира, оставались незаселенными. В статье Т.Останиной представлен основательный анализ материала из раскопок Кирбинского городища, расположенного на р.Меше в Лаишевском районе Республики Татарстан. На этом памятнике выявлены комплексы ананьинской и азелинской культур, а в именковское время здесь находилось святилище. Кирбинское городище предоставляет важные данные для освещения древней истории Закавказья, слабо исследованного археологически. Небольшой, но интересный материал из разрушаемого водохранилищем языческого мордовского могильника XVII-XVIII вв. у с. Усть-Уза Пензенской области опубликовал В.Винничек. Среди подъемного материала с этого памятника имеется серебряная индийская монета IX в. Подобная монета найдена на Измерском селище в Татарстане, которое в конце X-XI вв. было главным торговым пунктом волжских болгар. В небольшой, но насыщенной источниками работе И.Пастушенко еще раз рассматривается вопрос о локализации земли и народа «вису» эпохи средневековья. Статья К.Куликова посвящена выявлению символа коня в древнем искусстве. По мнению автора, он имеет отражение в мифологии древних удмуртов, которая, в свою очередь, во многом является отражением соответствующей системы древних индоиранских верований.

Тюркские заимствования в мордовском свадебном обряде освещаются в очерке В.Рогачева. Два небольших очерка Т.Харамзина посвящены рассмотрению природно-ресурсному потенциалу Югры (современное название Ханты-Мансийского автономного округа) и социально-экономических инноваций в традиционной культуре обских угров. В развернутом исследовании В.Войтовича рассмотрено правовое положение Удмуртской АССР по конституционному законодательству 1977-78 гг. Очерк М.Гагина освещает современное состояние финно-угристики в Германии.

В разделе «Хроника» Е.Казаковым представлен анализ публикаций по финно-угорской археологии за 1995-2000 гг. в Урало-Поволжье (ранний железный век и средневековье). В разделе «Критика и библиография» этот же автор анализирует монографию Т.Б.Никитиной «Марийцы в эпоху средневековья», являющейся заметным вкладом в решение проблем этногенеза поволжских финнов.

Виктор Челяпов, Валентин Буланкин, Айрат Губайдуллин
**К вопросу о фортификации городищ городецкого
времени Среднего Поочья**

Фортификационные сооружения поселений играли значительную роль в истории и материальной культуре различных народов в древности. Они позволяют безошибочно судить об уровне развития экономики и технических возможностях населения их оставивших. Как следствие этого, можно определить и уровень военно-инженерной мысли, ступень в ее эволюции, а также проследить влияние в этой области со стороны окружающего мира или отсутствие такового. В данном аспекте интересно рассмотреть конкретно отдельно взятую археологическую культуру или общность и попытаться выявить пути ее развития, различия и сходства в конструкциях и типах.

В результате многолетних исследований, проведенных в Среднем Поочье, накоплен значительный материал, касающийся, в частности, укрепленных поселений раннего железного века, чье количество на сегодняшний день составляет около 170 памятников. Хронологически они связываются с городецким временем, которое охватывает период с VII в. до н.э. до 1-ой пол. I тыс. н.э., т.е. до появления в регионе культуры рязано-окских могильников.

Для анализа пространственного размещения и распределения городищ на местности необходимо, в первую очередь, рассмотреть природно-географические условия бассейна Средней Оки и ее притоков, которые, в основном, относятся к территории современной Рязанской области. Она состоит из двух больших частей – северной (Мещерской) и южной (лесостепной). Первая представляет собой плоскую равнину с песчаными днами и большими болотами, где произрастают сосновые леса. Лишь на востоке находится Касимовское (Окско-Цнинское) плато с хорошо развитой речной и овражной сетью.¹ Видимо, с этим можно связать столь неравномерное распределение укрепленных поселений на местности. Основная масса городищ городецкого времени сосредоточена в районе современного г.Касимова, Великого озера (на северо-северо-западе) или тяготеет к р.Ока (рис.1).

Южная часть – зона широколиственных лесов и остепненных дубрав. Рельеф волнистый, с глубокими оврагами и долинами рек – притоков Оки.² Именно здесь концентрируется наибольшее количество укрепленных поселений и селищ городецкой культуры, что, по-видимому, можно связать с наиболее благоприятными условиями для проживания и ведения хозяйства. Памятники, в основном, тяготеют к р.Ока и ее правым притокам – Воже, Истье, Проне, Паре, Мокше и др. Одной из особенностей распределения данных городищ на местности является их почти повсеместное расположение в зоне лесов (рис.1). Степные же коридоры, которые тянутся с юго-запада, юга и юго-востока и глубоко вдаются в территорию леса, не были заселены. Думается, что это связано не только со способом хозяйствования, но и существовавшей угрозой со стороны скифо-сарматского мира. Многие укрепленные поселения раннего железного

века находятся как бы в пограничье двух зон, прикрывая внутренние пространства. Однако, мы не склонны говорить о какой-либо согласованности действий и, тем более, централизации в плане обороны у городецких племен, т.к. это характерно лишь для государственных образований. Возможно, здесь налицо только присутствие локальных родо-племенных объединений, связанных между собой определенными целями, например защиты и (или) торговли (обмена) с южным населением в контактных со степью зонах.

Нужно отметить различное распространение на местности городищ. Подавляющее большинство из них занимают высокие берега рек, ручьев или обводненных оврагов, значительная часть располагается в глубине последних. Некоторые памятники находятся на невысоких дюнах. Объединяет все укрепленные поселения в данном аспекте одно: основная их масса расположена над уровнем рек, ручьев или прилегающей поймы на высоте от 9-10 и более метров. В отдельных же случаях она достигает 40-50 м (например, Гневнинское (Пронское II) городище над уровнем р.Проня).

Рассматривая природно-географические условия Среднего Поочья, его территорию и размещение на ней городищ раннего железного века, необходимо коснуться планировочных особенностей последних. Как известно, типология укрепленных поселений на основе топографии зависит от использования окружающего рельефа. На сегодняшний день имеются наиболее полные топографические сведения по 151 памятнику, среди которых выделяются семь типов по расположению на местности. Это мысовые городища (I тип) (рис.2), расположенные на останцах (II тип) (рис. 3(А-Б)), на холмах (III тип) (рис.3 (В-Д)), примыкающие к обрыву или краю террасы (IV тип) (рис.4(А-Б)), на дюнах в пойме (V тип) (рис.4-В), круговое на равнине (VI тип) (рис.4-Г) и «сложномысовые», т.е. занимающие рядом расположенные мысы (VII тип) (рис.5). Их соотношение разделилось на диаграмме следующим образом (рис.6):

к первому типу относятся 127 городищ, например: Крутицынское, Азеевское I, Бараковское, Ласицы, Чернава III, Бабино-Булыгино;

ко второму типу – 9 городищ: Вышгородское, Семеновское (Высокая гора); Васильевское II;

к третьему типу – 6 городищ: Елшинское (Чертово), Гневнинское (Пронское II), Кисьвянское;

к четвертому типу – 4 городища: Дурасовское, Дядьковское, Бардаковское, Большеполянское;

к пятому типу – 2 городища: Логиновское южное, Надеинское;

к шестому типу – 1 городище: Городбищенское;

к седьмому типу – 2 городища, точнее два комплекса городищ: Куземкинские II и III, Вашинские I-III.

Несмотря на то, что основная масса памятников относится к I типу (мысовые), мы видим большое разнообразие в планировке. Это несколько выделяет данные укрепленные поселения из значительной массы синхронных городищ сопредель-

ных территорий и говорит об определенных знаниях в фортификации у построившего их населения. Не последнюю роль здесь могут играть и некоторые навыки по рекогносцировке. Особенно примечательны памятники четвертого, шестого и седьмого типов, чья планировка на местности более соответствует средневековым поселениям, чем раннему железному веку, т.к. требует сложных вычислений. Возможно, что здесь мы имеем дело с влиянием скифо-сарматского мира, с которым племена городецкой культуры тесно контактировали и где известно значительное количество городищ различных по расположению на местности.³

При рассмотрении планировки укрепленных поселений городецкого времени выявляется одна интересная особенность – это двухчастная структура некоторых памятников. На сегодняшний день известно два из них – Кривельское II и Марьинское (рис.7). Несомненно, что наличие нескольких отдельно стоящих линий валов и рвов улучшает защиту. Они также делят поселение на цитадель и предместье. По-видимому, данные укрепленные посады служили не только (и не столько) местами для проживания, но и в качестве убежища для окрестных жителей и скота на случай военной опасности. Об этом может говорить и, относительно, большая площадь предместья Марьинского городища – около 0,5 га (площадь детинца – ок.0,2 га). Примечательно также, что оба городища расположены в южной части современной Рязанской области, в зоне лесостепи и имеют себе параллели среди памятников среднедонской группы так называемой «скифообразной» культуры⁴. В свою очередь, это дает повод еще раз вернуться к мысли о влиянии последней на городецкие племена.

Рассматривая планировку городецких городищ, нельзя не затронуть и систему укреплений. Среди них отмечается различное количество валов и рвов – от одного вала, одного рва до трех валов и трех рвов. Используя сведения по укреплениям 142 памятников, была построена диаграмма, показывающая распределение оборонительных линий (рис.8).

Среди трех групп значительно преобладает простейшая схема – один вал, один ров (92 укрепленных поселения). Основное их количество относится к мысовым городищам, но также присутствует почти у всех типов (кроме VI), независимо от занимаемой ими площади и является наиболее универсальной.

Следующие две группы более малочисленны: вторая группа – два вала, два рва (39 поселений); третья группа – три вала, три рва (11 поселений). Как и в первой группе, большинство памятников с данными укреплениями составляют мысовые городища (1 тип). Схемы 2/2 нет только у городищ, расположенных на дюнах в пойме (V тип), а схема 3/3 имеется еще лишь у памятников, занимающих холмы (III тип). С чем можно это связать и есть ли для этого какие-либо причины — пока сказать трудно. Возможно, здесь мы видим следствие определенных традиций в фортификации, а также различных сложностей при строительстве многорядных оборонительных линий применительно к конкретным топографическим условиям. Не исключено даже, что имеет место принцип целесообразности или разумной достаточности.

Несмотря на малочисленность городищ со схемами укреплений 2/2 и 3/3, в процентном соотношении с первой группой они доминируют применительно к большим по площади поселениям. В связи с этим, можно сделать предположение об их более высоком социальном статусе, т.е. данные памятники являлись родоплеменными центрами. Об этом, в какой-то мере, говорит и кустовое расположение городищ и селищ городецкого времени.

Кроме основной системы обороны, у некоторых исследуемых памятников фиксируются и дополнительные укрепления, располагавшиеся с наименее защищенных местностью сторон: пологим оконечностям мысов и склонов. На сегодняшний день известно 38 таких городищ. В это число входят поселения с кольцевыми (по периметру площадки) укреплениями (6 памятников) (рис.3-В), с отрезками валов и рвов, защищающих стрелки мысов (14 памятников) (рис.2-А) и с эскарпированными склонами (8 памятников) (рис.2-Д). Имеются также поселения с комбинированной дополнительной обороной: кольцевые укрепления с эскарпом (6 памятников) (например, городище Бортное и Дьяконовское), ограждающие стрелки мысов с эскарпом (2 памятника) (Карцевское II и Красильнековское городища), со всеми тремя видами укреплений (2 памятника) (Новоселковское (Протасовское) и Запольское городища).

Подобная дополнительная защита более характерна для городищ скифо-сарматского мира, что не раз отмечалось исследователями,⁵ а также для памятников средневековья. Налицо параллели и в системах обороны, в их многорядности.⁶ Возможно, неслучайно размещение большинства вышеприведенных укрепленных поселений городецкой культуры в южных районах, а также в контактных со степью зонах.

Комплекс устройств оборонительных сооружений городищ призван был защищать население от нападений противника. Вместе с тем, любое укрепленное поселение должно было иметь какой-либо проход на ее площадку. Так как въезд на территорию городища являлся самым уязвимым местом в обороне, его стремились как можно более обезопасить.

В валах поселений городецкого времени часто наблюдаются разрывы, которые иногда связывают с проездом на территорию памятника. В этом случае требуется отдельный подход к каждому типу городищ, относительно расположения их на местности.

В связи с тем, что укрепленные поселения IV и VI типов почти не имеют каких-либо естественных преград для нападения, кроме искусственных, проезды у них должны были находиться в системе валов и рвов. Поэтому современные разрывы иногда можно отождествлять с древними воротами. Для этого, однако, требуется также и археологическое подтверждение.

Мы имеем очень ограниченное количество данных по этому вопросу. Пока можно лишь с долей вероятности отметить типы проездов только на некоторых укрепленных поселениях. Это городище Бабино-Булыгино, где въезд осуществлялся между краем площадки и оконечностью вала (рис.2-Е); городище Семеновское (Высокая гора) с въездом по скату террасы в виде «языка», спускающемуся от площадки к

востоку-юго-востоку (в противном случае этот подъем был бы эскарпирован) (рис.5); Марьинское городище, где в самом изломе укреплений предместья зафиксирован въезд (рис.7). Вызывает большой интерес система проезда на городище Чернава II, где оборонительный пояс состоит из двух валов и двух рвов. Здесь почти по центру внешней линии имеется проем, устроенный в виде *clavicula* – принцип, когда один конец вала заходит за другой, образуя коридор (рис.9). Данный прием по устройству въезда является аналогией античным (римским) фортификационным сооружениям, зафиксированным, в частности, в Северном Причерноморье.⁷

Второй проем (внутренний) расположен в южной части укреплений – между краем мыса и оконечностью внутреннего вала. Таким образом, дальнейший проход осуществлялся с поворотом в левую сторону по своеобразному коридору – периболу, составляющему почти половину окружности между оборонительными насыпями, устройство которого рекомендовалось военно-инженерной наукой древности.⁸ В этом случае входящий на поселение должен был поворачиваться к стене правым боком не прикрытым щитом. Подобный прием был отмечен и у некоторых городищ III-II вв. до н.э., расположенных на верхней Волге.⁹ Не исключено его более широкое присутствие и на памятниках исследуемого региона.

Вообще тема, касающаяся проездов и их особенностей, еще мало изучена. Это относится как к укрепленным поселениям древности, так и средневековья. Поэтому требуется комплексный подход при изучении фортификационных сооружений, неотъемлемой частью которых являются воротные проемы.

Непрерывным атрибутом укрепленных поселений городецкого времени были, несомненно, оборонительные сооружения, относящиеся к категории дерево-земляных. Их остатки дошли до нашего времени в оплывшем состоянии. Не смотря на это, можно наблюдать некоторые различия в профилировке валов. Типичными профилями являются трапециевидные и подтреугольные. Имеются памятники, на которых присутствует только один или другой профиль, а также их комбинирование. В последнем случае внутренний вал трапециевидный, а внешний (или внешние) подтреугольный, например, Елшинское (Чертово) городище (рис.3-В).

Несомненно, что внешние валы несли функцию дополнительной защиты поселений с напольной стороны. Ввиду этого, их профиль часто имеет подтреугольную форму, что вряд ли подразумевает существование на них в древности каких-либо серьезных конструкций, кроме частокола или плетня. Подтверждением тому могут служить данные археологических исследований не менее чем десятка городищ раннего железного века этого региона. Устанавливался частокол и по периметру площадки поселений, край которой часто укреплялся от осыпания специальными деревянными конструкциями, что, например, было прослежено при изучении Кисьявского городища или городища Красный Угол.

Внутренние трапециевидные валы имели более сложные дерево-земляные сооружения. Так на городищах Кривель 1-II, Ваша 1, Елшинском (Чертовом) и некоторых других были выявлены конструкции из мощных бревен в виде частокола, установленных ближе к внешней отлогости оборонительной насыпи, к кото-

рым с внутренней стороны примыкали стенки, сложенные из более тонких бревен. Последние создавали своеобразные клетки, призванные служить крепезом для вала и препятствующим его оплыванию. Возможно, они явились провозвестником более сложных сооружений эпохи средневековья, выполненных в виде городней и тарас. По-видимому, эти конструкции являлись также следами построек типа «жилые стены», которые К.А.Смирнов связывает с влиянием балтского населения, продвигавшегося на восток.¹⁰ Косвенным подтверждением застройки площадок городищ вдоль внутренней стороны вала или вдоль края может служить распространение в этих местах культурного слоя, тогда как центральная часть поселений оставалась свободной от жилищ и служила загоном для скота.

Кроме вышеприведенных оборонительных типов стен существовали и другие защитные сооружения, которые можно трактовать как двухрядные плетни с внутренней засыпкой грунтом, а также наклонные надолбы. Сами оборонительные насыпи иногда защищались от оплыва специальным обжигом их поверхности и панцирем из известняковых камней, что было прослежено Б.А.Фоломеевым на Шишкинском городище.¹¹ Такой способ укрепления валов не являлся исключением в эпоху раннего железа. Неоднократное прокалывание внешних отлогостей оборонительных насыпей прослежено, например, на Антоновском¹² и Гремячключинском¹³ городищах, относящихся к ананьинскому времени и расположенных в приустьевой части р.Камы.

Таким образом, следует полагать, что население Среднего Поочья в городецкое время не существовало изолировано от окружающих территорий и развивалось в общем русле формирования и становления культур раннего железного века средней полосы. Происходившие процессы заимствований и взаимовлияний должны были отражаться на материальной культуре, что в какой-то степени, нам удалось проследить на примере укрепленных поселений, особенностях их фортификации. Думается, однако, это не говорит лишь о простом копировании каких-то идей строительства, но об определенном уровне развития культуры, который позволял перерабатывать различные достижения в военно-оборонительном деле применительно к местным условиям и традициям.

Примечания:

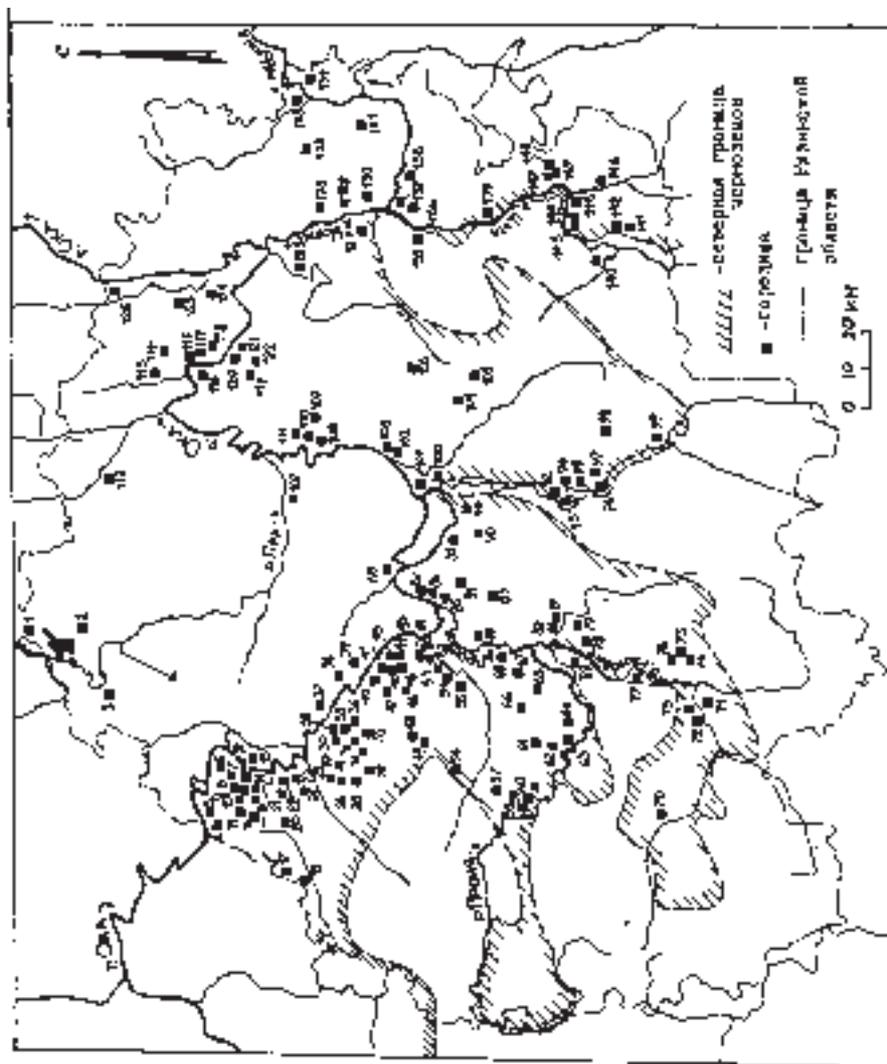
- ¹ Гущина Е.Г. Геоботаническое районирование Рязанской области // Биологические науки, № 9. М., 1988. – С.78.
- ² Там же. – С.79-82.
- ³ Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М.: Наука, 1989.
- ⁴ Там же. – С.79, табл.18.
- ⁵ Плетнева С.А., Макарова Т.И. Южное городище у с.Витачева // КСИА. Вып.104, 1965. – С.56,60.
- ⁶ Степи европейской части... – С.79.
- ⁷ Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев: Наук.думка, 1991. – С.79.
- ⁸ Витрувий Марк Поллион. Об архитектуре. Л., 1936. – С.35.

- ⁹ Смирнов К.А. Эволюция укреплений на поселениях верхней Волги в эпоху раннего железа // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК. Вып.23. Йошкар-Ола. – С.6-7.
- ¹⁰ Там же. – С.6-7.
- ¹¹ Фоломеев Б.А. Шишкинское городище // Древности Оки / Труды ГИМ, Вып.85. М., 1994. – С.139-141.
- ¹² Марков В.Н. Антоновское городище (О поздней дате существования «текстильной» керамики на памятниках Казанского Поволжья и Усть-Камья) // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК, вып.21. Йошкар-Ола, 1992.
- ¹³ Марков В.Н. Городище Гремячий Ключ // Древности Среднего Поволжья / АЭМК, вып.13. Йошкар-Ола, 1987.

Рис. 1. Карта городищ раннего железного века на территории Рязанской области.

→

1 – Белое (Городбищенское); 2 – Деевское; 3 – Тюков городок; 4 – Борисоглебское мысовое (Бакинское); 5 – Почта; 6 – Малявница; 7 – Новоселковское (Пощуповское); 8 – Ромодановское; 9 – Путковское I; 10 – Путковское II; 11 – Шишкинское; 12 – Костинское; 13 – Кричина; 14 – Митинское (Бортное, Чертов угол); 15 – Волыньское; 16 – Абловское; 17 – Казицинское; 18 – Глебово-Городище; 19 – Бараковское; 20 – Баграмовское; 21 – Недостоевское I; 22 – Недостоевское II; 23 – Логиновское южное; 24 – Канищевское; 25 – Дашковское (Храповское); 26 – Секиотовское; 27 – Сысоевское (Красный яр); 28 – Дьяконовское; 29 – Семеновское (Высокая гора, Никольское); 30 – Карцевское I; 31 – Карцевское II; 32 – Дядьковское; 33 – Новоселковское (Протасовское); 34 – Поленское; 35 – Глебовское; 36 – Льговское (Рубцовское); 37 – Мурманское; 38 – Казарское; 39 – Сумбуловское; 40 – Вышгородское (Антоновское, Богатырский Бугор); 41 – Гавердовское; 42 – Пальновское I; 43 – Пальновское II; 44 – Половское I; 45 – Половское II; 46 – Половское III; 47 – Наумовское; 48 – Васильевское (Тарасовское, Чортово); 49 – Запольское; 50 – Красильниковское; 51 – Троице-Пеленицкое II (Остролуцкое); 52 – Троице-Пеленицкое I; 53 – Бардаковское (Огородниковское); 54 – Пахотинское; 55 – Истьянское; 56 – Долматовское; 57 – Елшинское (Чертово); 58 – Пронское (Покровский Бугор); 59 – Вуколов Бугор; 60 – Гневнинское; 61 – Панкинское (Титов порядок); 62 – Кисьвянское; 63 – Денисовское; 64 – Юраковское; 65 – Никитинское; 66 – Большеполыанское; 67 – Шишкинское (на Итье); 68 – Столпянское; 69 – Семионовское; 70 – Красный городок; 71 – Городок II; 72 – Городок III; 73 – Ногайское II; 74 – Чернавское I; 75 – Чернавское II; 76 – Чернавское III; 77 – Княжовское (Григорьевское); 78 – Лесуновское; 79 – Пустогинское (Летогощинское); 80 – Красногорское I; 81 – Красногорское II; 82 – Больше-Пироговское; 83 – Новопустыньское (Разбойный городок); 84 – Фроловское; 85 – Никитинское; 86 – Шатрищенское; 87 – Старорязанское (Северный мыс); 88 – Городецкое; 89 – Городище; 90 – Крутицкое; 91 – Кривцовское I; 92 – Кривельское I; 93 – Кривельское II; 94 – Марфинское; 95 – Красный угол (Бабий городок); 96 – Дмитриевское (Морозовы Борки); 97 – Ширинское; 98 – Васинское; 99 – Сысоевское; 100 – городище у с.Борок; 101 – Тереховское; 102 – Надеинское; 103 – Нащинское; 104 – Деревягинское; 105 – Копнинское; 106 – Мелеховское; 107 – Брыкин Бор; 108 – Нармушадское (Улиткина Гора); 109 – Куземкинское I; 110 – Куземкинское II; 111 – Куземкинское III; 112 – Былинское; 113 – Сынтульское; 114 – Бабино-Бульгинское; 117 – Столбище; 118 – Поповское; 119 – Ждановское (Шостыньское); 120 – Баишевское; 121 – Перво; 122 –

Ташенское; 123 – Маревское (Пет); 124 – Сабуровское; 125 – Ватриницкое; 126 – Окшовское; 127 – Нащинское; 128 – Азеевское; 129 – Больше-Ляховское; 130 – Дурасовское; 131 – Армыжи; 132 – Афанасьевское; 133 – Пургасовское; 134 – Верки; 135 – Темгеновское; 136 – Бастановское; 137 – Кошибеевское; 141 – Веселый I; 142 – Веселый II; 143 – Темешевское I; 144 – Темешевское II; 145 – Николаевское; 146 – Марьинское; 147 – Вашинское I; 148 – Вашинское II; 149 – Вашинское III.

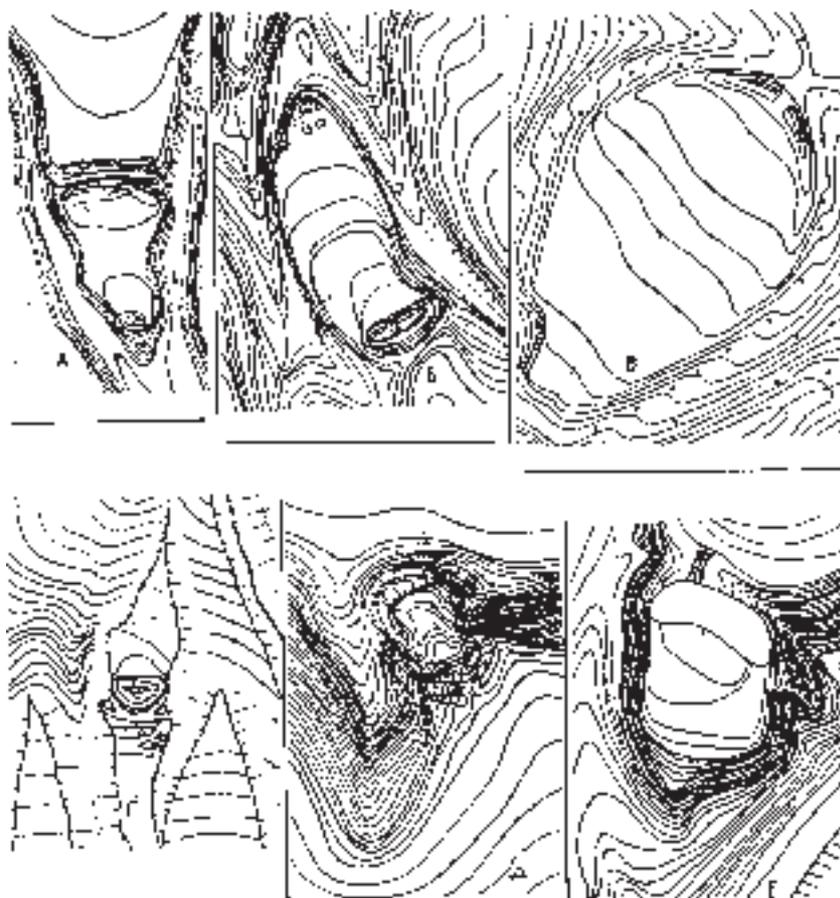

Рис.2. Мысовые городища (1 тип).

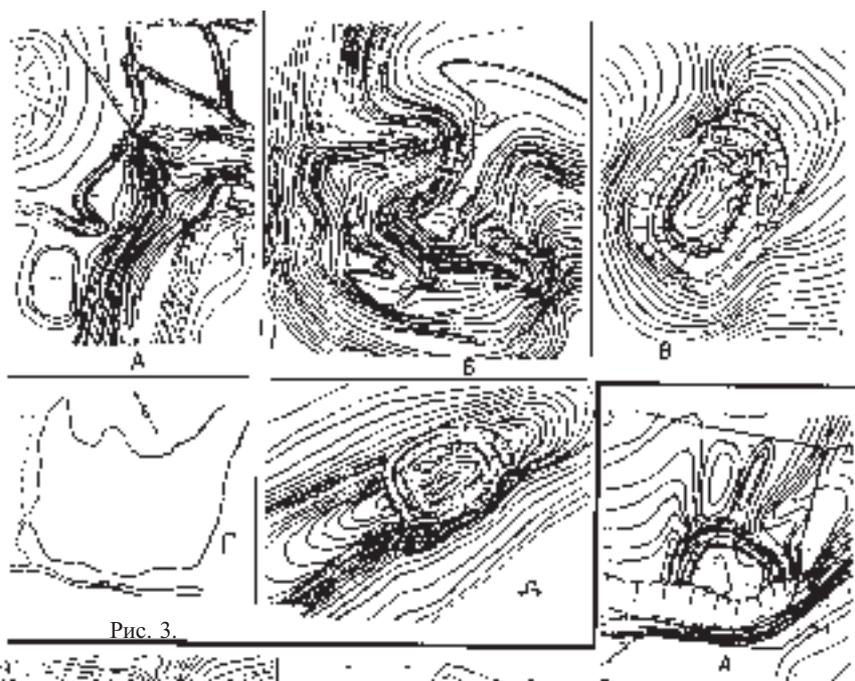

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 3. Городища на останцах (II тип (А – Б)), городища на холмах (III тип (В – Д)).

Рис. 4. Городища, примыкающие к обрыву или краю террасы (IV тип (А – Б)), городища на дюнах в пойме (V тип (В)), городище круговое на равнине (VI тип (Г)).

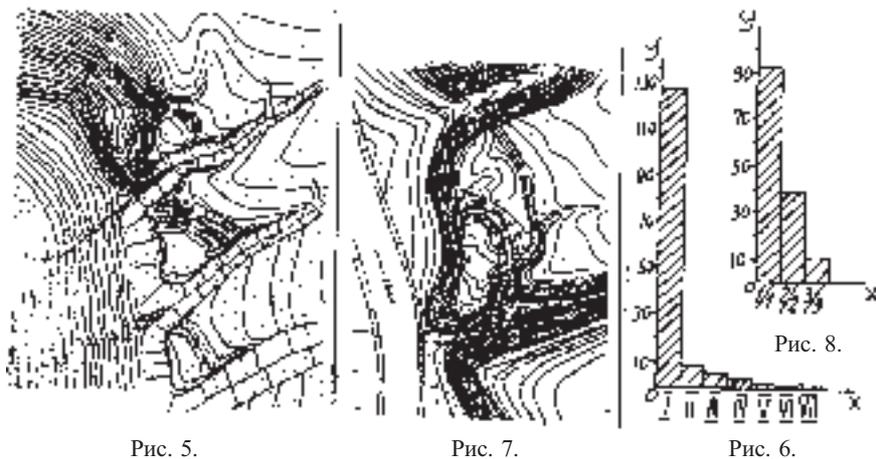

Рис. 5.

Рис. 7.

Рис. 6.

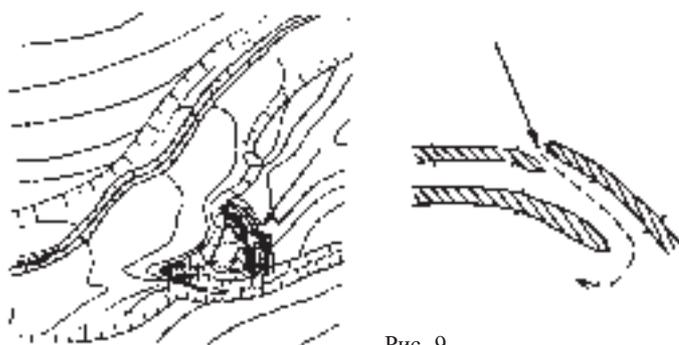

Рис. 9.

Рис. 5. Городище «сложномысовое» (VII тип).

Рис. 6. Диаграмма соотношения количества городищ (ось Y) и их типов (ось X).

Рис. 7. Марьинское городище (двухчастная структура).

Рис. 8. Диаграмма соотношения количества городищ (ось Y) и количества оборонительных линий (ось X).

Рис. 9. Городище Чернава II. Тип проезда в виде clavicula, перибола.

Таисия Останина
Кирбинское городище на р. Меше

В 1983 г. при обследовании р. Меше, правого притока р. Камы, разведывательный отряд Удмуртской археологической экспедиции под руководством В.А.-Семенова открыл городище около с. Кирби Лаишевского района ТАССР (ныне Республика Татарстан), которое было им датировано I тыс. н.э.¹ В целях исследования памятников послепьяноборского времени археологическая экспедиция Удмуртского республиканского музея (ныне Национальный музей УР) решила провести на данном памятнике рекогносцировочные раскопки. Работы были проведены под руководством автора данной статьи в июле 1987 г.²

Кирбинское городище располагается в 0,2 км к юго-западу от с. Кирби, на правом берегу р. Меше, на втором мысу от села в сторону д. Караишево. У подошвы мыса жители ежегодно проводят татарский национальный праздник «Сабантуй». В 0,1 км к северо-востоку от городища находится старица, а в 2,0 км к востоку – русло р. Меше.

Городище занимает невысокий (13 м) языковидной формы мыс, площадью 1052 кв. м, защищенный с напольной стороны рвом, а с мысовой – рвом и валом (рис. 1). Площадка древнего поселения возвышается над дном первого рва на 4–5 м. Длина мысового вала и рва 3,4 м. Поверхность городища хорошо задернована, его площадка имеет форму ступни (рис. 1), относительно ровной у напольного рва и имеющая перепад более 272 см к востоку и к северу. Склоны в древности были более покатые, но в результате деятельности человека были искусственно приподняты, судя по стратиграфии участков линий АБ, частично В на 120–145 см – на южном склоне, на 60–90 см – на юго-восточном, и на 165 см – на западной части площадки, у рва (рис. 4).

Раскоп был заложен от начала напольного рва, в юго-западной части мыса, вдоль южного и северо-западного склонов. Вскрыто больше половины площади (686 кв. м.; 65 %). Раскопки производились участками 2х2 м в ширину трех линий (6 м), что облегчало фиксацию обнаруженных сооружений. Вскрытие культурного слоя производилось горизонтами в 6, 15, 10 см и т. д. Стратиграфия напластований на большей части раскопа была проста: дерн (5–6 см), гумус (12–30 см), глина – материковый слой. Следует отметить, что мощность слоя гумуса в 15–20 см на большей части участков преобладает. В северной и северо-западной частях раскопа подстилающим слоем были песок или песок с глиной. Участки, находящиеся по краям площадки, в первую очередь по линии А, Б, В, кроме дерна и гумуса, имели следующие нижележащие слои: гумус с вкраплением песка, прокаленной глины, угля (10–90 см), гумус с вкраплением песка (20–60 см), светло-серая супесь с вкраплением песка (10–100 см). Судя по их составу, они образовались вследствие специального наноса земли для увеличения и подъема площадки городища, а также сброса сюда хозяйственного мусора (от чистки очагов). Возможно, для укрепления южного склона ис-

пользовали прокаленную глину. Ее скопление толщиной 20–60 см зафиксировано на уч. АБ/1–4. В отличие от плотной массы прокала очагов, здесь она рыхлая, принесенная извне. Анализируя стратиграфию крайних участков раскопа, расположенных на склонах мыса, а также наличие или отсутствие находок, можно предположить следующий процесс укрепления склонов. Вначале на участках АБВ/1–8 была насыпана светло-серая супесь с песком или слой гумуса с песком толщиной до 100 см (рис. 4). Слой светло-серой супеси с песком фиксируется и на нижних горизонтах 1–2 крайних участках раскопа, прилегающих с северо-запада ко рву, хотя здесь толщина слоя меньше (до 75 см). Следует отметить, что ниже 3–5 горизонтов указанных участков отсутствуют находки. Возможно предположить, что грунт был взят при рытье рва, а подсыпка сделана первыми поселенцами городища – ананьинскими племенами. Уже в ходе их жизнедеятельности (3–5 горизонты) происходит наброс хозяйственного мусора, в т. ч. костей, фрагментов керамики. В это же время интенсивно заполняются мусором участки в юго-восточной части раскопа (уч. АБВ/9–16; ГД/15–16). В результате на южном и юго-западном склоне мыса мощность культурного слоя достигла 150 см, тогда как в большей части городища равнялась 20–30 см. Археологические работы позволили зафиксировать очертания 28 ям от столбов и кольев, 14 очагов и одной хозяйственной ямы (рис. 2; 4).

Характеристика обнаруженных объектов. Все очаги имеют простую конструкцию: подушка разной степени прокаленной глины округлой (7 сл.), подпрямоугольной (4 сл.) или близкой к ней овальной (3 сл.) формы*. Лишь 2 очага (IX, XII), кроме того, с одной стороны глиняной подушки имеют околоочажную впадину (пятно?) ромбовидной или подпрямоугольной формы. На фоне слоя гумуса они выделяются лишь вкраплением кусочков обожженной глины и угля (очаг IX) или вкраплением глины (очаг XII). Толщина смешанного грунта соответственно 10; 3–5 см.

В разрезе очаги Кирбинского городища имели линзовидную (6 см) или полулинзовидную (8 см) форму. Анализируя характеристику очагов, можно выделить следующие моменты.

1. Большинство очагов (93 %) имеют малые размеры (25–55x37–80 см), лишь очаг X выделяется бóльшими показателями – 80x112 см.

2. Малая мощность прокаленной глины очагов (2–10 см). Чаще всего она содержит в себе примесь гумуса. Прокал неравномерный, слабый. Следы сильного прокала в виде ярко-оранжевого цвета глины (8–10 см) зафиксированы лишь у очагов V, IX, X (21,4 %). Все они расположены в северо-восточной части мыса, на его склоне.

3. Очаги располагаются вдоль южного и юго-восточного края мыса, наиболее открытого со стороны р. Меши.

4. Крупные по размерам и сложные по конструкции очаги (V, IX, X, XII) фиксируются в восточной части городища – уже на склоне мыса, защищенные

* Местонахождение очага, уровень фиксации, форма, размеры, толщина прокаленной глины и ее характеристика вынесены в таблицу 1.

с запада от ветра его площадкой. Это было самое благоприятное место для разжигания костра и поддержания огня.

5. Все очаги зафиксированы на уровне материкового слоя или едва выше его на глубине 2–3 горизонтов.

На фоне подстилающего слоя песка и глины найдены очертания хозяйственной ямы (уч. М/9–10) подпрямоугольной формы размером 73x95 см. Она имела простую конструкцию (наклонные стенки, уплощенное дно) и заполнена гумусом с фрагментами глиняной посуды именьковской культуры (5 экз.) и обожженными костями. Ее глубина 20 см. Она служила для сбора хозяйственного мусора, возможно, имела естественное происхождение.

Анализ конструкции, размеров, глубины обнаруженных при раскопках 28 столбовых ям дает возможность определить характер их использования. Ямки диаметром 18–33 см (1 сл. – 45 см) принадлежат столбам (опр. 13 сл.), остальные оставлены от кольев. Последние ямки имеют малый диаметр (5–15 см), а в разрезе – коническую или прямоугольную форму. В первом случае кол был заострен для лучшего забивания, во втором случае – кол для закрепления приваливался лишь землей (ямки № 1, 12, 17, 18). Следует отметить, что при раскопках найдена лишь нижняя часть ямок на уровне подстилающего слоя (кроме ямки № 1 – в культурном слое), поэтому их глубина небольшая (от 6 до 28 см; только ямка № 21 – 55 см). На участках Е/13–14; И/9–10 зафиксированы пятна выхода погребенной почвы (светло-серая супесь с песком, без находок), которые можно отнести к впадинам естественного характера.

Описание вещевого материала. Находок вещей обнаружено сравнительно мало и они составляют в основном орудия труда или их заготовки из железа (5 экз.), кости (8 экз.), глины (26 экз.) и камня (15 экз.), а также обломок втулки наконечника копья (рис. 5, 14).

Ножи по своей конструкции и размерам типичны для I тыс. н.э.: клинок с прямым обухом и брусковидный черешок. Найдены 3 ножа полной формы (рис. 5, 6–8) и обломок клинка (рис. 5, 12). На черешке остались фрагменты дерева от рукояти, для закрепления которой имелись уступчики как со стороны лезвия, так и обушка ножа. Длина клинков равнялась 7,5 см (рис. 5, 6), 9,0 см (рис. 5, 7) и 11,2 см (рис. 5, 8). Все эти признаки позволяют отнести ножи к разряду универсальных, широко использовавшихся в хозяйственной деятельности человека. Все они обнаружены в культурном слое первого и второго горизонтов.

Наковальня (рис. 5, 10) имеет форму усеченной пирамиды квадратного сечения со слегка выпуклой верхней (рабочей) площадкой. Ее размеры 26x31 мм, а высота головки – 50 мм. Обычный для данного вида предметов хвостовик круглого сечения, предназначенный для крепления в деревянное основание, отсутствует. От него осталось лишь небольшое углубление диаметром 8 мм. Аналогичной конструкции и размерами наковальня найдена В.Ф.Генингом в 5 погребении Суворовского могильника³. Весь комплекс вещей, обнаруженный в берестяном туеске, в т. ч. молоточек, трактуется им как ювелирный, принадлежащий женщине-литейщице. Фун-

кционально также определяется набор предметов в 33 погребении V Рождественского могильника П.Н.Старостиным и С.В.Кузьминых⁴ (погребение литейщицы). Обнаружена подобная наковальня на городище Зимно пражско-корчаковской культуры (V–VII вв.) наряду с зубилом и железным молотком⁵.

На наш взгляд, наковаленка может иметь отношение не только к металлургии и кузнечному ремеслу, но и к инструментам для отбивки кос. Подобной конструкции и таких же малых размеров предметы входят в состав музейных этнографических коллекций под названием «наковальная металлическая», «бабка», «бабочка» и «наковаленка»⁶. В «Товарном словаре» промышленной продукции середины 1950-х годов дается такая же характеристика, что и в нашем случае, «бабки косоотбойной» для отбойки (расплющивания) режущей кромки кос⁷, которая выпускается в комплекте со специальными косоотбойными молотками. В этнографической коллекции Российского этнографического музея он называется «косный молоток», «отбой», «собачка» и представляет собой с одной стороны сплошной квадратный, а с другой – сплошной клиновидный боек⁸. Размеры косоотбойного молотка незначительные (ширина бойка 25 мм, длина молотка 120 мм). Их конструкция, размеры соответствуют ювелирным молоткам азелинской культуры, входящих в погребальный инвентарь вышеназванных погребений. Ширина рабочей части наковаленки с Кирбинского городища соответствует ширине бойка молоточка из азелинских могильников (26 мм) и ширине кос-горбуш этой культуры.

Пряслица (12 экз.). Найдено 4 экземпляра полной формы и 8 в виде обломков. Форма сечения дает возможность выделить 5 типов пряслиц.

Тип 1. Биконические (опр. 3 экз.) диаметром по тулову 3,5; 3,3 см при высоте 2,5 см (рис. 6, 6, 10). Соответственно диаметр канала равен 0,9 и 0,6 см. Выполнены из глиняного теста с примесью мелкого шамота или шамота с песком. Средняя часть одного пряслица украшена двумя рядами ямочных наколов и рядом ломаной линии ямок (рис. 6, 6).

Тип 2. Шарообразное пряслице (1 экз., рис. 6, 5), диаметр по тулову 3,0 см, а канала 0,6 см. Изготовлен из глины с примесью мелкого шамота и песка.

Тип 3. Усеченно-биконические (2 экз.), диаметром по тулову 4,9 см и высоте 2,3 (рис. 6, 14) и 1,5 см (рис. 6, 4). Диаметр канала соответственно равен 1,2 см и 1,0 см. Изготовлены из глины с примесью мелкого шамота и песка.

Тип 4. Цилиндрические, имеющие в сечении прямоугольник с округленными углами (5 обл.). Выполнены они из глины с примесью мелкого песка и шамота (3 экз., рис. 6, 3) или из известняка (2 экз., рис. 6, 1, 2). Они имеют высоту в пределах 1,1–1,4 см. У одного пряслица определен диаметр по тулову (3,1 см) и его канал (0,7 см). Каменное пряслице орнаментировано фигурами из косых насечек (рис. 6, 2).

Тип 5. Усеченно-коническое (один обломок, рис. 6, 9) пряслице выполнено из головки трубчатой кости, имеющую рыхлую структуру. Его диаметр равен 4,8 см, высота – 2,2 см, диаметр канала – 1,2 см.

Пряслица 1–3, частично 4 типа, изготовленные из глины с примесью мелкого шамота и песка, характерны для памятников именьковской археологической куль-

туры⁹. Кроме того, пряслица первых трех типов имеют широкие аналогии в вещевых комплексах памятников I тыс. н.э. к востоку от Вислы до Днестра и Буга, – пшеворской, липецкой, киевской, черняховской, пражско-корчаковской культур. Наиболее популярны пряслица шарообразной (тип 2) и биконической (тип 1) формы были на памятниках пражско-корчаковской культуры, где, как правило, они имели ямочный орнамент, что мы и наблюдаем на Кирбинском городище (рис. 6, 6)¹⁰. Следует отметить, что почти весь выделенный нами типологический комплекс фиксируется прежде всего на памятниках черняховской культуры (II–IV, V вв.), тогда как на памятниках киевской культуры – наибольшее распространение имели усеченно-биконические («уплощенно-биконические») пряслица¹¹. В местной финно-угорской среде наибольшей популярностью пользовался 4 тип (цилиндрические) пряслиц. Изготавливали их из глины с примесью битой раковины, песка, органики, а также из камня и кости. Обломки двух каменных пряслиц по характеру орнамента, материалу изготовления, форме можно отнести к ананьинской культуре. В системе оформления пряслиц этой культуры было популярно изображение солнца в виде диска (канал-отверстие) с лучами. Лучи солнца делались древними мастерами тонкими резными линиями¹². В нашем случае солнечные лучи представлены «пучками» косо поставленных линий (рис. 6, 2).

Коллекция изделий из кости небольшая (8 предметов).

Проколки выполнены из малых берцовых костей молодых свиней (4 экз., рис. 5, 1–4)*, для удобства практического использования подправленные рукой человека. Так, рабочая часть (острие) немного срезана, заострена и имеет следы лощения. Одна проколка снабжена круглым отверстием для подвешивания (рис. 5, 2). Размеры проколки в пределах 7,2–9,2 см. Подобные проколки найдены на Маклашеевском II городище имениковской культуры¹³. Из отростков рогов лосей (козули? благородного оленя?) выполнены 2 предмета, назначение которых пока трудно определить. Один отросток рога лося длиной 6,2 см обработан ножом, поверхность и торцовая площадка заглажены (рис. 5, 13). В средней его части имеется круглое сквозное отверстие. Возможно, предмет мог служить для растирания мелких веществ (красок, травы). Точно такой же формы и длины отросток рога из Конецгорского селища опубликован А.В.Збруевой, но только без отверстия сбоку. Этот предмет исследовательница отнесла к группе рукояток¹⁴. Другой, более длинный конец рога лося известен в литературе по ананьинской культуре как наконечник мотыжки¹⁵ или наконечник палки-копалки¹⁶. Конической формы орудие труда длиной 11,7 см в более широкой части имеет втулку – отверстие для крепления рукояти диаметром 1,5 см. Кроме того, оно снабжено двумя сквозными отверстиями (рис. 5, 9). Поверхность хорошо залощена, в верхней части имеется небольшой выступ, украшенный насечками. В средней части – грубо вырезанное ножом углубление. Выступ, втулка, углубление, сквозные отверстия входили в систему крепления костяного предмета к дереву (рукояти?). В

* Автор приносит искреннюю благодарность к.б.н. Э.В.Алексеевой за определение вида животных, из костей которых выполнен вещевой комплекс городища.

отличие от опубликованных в литературе подобных предметов, этот наконечник выполнен не из пустотелой кости и его рабочая часть не заострена, но явно видны следы ударов. Наконечник вряд ли служил сельскохозяйственным орудием, но мог быть предназначен для обработки материала, требующего меньшей силы удара.

В коллекции имеется еще один предмет, выполненный из естественной формы подъязычной кости коровы (рис. 5, 5). Древний мастер лишь незначительно укоротил кость и сделал лощение поверхности. На одном конце подъязычной кости – отверстие для подвешивания, другом – своеобразная лопаточка для обработки шкуры (?), кожи (?), ткани (?). С обеих сторон лопаточки сохранились царапины, идущие вдоль кости. Это довольно редкая находка на памятниках Прикамья. Она могла служить в качестве гладилки при шитье одежды, обуви. Хотя на памятниках археологии ананьинской культуры были известны гладилки других форм и размеров. Все описанные костяные предметы найдены в основном в культурном слое 3–4, реже – 2 горизонтов. Со второго горизонта происходит кусок рога лося длиной 13 см, имеющий на конце следы среза. Он мог служить заготовкой для изготовления костяных предметов, в производстве которых ананьинцы добились высокого уровня мастерства.

Тигли найдены в основном в обломках (13 экз.) и только 3 полной формы. Нами выделено 3 типа тиглей

Тип 1. Чашеобразные (2 экз. полной формы и 9 обломков, рис. 6, 11, 13, 16, 17). Цилиндрической формы невысокие сосудики, имеющие сбоку слив. Размеры сохранившихся тиглей следующие: 7,5х6,2 см при высоте 3,3 см (рис. 6, 17), 5,2х4,4 см при высоте 2,6 см (рис. 6, 13). У ряда обломков можно определить высоту тиглей (2,6; 2,8; 2,8; 4,6 см). Изготовлены чаши из глины с примесью органики. Они имеют толстые стенки и дно. На их внутренней поверхности сохранились следы плавления, нагара и капли меди.

Тип 2. Конусовидные (опр. 4 экз.: 1 – полная форма, 2 фрагмента дна и 1 венчик). Конической формы сосудики сделаны из глины с песком или мелким шамотом. Внешняя, а в одном случае внутренняя, поверхность ошлакована. Размеры сохранившегося тигля: диаметр венчика 5,1 см, высота – 5,5 см (рис. 6, 15).

Тип 3. Рюмкообразные (опр. 1 экз., рис. 6, 12). Сохранилась нижняя часть тигля. Диаметр дна около 3,2 см. Изготовлен из глины с мелким шамотом, ошлакована лишь внешняя поверхность.

Тигли 1 типа имели широкое распространение на поселениях ананьинской культуры (Аргыжское, Усть-Нечкинское, I Зуево-Ключевское, Каменоложское, Буйское, Гремячий Ключ, Ройское и т. д. городища)¹⁷. Тигли 2 и 3 типов встречаются на довольно большой территории на памятниках I – начала II тыс. н.э., прежде всего именьковской культуры¹⁸.

К бронзолитейному производству относится и обломок льячки-чашечки с ручкой (рис. 6, 8). Следов нагара, плавки не наблюдается. Возможно, это был бракованный экземпляр. Обычно ручка имеет втулку, в данном случае она приплюснута. Льячки подобной формы редки на поселениях как ананьинской, так и имень-

ковской культуры¹⁹. Из предметов бронзолитейного дела найден лишь обломок медной бляшки сферической формы (рис. 5, 11). Ее диаметр – 1,8 см. Из-за ее фрагментарности систему крепления трудно определить (ушко? заклепка?).

Из предметов, связанных с черной металлургией найдено немного: 23 куса шлака, из них 6 с высоким содержанием железа (современные металлурги называют подобные образцы «обогащенной рудой»). Наибольшая длина куса достигает 10,7 см, но в основном преобладают мелкие кусочки шлака размером в несколько см. Во 2 горизонте найдена верхняя часть сосуда с цилиндрическим горлом и с очень толстым черепком (2,1 см). На внутренней поверхности – следы ошлаковки от высокой температуры. Диаметр сосуда 18 см. Возможно, он использовался для цементирования металла. На внешней поверхности обнаружены отпечатки большого числа зерен. По определению к.б.н. А.В.Туганаева это были зерна овса (*Avena Sativa*).

Коллекция предметов *из камня* состоит из двух групп: желваки, отщепы, сколы и часть нуклеуса (рис. 7); обломки зернотерок, жернова, песты-терочки.

Кремневые желваки (3 экз.) имеют размеры 8x10,5 см (рис. 7, 8), 8,8x11,5 см (рис. 7, 6), 5,4x8 см (рис. 7, 5). В последнем случае это был обломок верхней части – корочки. На желваках видны следы грубой обработки (фасетки) и сработанные выступающие края. Цвет кремня серый и молочный. Отщепы сделаны с желвачной корочки (2 экз.) или серого (1 экз.) и темно-серого (2 экз.) кремня.

Из известняка выполнены нижние плиты зернотерок, от которых осталось 2 обломка их торцовой (рис. 7, 11) и средней (рис. 7, 9) частей. Они имели типичную для памятников Прикамья эпохи раннего железного века овальную форму с плоской едва выпуклой или вогнутой рабочей площадкой. Один обломок подпрямоугольного сечения имел высоту 5 см (рис. 7, 11), другой, овального сечения – 2,9 см. Зернотерки для растирания зерна были популярны в ананьинскую эпоху²⁰. Из песчанистого известняка выполнен край жернова (рис. 7, 10). Рабочая площадка – плоская, сработана к центру. Его толщина – 4,5 см.

Не ясно назначение крупных галек-валунов (4 экз.). Об их применении возможно лишь предполагать. Бесформенные 2 куса наибольшим размером 7,5–9,0 см имели 1 или 2 ровные отполированные площадки (рис. 7, 2, 3). Они могли служить в качестве точильных брусков или пестов-терочников. Третий кусок гальки-валуна грубо обработан и имеет шарообразную форму (4,5x5,5 см). Выступающие на поверхности края сбиты. Их структура обычна для камня после удара и движения по твердому материалу. Уп্লонно-овальной формы четвертая галька-валун с одного торца оббита, а на широкой площадке – неглубокая (0,5 см) выемка размером 5,6x4,4 см (рис. 7, 4), отчего получалась своеобразная «ступа» для растирания краски? сажи?

Характеристика керамических комплексов. В период раскопок Кирбинского городища было зафиксировано 2862 фрагмента керамики и только 190 экземпляров были собраны. Форма сосудов, состав глиняного теста, орнаментация позволили выделить 3 группы-комплекса сосудов.

Керамический комплекс ананьинской культуры обнаружен в культурном слое на уровне 2–8 горизонтов, чаще всего на 2–3–4: 25 фрагментов венчиков, 3 фрагмента шеек, 2 фрагмента плечика. Это лепные сосуды, имеющие костровой обжиг. Цвет их поверхности неравномерный, наблюдается разнообразие оттенков (серый, темно-серый, светло-коричневый, охровый). Есть следы нагара как на внутренней, так и на внешней поверхности (12 сл.). В состав глиняного теста входит битая раковина, только в двух случаях – песок. Поверхность сосудов обработана щепой с последующим заглаживанием тряпкой, кожей. Лишь на семи сосудах видны следы щепы. Лощение зафиксировано на одном фрагменте.

Большая часть коллекции ананьинской посуды орнаментирована (67,5 %). Узор наносился по шейке (опр. 10 сл.) или по шейке и плечу (опр. 6 сл.). Техника нанесения узора типична для посуды ананьинской культуры Нижней Камы: вдавление (13 экз., 43,3 %), зубчатый штамп (11 экз., 36,7 %), оттиски шнура (6 экз., 20,0 %). Вдавления имели круглую (рис. 8, 2, 6), квадратную (рис. 10, 7), овальную (рис. 8, 1; 10, 6) форму. На месте вдавления круглых ямок с внутренней стороны сосудов имеются «жемчужины» (сферической формы возвышения). Лишь на одном фрагменте, где ямки были неглубокие, «жемчужины» отсутствовали (рис. 9, 1). Поясок из круглых, реже квадратных и овальных ямок находился в основании шейки сосудов (7 сл.). Вдавления только овальной, клиновидной формы наносились по всей поверхности шейки сосуда и имели узор в виде бессистемно расположенных ямок (рис. 9, 2), 2-х (рис. 8, 2) или 5 рядов ямок (рис. 8, 4). У семи сосудов орнамент, выполненный в вышеописанной технике, сочетался со шнуровой (4 сл.), гребенчатой (3 сл.). Зубчатый штамп наносился или по шейке (5 сл.), или по плечу (5 сл.) сосудов. В единственном случае – и по шейке, и по плечу (рис. 8, 6). Узоры просты: один ряд (3 сл., рис. 9, 6) или 2 ряда наклонных (3 сл., рис. 9, 3) оттисков-столбиков, 4–5 сплошных горизонтальных поясков (2 сл., рис. 10, 4, 5), 3–4 ряда горизонтальных ломаных линий («шагающая» гребенка, 3 сл., рис. 10, 7). Кроме того, в трех случаях имелись насечки зубчатого штампа по краю венчика (рис. 8, 6; 9, 3, 4). На одном сосуде, украшенном зубчатым штампом, зафиксировано 2 ряда парных сквозных круглых ямок, расположенных вдоль трещин (рис. 9, 6). Они имели чисто утилитарное назначение – для скрепления сосуда с целью его дальнейшего использования (для хранения сухих продуктов). Кстати, данный сосуд имел наибольшие размеры (диаметр по венчику 42 см).

Шнуровой узор довольно однообразен. Это прежде всего разряженные горизонтальные линии, небрежно нанесенные по шейке сосуда. Число таких линий зафиксировано 3 (рис. 9, 1), 4 (рис. 10, 6), 5 (рис. 9, 2). В основании обломка венчика, имеющего следы лощения, что было характерно для керамики Среднего Прикамья, едва заметны следы строенных горизонтальных шнуровых линий (рис. 10, 2). Подобный орнаментальный элемент, как считает исследователь ананьинских памятников В.Н.Марков, был характерен для памятников Нижней Камы только на позднем этапе существования этой культуры (VI в. до н.э.)²¹.

Из других видов узора, выполненных в шнуровой технике, следует отметить венчик, украшенный «сеткой» (перекрещенные полосы, рис. 10, 3), а также плечико сосуда с рядом «подковок» (рис. 9, 1). Последний элемент узора входил в сложную композицию из горизонтальных шнуровых оттисков и пояска круглых ямок. Сосуды, не имеющие орнамента (13 экз.), представлены плотными черепками толщиной 6–8 мм (горшковидные) или 3–4 мм (чашевидные). В двух случаях имелись сквозные ямки для скрепления сосуда.

По оформлению края сосуда выделяются венчики, имеющие плоскую (18 экз., 72,0 %) или округлую (7 экз., 28 %) форму. Плоские края венчиков чаще всего имеют «наплыв», образовавшийся при их выравнивании и небрежной обработке сосудов (10 сл.). Он создает своеобразное утолщение (Г-образное, Т-образное) верхней части венчика. Форма сосудов дает возможность выделить 2 типа посуды (горшковидная и чашевидная). Для горшковидных сосудов (86,2 %) характерно шаровидное тулово, невысокие вертикальные или слегка отогнутые шейки. Исключение составляют лишь 2 сосуда, имеющие короткую, резко отогнутую наружу шейку (рис. 9, 2).

Плечики сосудов данного типа имеют слабую и среднюю выпуклость. Горшки в большинстве своем имеют средние и большие размеры, лишь 4 сосуда малых размеров. Все они имеют следы нагара с внутренней стороны. Сосуды же второго типа (чашеобразные, 4 экз., 13,8 %) очень малых размеров (диаметр по венчику 9,0–12,0 см, по тулову – 10,0–12,5 см). Толщина стенок 3–5 мм. Они имеют короткую цилиндрическую с едва заметным наклоном наружу шейку (2 экз., рис. 8, 6). У двух чаш шейка отсутствует (закрытые чаши, рис. 8, 3, 5). Только фрагмент одной чаши орнаментирован ямочно-гребенчатым штампом (рис. 8, 6), другой снабжен сквозной круглой ямкой утилитарного назначения (рис. 8, 5). Три сосуда – со следами нагара внутри. Сосуда второго типа найдены на глубине 2–3 горизонтов.

Итак, ананьинская керамика, представленная 21 % всех фрагментов собранной керамической коллекции Кирбинского городища, имеет следующие отличительные признаки. Все сосуды выполнены в технике ленточного налепа, в составе глиняного теста господствует примесь битой раковины. Поверхность сосудов хорошо заглажена мягким материалом, но не до лощения. Формы сосудов горшковидная, находки чаш единичны. Большинство сосудов имеет орнамент (67,5 %), выполненный в технике вдавлений, зубчатой и шнуровой. Преобладает узор, выполненный в виде рядов оттисков ямок по шейке и плечу (43,3 %). Зубчатым и шнуровым штампом в основном нанесены горизонтальные линии по шейке и плечу. Незначительное число сосудов имеет смешанную технику. Орнаментальные узоры расположены по шейке, реже – плечу (37,5 %).

Исходя из разработанной В.Н.Марковым периодизации и хронологии памятников ананьинского времени в приустьевой части Камы, керамический комплекс Кирбинского городища можно отнести ко второму хронологическому периоду (VII в. до н.э.)²².

Выделяется группа лепных сосудов, культурную принадлежность которой трудно определить (17 венчиков). Это горшковидной формы сосуды, в составе глиняного теста которых битая раковина. Обжиг костровой, цвет поверхности серый, темно-серый и охровый (1 сл.). Черепки плотные толщиной 4–6 и 6–8 мм. Как внутренняя, так и внешняя стороны сосудов хорошо заглажены тряпкой или кожей. Все они имеют слабо выраженный профиль (шейки слабо отогнуты, плечики высокие, но слабовыпуклые). Форма края венчиков сосудов плоская (9 сл.), округлая (4 сл.) или заостренная (4 сл.). При плоской форме края зафиксировано 6 случаев «наплыва». Они в основном имеют средние размеры (20–24,5 см – по венчику; 19–24 см – по шейке; 21,5–24,0 см – по тулову; опр. 7 экз.), лишь 1 сосуд диаметром по венчику 27,0 см. Орнамент отсутствует, только на одном фрагменте – сквозная ямка на шейке утилитарного назначения.

Все обломки сосудов группы обнаружены в верхнем слое городища на уровне 1–2 горизонта (1 сл. – 3 горизонт). Подобного типа керамику, обнаруженную на памятниках ананьинского времени В.Н.Марков относит к азелинской культуре (Антоновское городище, городище Гремячий Ключ)²³, хотя имеется небольшое отличие «кирбинской» посуды. Здесь отсутствует ребро с внутренней стороны на месте перехода от шейки к плечу, столь характерное для азелинской керамики.

Анализируя керамические комплексы археологических культур Камско-Вятского междуречья, с подобными признаками посуду можно найти на поселениях пьяноборской, мазунинской и азелинской культур. Более точная археологическая принадлежность данной группы керамики при отсутствии орнамента и сопутствующего вещевого материала затруднена, поэтому ее можно отнести к азелинской культуре условно.

Третья группа. Именьковская керамика. Собран 131 фрагмент венчиков (116 экз.), дна и придонной части (13 экз.), тулова со следами оплавления (2 экз.). Вся посуда изготовлена вручную, формовка проходила на плоской твердой основе присыпанной песком. В состав глиняного теста входят шамот с песком. По размерам примеси встречаются сосуды с мелким (118 сл.) и крупным (13 сл.) шамотом. Следует отметить, что при двухкомпонентности примесей в глиняном тесте наблюдается преобладание в нем или шамота, или песка. Толщина стенок сосудов варьируется от 3 до 10 мм, хотя большинство сосудов толщиной 4–7 мм (110 экз., 77 %). Их внешняя и внутренняя поверхность хорошо заглажена мягким предметом. Только в пяти случаях зафиксированы следы щепы как с внешней, так и с внутренней стороны сосуда и, как правило, в его придонной части (3 сл.). В придонной части трех сосудов видны отпечатки пальцев – следы поправки формы сосуда.

Керамика именьковской культуры обработана аккуратно, поверхность ее гладкая, хотя следов лощения не наблюдается. Сосуды с подобной характеристикой стенок исследователь памятников именьковской культуры П.Н.Старостин относит к группе Б, которые, на его взгляд, на поселениях представлены всегда в меньшем объеме, чем сосуды с неровными бугристыми стенками²⁴.

Обжиг посуды был костровой, отсюда цвет поверхности неодинаковый (черный, темно-серый, серый, светло-коричневый, охровый), но преобладают темно-серый, светло-коричневый оттенки. Черепок у сосудов всегда плотный.

После формовки малая часть сосудов орнаментировалась (14 экз., 12,1 %). Узор наносился лишь на край венчика (насечки) или по шейке сосуда. Орнаментальные узоры состоят из ряда круглых (в одном случае – четырехугольных) ямок по шейке (7 экз., 50 %), или наколов концом палочки разной формы по краю венчика (7 экз., 50 %). На 12 сосудах имеются сквозные круглые ямки (10,3 %), иногда входящие в орнаментальный узор. Обычно они располагаются в верхней части сосуда на уровне основания шейки. Как считает П.Н.Старостин, сквозные ямки использовались для подвешивания сосудов или для предотвращения хранения запасов от затхлости²⁵.

Форма венчиков, шеек, придонной части и дна характеризуют сосуды как плоскодонные горшки (110 экз., 94,8 %) или чаши (опр. 6 экз., 5,2 %). Край венчиков трех форм: плоская (51,8 %), округлая (42,2 %) и заостренная (6 %). Первые две формы в 12 случаях имели «наплыв» с одной или с двух сторон, отчего венчик имел Г-образную и Т-образную форму. Расширение края венчика произошло от небрежности изготовления сосуда, у которого древний мастер «поленился» убрать глину, образовавшуюся в результате среза (плоский край) или выравнивания (овальный край) верха сосудов. Хотелось бы отметить, что плоская форма края была характерна для толстых сосудов или же сосудов, имеющих насечки. Обе формы края венчика (плоская и овальная) очень близки друг другу, в ряде случаев могли сосуществовать по краю одного горшка. Все зависело от наличия времени для изготовления сосудов и их функционального назначения. Крупные сосуды для хранения продуктов чаще всего имели плоскую форму края венчика и «наплывы». Сосуды с заостренными краями венчика имели короткую шейку, стенки обычно тонкие (3–6 мм). Черепок плотный, поверхность тщательно обработана. В глиняном тесте всегда примесь песка и мелкий шамот, причем последнего компонента всегда в меньшем количестве. Размеры сосудов довольно разнообразны – от мелких до больших, но больше всего сосудов средних и больших размеров (80 %).

Профиль шейки и тулова свидетельствуют, что сосуды были слабо и средне-профилированными со слабовыпуклым туловом, хотя выделяется 5 сосудов, имеющих резкий переход от шейки к плечикам, отчего диаметр тулова располагается примерно на $\frac{2}{3}$ общей высоты сосуда. Судя по аналогичным коллекциям керамики из других памятников именьковской культуры (V Бальмерское поселение, I Именьковское городище, II Маклашеевское городище и т. д.) данные 5 сосудов должны иметь придонную часть в виде усеченного конуса, а днище небольшого диаметра. У 10 днищ с Кирбинского городища, где определен диаметр, он варьируется от 8 до 14 см, из них 7 сосудов – 10–12 см. Толщина дна была больше толщины стенок и находилась в пределах 8–11 мм. Этот тип сосудов П.Н.Старостин относит ко II отделу²⁶, хотя основную массу сосудов городища можно отне-

сти к I отделу по классификации данного исследования (слабопрофилированные сосуды, где небольшой диаметр тулова находится на $\frac{1}{2}$ высоты сосуда).

Находки фрагментов сосудов именьковской культуры зафиксированы в верхнем слое городища, чаще всего на уровне второго горизонта, реже – первого и третьего (только в южной части раскопа). Таким образом, для керамического комплекса именьковской культуры Кирбинского городища были присущи следующие характерные черты. Большинство сосудов имеют хорошо обработанные гладкие стенки. В состав глиняного теста входят песок с мелким шамотом. Почти полное отсутствие орнамента на сосудах, бедность орнаментальных узоров, где господствует техника насечки по краю венчика и ямочных вдавлений по шейке. Преобладают плоскодонные горшковидные сосуды средних и больших размеров. Наибольший диаметр тулова этих сосудов приходится на $\frac{1}{2}$ высоты. Совокупность этих признаков определяет своеобразие Кирбинского городища – самого северного памятника именьковской культуры.

В керамической коллекции обнаружены фрагменты двух венчиков сосудов эпохи бронзы (рис. 10, 1). В состав глиняного теста одного сосуда входит растительность, отсюда черепок по своей структуре рыхлый, поверхность неровная, с щербинами. На охровой поверхности едва видны оттиски мелкозубчатого штампа. Другой фрагмент венчика более плотный, в глиняном тесте – примесь песка. Он украшен наклонными резными отрезками (рис. 10, 1). Подобный прием орнаментации, состав теста наблюдается в керамических комплексах многих памятников эпохи бронзы Прикамья²⁷.

В процессе раскопок Кирбинского городища было зафиксировано 2711 костей, из них 678 (26 %) на уровне 4–9 горизонтов, оставленных населением ананьинской общности. Большая часть костей обнаружена в верхнем слое городища (2–3 горизонты, 20–30 см от современной поверхности), где найдены в основном находки азелинской (?), именьковской культур. Изучение «кухонных остатков» дает возможность судить о хозяйственной деятельности населения в древности. Значительное место в хозяйстве населения, проживавшего на р. Меше, судя по палеозоологическому материалу, занимало разведение домашних животных (91,7 % всех костей; 74,2 % всей особей)*. Анализ 352 определенных О.Г.Богаткиной костей (13 % от всех обнаруженных костей) дал следующий состав стада домашних животных. Большинство костей принадлежит свиньям (40,6 %), лошадям (33,5 %), крупному рогатому скоту (24,4 %). Незначительная часть костей оставлена мелким рогатым скотом (1,5 %). Подобное процентное соотношение видов животных в разные хронологические периоды (ананьинское время, эпоха раннего средневековья) на Кирбинском городище почти не меняется. Следует лишь отметить, что данная позиция наблюдается в верхнем слое городища (1–3 горизонты) только по числу особей, при этом по количеству костей на первое место «выходит» лошадь. Единственной особенностью состава стада ананьинского времени является отсутствие мелкого

* Автор приносит искреннюю благодарность к.б.н. О.Г.Богаткиной за определение костей животных Кирбинского городища.

рогатого скота (горизонты 4–9), которому не уделяется должного внимания и в азелинско-именьковское время (горизонты 1–3).

Анализ соотношения количества костей и особей верхних и нижних горизонтов выявляет интересные факты. В ананьинское время на одну особь приходится 3–4 кости, а в раннем средневековье – 9–10. Это можно объяснить лишь тем, что в ранний период освоения мыса городища сюда приносили лишь часть (куски) животного, а в азелинско-именьковское время животных убивали и подавали полностью на площадке городища. Хотя не исключены и другие возможные варианты этого явления.

Состав диких животных был довольно разнообразен (лось, медведь, кабан, бобр, заяц, лисица), хотя число особей составляет единицы (1–5). Охота в жизни древних коллективов не играла существенной роли (8,3 % костей; 25,8 % особей). Судя по видам диких животных, она была направлена на получение дополнительных запасов мясных продуктов. Шкуры медведя, бобра и зайца использовались для шитья теплой одежды, а лося, кабана – для изготовления обуви. К наиболее ценным видам пушнины относится только одна особь лисицы. Следует отметить, что большая часть костей диких животных обнаружена в 1–3 горизонтах (81,3 % костей; 76,5 % особей). Здесь были найдены кости всех перечисленных выше видов животных, тогда как в нижних горизонтах (ананьинская культура) – только медведя, кабана и бобра, находки которых составляли 18,8 % от общего числа костей диких животных городища.

Остеологический материал Кирбинского городища, оставленный домашними животными ананьинского периода, типичен для памятников подзоны широколиственных лесов, более южных к лесостепью районов Поволжья. Там по данным исследований А.Г.Петренко основными продуктами питания являлись свинья и лошадь. Причем процентные показатели по числу особей свидетельствуют, что свиноводство в этих районах представляется важнейшей отраслью хозяйства²⁸. Своеобразием остеологического материала Кирбинского городища является полное отсутствие костей пушного зверя в ананьинское время, в то время как на поселениях Нижней Камы они составляли довольно большой процент (например, на Гремячинском городище – 70 %)²⁹. Это связано, на наш взгляд, с функциональным использованием городища (культовый комплекс, наблюдательный пункт).

«Кухонные остатки» Кирбинского городища именьковского времени также соответствуют находкам на памятниках этого региона, где главное место занимали особи свиней (I Троицко-Урайское городище – 30,8 %; поселение Курган – 37 %), затем лошадей, крупного рогатого скота³⁰. А.Г.Петренко отмечает своеобразие стада именьковской культуры – увеличение особей мелкого рогатого скота по сравнению с предшествующими культурами, в т.ч. ананьинской. Это явление наблюдается в остеологическом материале Кирбинского городища, но не в такой контрастной форме, как в поселениях Самарской Луки. Если в нашем случае особи мелкого рогатого скота составляли 6,7 %, то в материалах Муромского селища – 28,6 %, Выползовского селища – 43,5 %³¹.

Планиграфия, обнаруженных на городище объектов, их стратиграфия, характер находок вещей и керамических комплексов дали возможность определить функциональное назначение Кирбинского городища. Малые размеры городища, большие перепады высот площадки исключали возможность строительства жилых построек. На наш взгляд, в западной половине городища находился культовый комплекс, в центре которого стоял самый толстый столб (диаметр 45 см, № 13), возможно, идол. С южной, восточной и северной стороны его окружали столбы (№ 17, 24, 28, 15, 6) и очаги, имеющие слабый проквал (очаги VIII, VI, II, XIV, XIII). Все эти объекты, за исключением столба № 28, относительно центрального столба (№ 13) располагались на расстоянии 4,5–7 м. Диаметр культового сооружения около 15 м. Очаги находились в материке или в культурном слое (после снятия 2 горизонта) с находками именковской культуры. Анализ насыщенности находками на ограниченной очагами и столбами площадки свидетельствует об их почти полном отсутствии, особенно к югу от столба-идола. Лишь на участках с указанными объектами встречается по 1–9 фрагментов керамики и 1–5 костей (на уч. Г/6 – кости были обожжены). На участках, находящихся за пределами культового сооружения в верхнем слое число находок керамики и костей доходило до 30. Возможно, отсутствие находок связано с запретом посещения центральной части священного места населением именковской культуры. Судя по направлению линий, соединяющих центральный столб-идол (?) с указанными очагами и столбами по линии воображаемой окружности, площадка городища могла служить «хронометром» для определения фаз движения Луны и Солнца. Геодезические азимуты были подсчитаны от точки севера (N) или точки юга (S) для северной широты 55° 45', на которой расположено Кирбинское городище*. Наблюдатель (жрец) находился в центре «хронометрической» системы (столб № 13). Через центральный столб можно отметить следующие направления (рис. 3):

1. Точка восхода Высокой Луны (ВЛ): столбы 13, 24.
2. Точка восхода Солнца (22 июня): столбы 13, 28.
3. Точка восхода Солнца (1 сентября): столбы 13, 15.
4. Точка восхода Солнца (8–9 октября): столб 13 – очаг VI
5. Точка восхода Низкой Луны (НЛ): столб 13 – очаг II.
6. Точка юга: столб 13 – очаг XIV.
7. Точка захода Низкой Луны (НЛ): столбы 13, 8–9 – очаг XIII.
8. Точка захода Солнца (6–8 июня?): столб 13 – очаг VIII.

Указывающие с помощью столбов и очагов направления связаны прежде всего с отправлением календарных земледельческих праздников, которые проходили в июне (месяц летнего зноя, молений, солнцеворота, обращений к солнцу и воде). Это прежде всего Ярилин день (6–8 июня), хотя празднование его по

* Астрономическая интерпретация ориентации археологических объектов – меток выполнена д. физ.-мат. н. Б. П. Кондратьевым, пользуясь случаем, автор приносит искреннюю благодарность.

данным этнографии приходится на 4 июня, и праздник Ивана Купалы. Последний праздник во время господства язычества у славян считался одним из главных. В день летнего солнцестояния, в разгар лета, разжигались костры от «живого огня» (добывается трением) на берегах рек и на вершинах гор (в нашем случае ими могли быть очаги III, V, X, XII). День Ивана Купалы является общеславянским аграрным праздником, связанный прежде всего с плодородием, молениями о дожде и рождении новых колосьев. По этнографическим данным болгар, в этот день обязательной принадлежностью участников был глиняный сосуд со священными травами, который разбивался ударом жезла в конце обряда³². С земледельческими работами связан и день 1 сентября (линия 3). В конце августа и начале сентября крестьяне завершали уборку ярового хлеба и ржи, конец которой сопровождался проведением обрядов-праздников в честь богини жатвы³³. Кроме того, 1 сентября было началом нового года («нового лета»). Затруднение составляет определение назначения точки восхода солнца 8–9 октября. Возможно, эти дни имеют поминальное значение и определяется широким распространением культа предков у древнего населения.

Большое количество остеологического (в основном домашних животных) и керамического материала указывает на исполнение жертвоприношений на остальной поверхности городища, к югу и востоку от «хронометра». Исследуя подобные сооружения на славянских памятниках лесной зоны в Днепровском бассейне, М.Г.Гусаков определил их функциональное назначение – городища-святилища³⁴. Выделенные им признаки этого типа городищ в общих чертах наблюдаются на Кирбинском городище, а именно: мыс небольшой площади расположен вблизи водной артерии (старица р. Меши), с поверхности открывается прекрасный вид на горизонт, не закрытый никакими внешними преградами (широкая пойма реки). Площадка культовых городищ небольших размеров от 14 до 40 м, в нашем случае ширина мыса – 17 м. Укрепленные сооружения невелики, гребень вала располагается ниже поверхности культовой площадки (вал находится на конце мыса и едва возвышается). Эскарпированные склоны, глубокий ров с напольной стороны и вал со стороны конца мыса не позволяли нарушать «святое» место, особенно домашними и дикими животными. На относительно ровной площадке «кирбинцы» соорудили «хронометр», центром которого являлся столб-идол (?), за пределами открытого «храма» жители округа под руководством жреца производили ритуальные действия – коллективные моления языческим богам о дожде, свете, урожае.

На наш взгляд, выделяется ряд объектов, не связанных с культовой площадкой, оставленных, возможно, азелинским населением. Это расположенные в восточной части раскопа (на склоне мыса) две пары очагов (очаги X–XI; VII–IX). Они выделяются ярким прокалом, относительно большей мощностью глины. Около них обнаружены очертания столбовых ям – остатков конструкций, защищающих костер от ветра и дождя. Это были щиты из веток, жердей длиной до 2,5 м, поставленных под углом (ямки № 22–25–21; 16–20 – следы ямки

на уч. 3/13) друг другу и в качестве навеса. Около очагов VII, IX в культурном слое найдены наковаленка, куски шлака (6 экз.), обломки тиглей (2 экз.), а очагов X, XI – обломок зернотерки, фрагмент тигля (1 экз.). Данные комплексы были связаны с металлообработкой как железа, так и цветного металла. Подобному же назначению служила яма 1 (уч. М/9–10), имеющая в заполнении рыхлый гумус, около которой обнаружены куски шлака (уч. Л/11; М/9), тигель (тип 2) и его обломки, обожженные кости.

Очаги, расположенные по южному и юго-восточному склону мыса (IV, I, III, V, X (?), XII) могли служить не только для приготовления пищи, но и как место подачи сигнальных знаков – костров. Именно в этой части мыса они были наиболее хорошо видны по всей пойме р. Меши.

Итак, площадка Кирбинского городища, судя по найденному в период раскопок материалу, неоднократно посещалась и использовалась древним населением. К эпохе бронзы относятся очень немногочисленные находки (фр. керамики, куски-желваки кремня и отщепы). Больше оставлено материала населением ананьинской культурой общности (нижнекамский вариант): комплекс ананьинской керамики VII в. до н.э., изделия из костей, тигли первого типа, каменные пряслица 4-го типа. Именно этим населением были сооружены древние укрепления (ров, вал (?), эскарпированные склоны). К именьковскому времени относится большее число находок керамики и вещевого материала. В это время (V–VII вв. н.э.) площадка мыса служила городищем-святилищем. В это же время (?) или немного ранее (IV–V вв. н.э.) на южном, северном и юго-восточном склонах люди занимались обработкой как цветного, так и черного металла. Кроме того, мыс мог служить опорным сигнальным пунктом раннесредневекового населения (азелинские (?) племена).

Примечания:

- ¹ Семенов В. А. Отчет второго отряда УАЭ о разведке в Лаишевском и Пестречинском районах ТАССР и раскопках Тольевского могильника (за 1983 г.) / НОА УИИЯЛ УрО РАН. Рф. № 635. С. 7–8; Семенов В. А., Останина Т. И. Обследование р. Меши // АО–1983 г. М., 1985. С. 172.
- ² Останина Т. И. Отчет об археологических работах Удмуртского республиканского краеведческого музея, проведенных летом 1987 г. // Архив НМУР. Д. 901, л. 17–34.
- ³ Генинг В. Ф. Азелинская культура III–V вв. // ВАУ. Вып. 5. Ижевск; Свердловск, 1963. С. 111, рис. XVII–6.
- ⁴ Старостин П. Н., Кузьминых С. В. Погребение литейщицы из пятого Рождественского могильника // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 168–172.
- ⁵ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 23.
- ⁶ Шангина И. И. Русские сельскохозяйственные орудия XIX–XX вв. Каталог коллекций. Л., 1981. С. 37.
- ⁷ Товарный словарь. Т. 1. М., 1956. С. 259.
- ⁸ Шангина И. И. Русские сельскохозяйственные орудия. С. 38.
- ⁹ Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д 1–32. М., 1967. С. 21.

- ¹⁰ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. Рис. 3, 4–6.
- ¹¹ Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. // Археология СССР. М., 1993. Рис. XLII–45, 47. С. 113.
- ¹² Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. Вып. 30. М., 1952. С. 131. Рис. XXV–5–8.
- ¹³ Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры... Табл. 8–15.
- ¹⁴ Збруева А. В. История населения Прикамья... Табл. XLIX–10.
- ¹⁵ Там же. С. 45. Табл. VIII–5.
- ¹⁶ Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. С. 193.
- ¹⁷ Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история... Рис. 94, 16; Збруева А. В. История населения Прикамья... С. 56. Табл. XI–1; LI–1.
- ¹⁸ Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры... Табл. 23, 5, 6.
- ¹⁹ Збруева А. В. История населения Прикамья... Табл. XI–4.
- ²⁰ Там же. С. 46. Табл. VIII–9.
- ²¹ Марков В. Н. Антоновское городище (о поздней дате существования «текстильной» керамики на памятниках Казанского Поволжья и Усть-Камы) // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992. С. 102.
- ²² Марков В. Н. Периодизация и хронология памятников ананьинского времени приустьевой части Камы // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992. С. 72–79.
- ²³ Там же. С. 100; Марков В. Н. Городище Гремячий Ключ // Древности Среднего Прикамья. Йошкар-Ола, 1987. С. 119.
- ²⁴ Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры... С. 18.
- ²⁵ Там же. С. 19.
- ²⁶ Там же. С. 19.
- ²⁷ Ашихмина Л. И., Генинг В. Ф. Стоянки эпохи бронзы в Удмуртском Прикамье // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977. С. 33–138.
- ²⁸ Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984. С. 129.
- ²⁹ Там же. С. 127.
- ³⁰ Там же. С. 132.
- ³¹ Там же. С. 133.
- ³² Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 679.
- ³³ Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1990. С. 90–93.
- ³⁴ Гусаков М. Г. Днепровские городища – святилища лесной полосы (Опыт археоастрономии) // Практика и теория археологических исследований. М., 2001. С. 132–148.

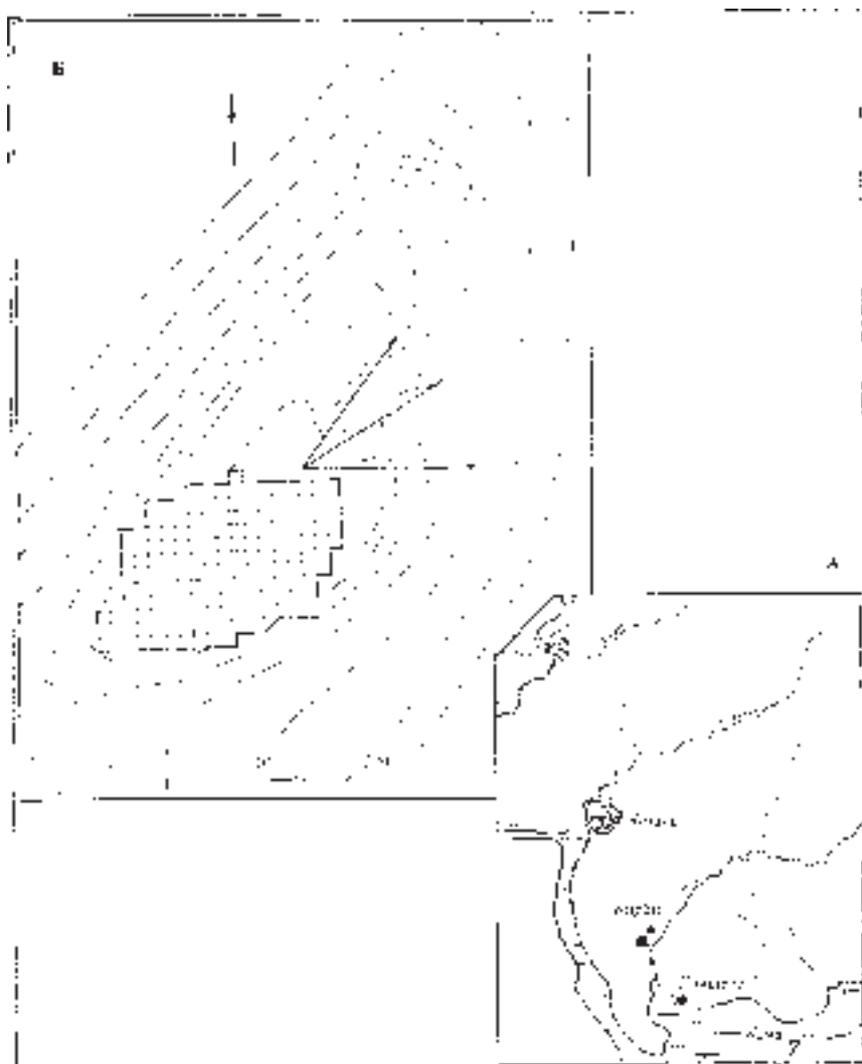

Рис. 1. Кирбинское городище.
А – местонахождение на географической карте,
Б – топографический план

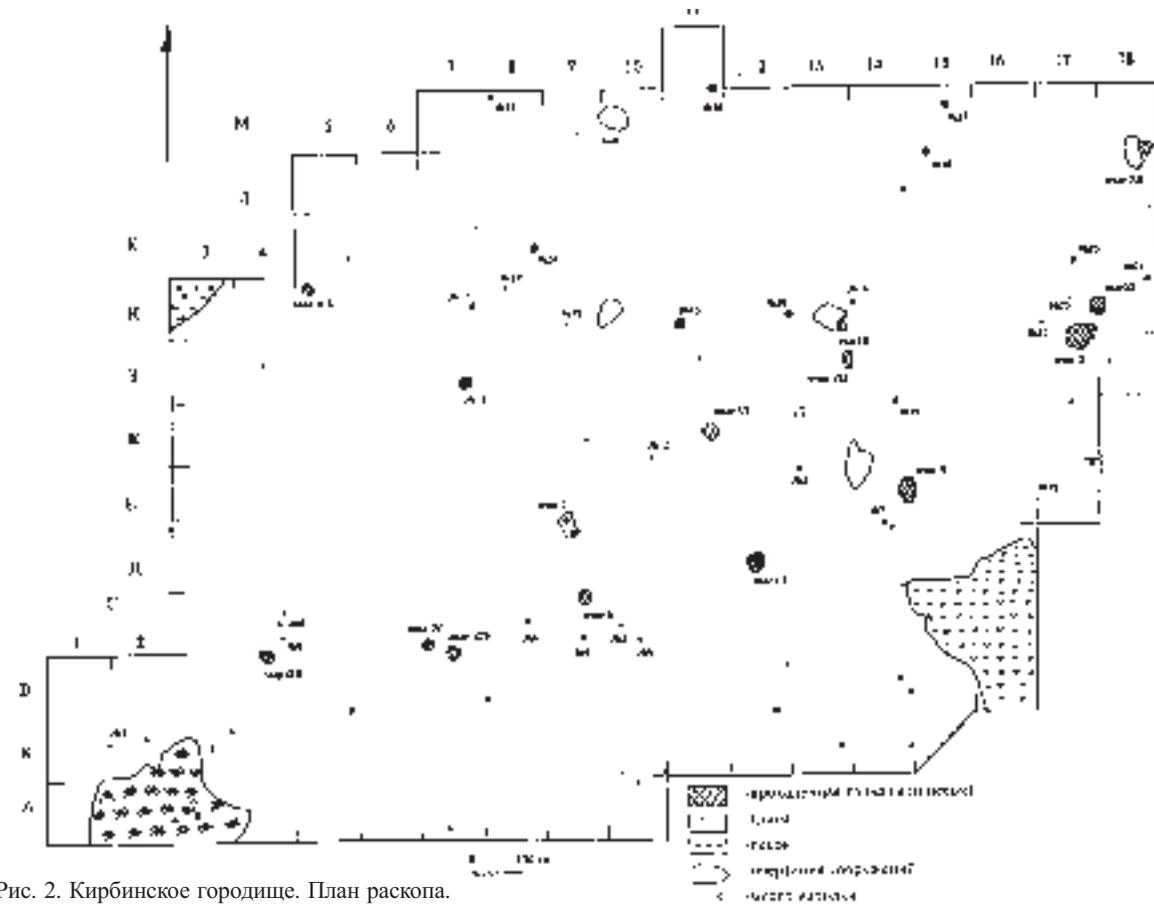
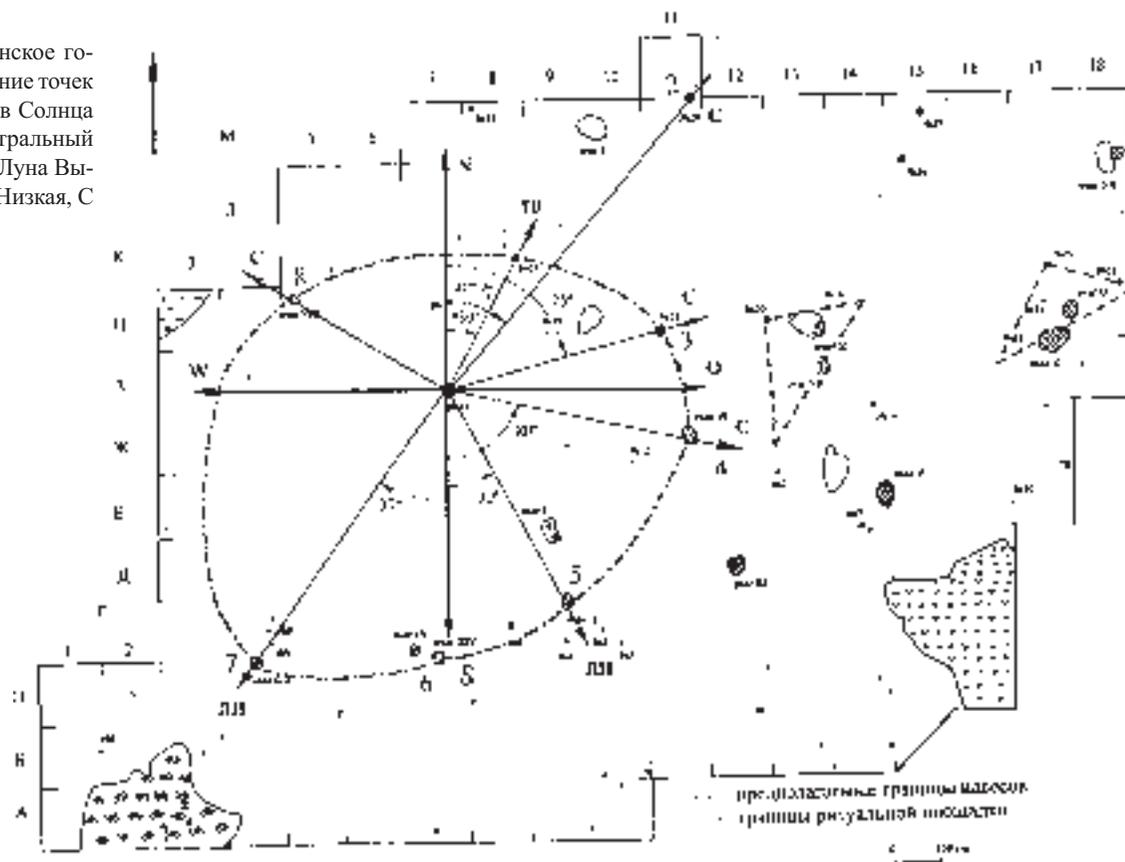

Рис. 2. Кирбинское городище. План раскопа.

Рис. 3. Кирбинское городище. Визирование точек восходов и заходов Солнца и Луны через центральный столб № 13. ЛВ – Луна Высокая, ЛН – Луна Низкая, С – Солнце.

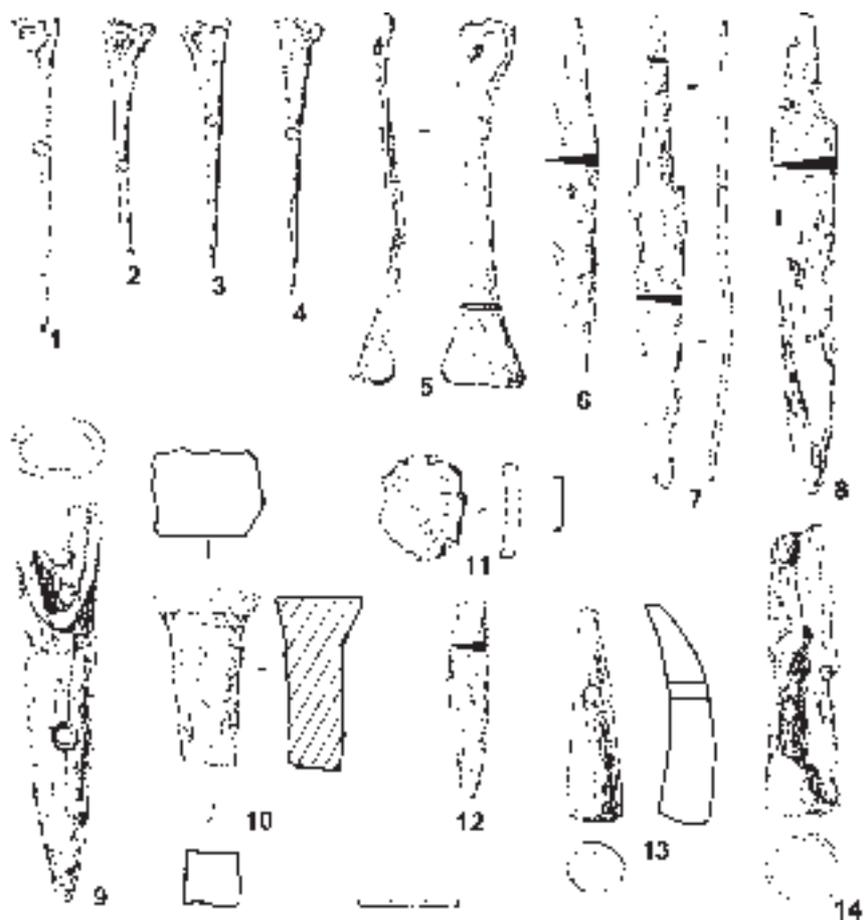

Рис. 5. Кирбинское городище. 1-4 – проколки, 5 – лопаточка-гладилка, 6-8, 12 – ножи, 11 – бляшка, 9, 13 – предметы из кости, 10 – наковаленка, 14 – втулка наконечника копья. 1-5, 9, 13 – кость, 6-8, 12, 14 – железо, 11 – медь.

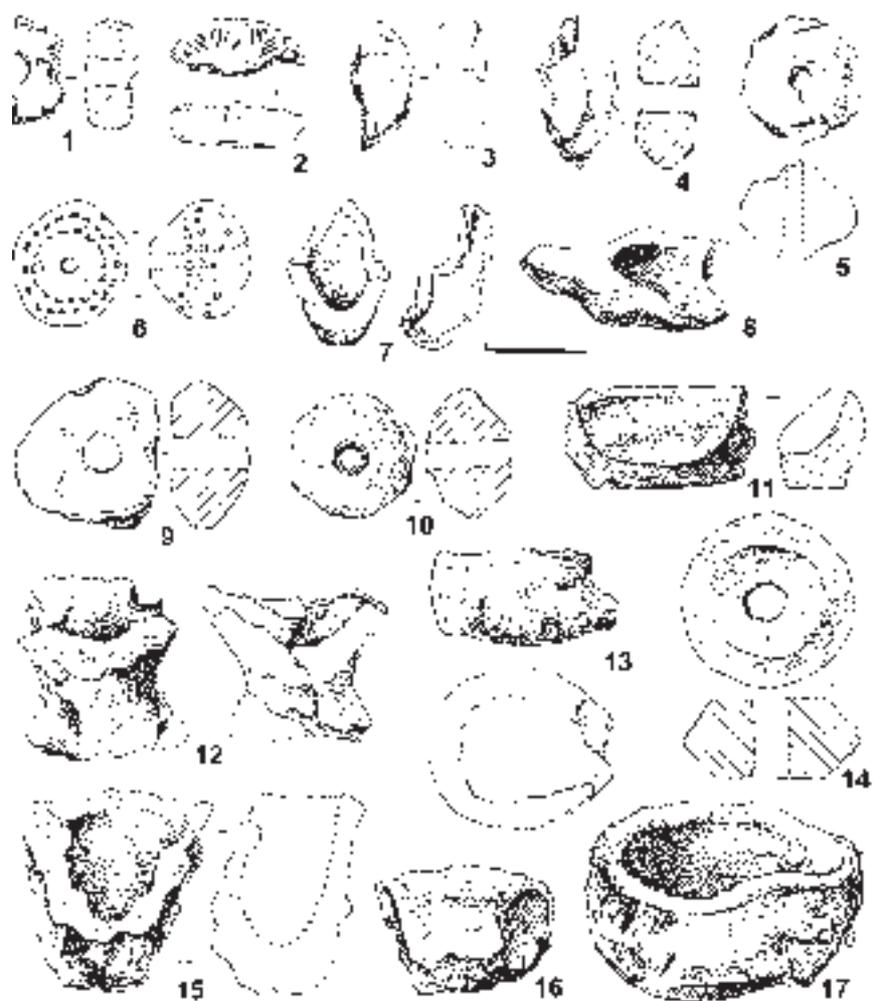

Рис. 6. Кирбинское городище. 1-6, 9, 10, 14 – пряслица, 8 – льячка, 11-13, 15-17 – тигли. 1, 2 – камень, 3-17 – глина.

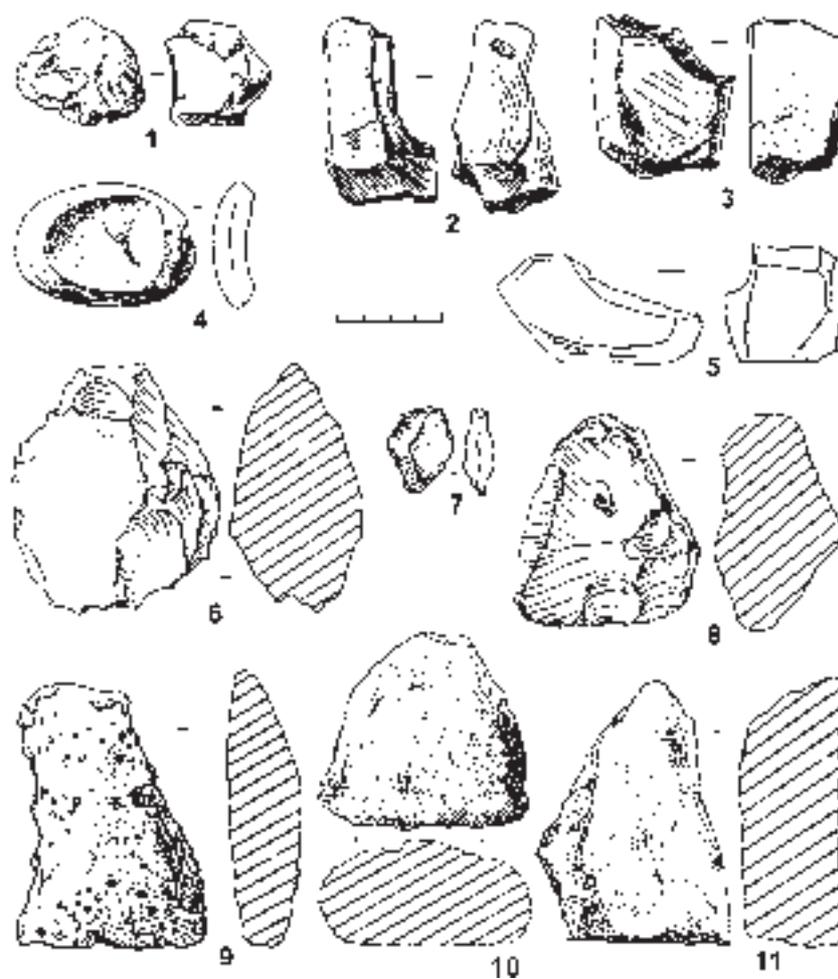

Рис. 7. Кирбинское городище. Каменный инвентарь. 1-4 – песты, 5, 6, 8 – кремневые желваки, 7 – обломок нуклеуса, 9, 11 – обломки зернотерок, 10 – обломок жернова.

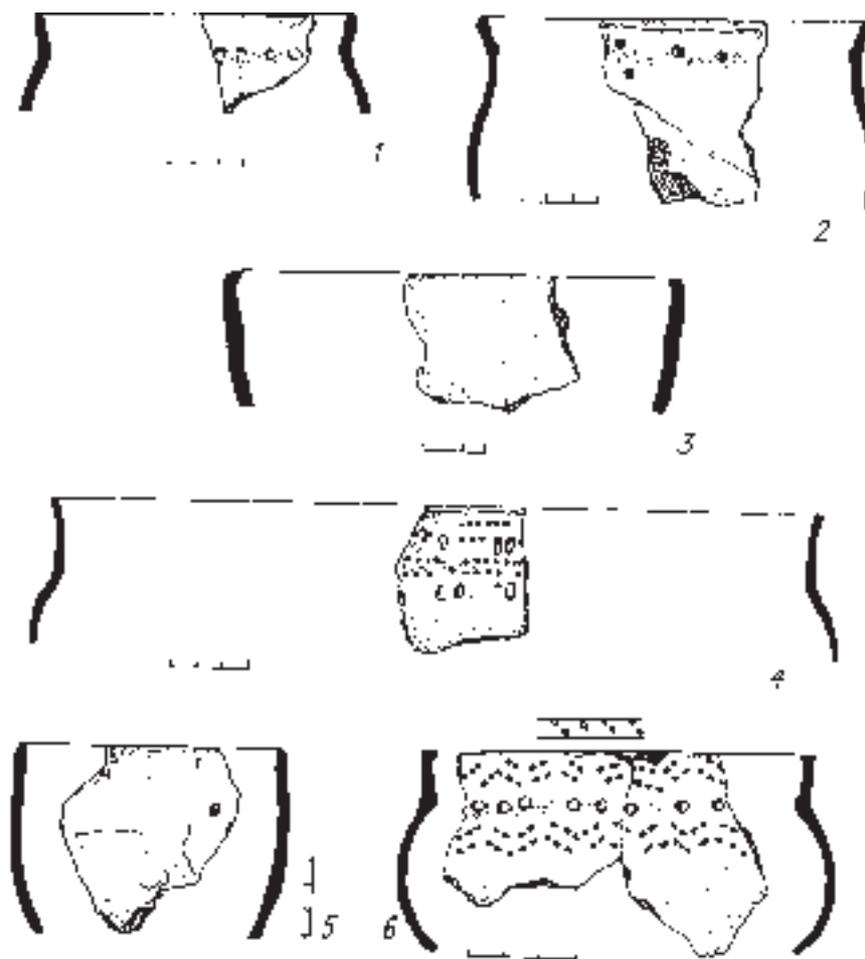

Рис. 8. Кирбинское городище. 1-6 – фрагменты сосудов ананьинской культуры и их реконструкция. 1, 2, 4 – горшковидные, 3, 5, 6 – чашеобразные.

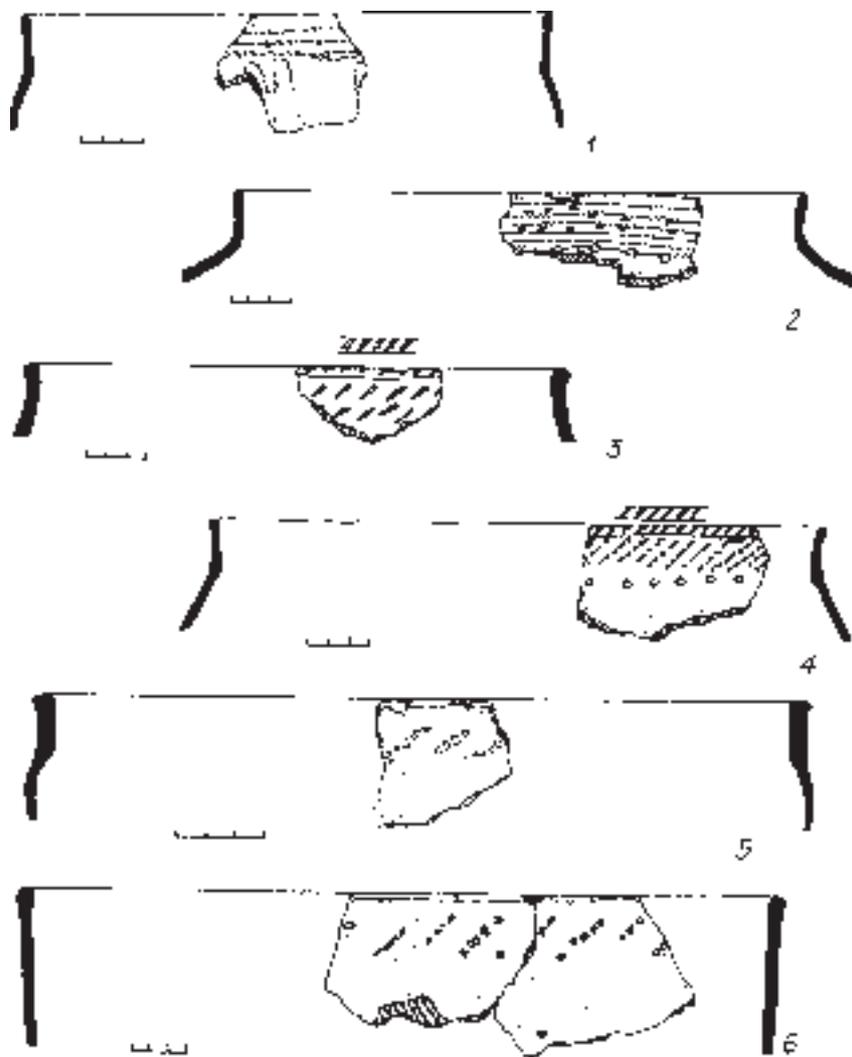

Рис. 9. Кирбинское городище. 1-6 – фрагменты сосудов ананьинской культуры и их реконструкция (все сосуды горшковидной формы).

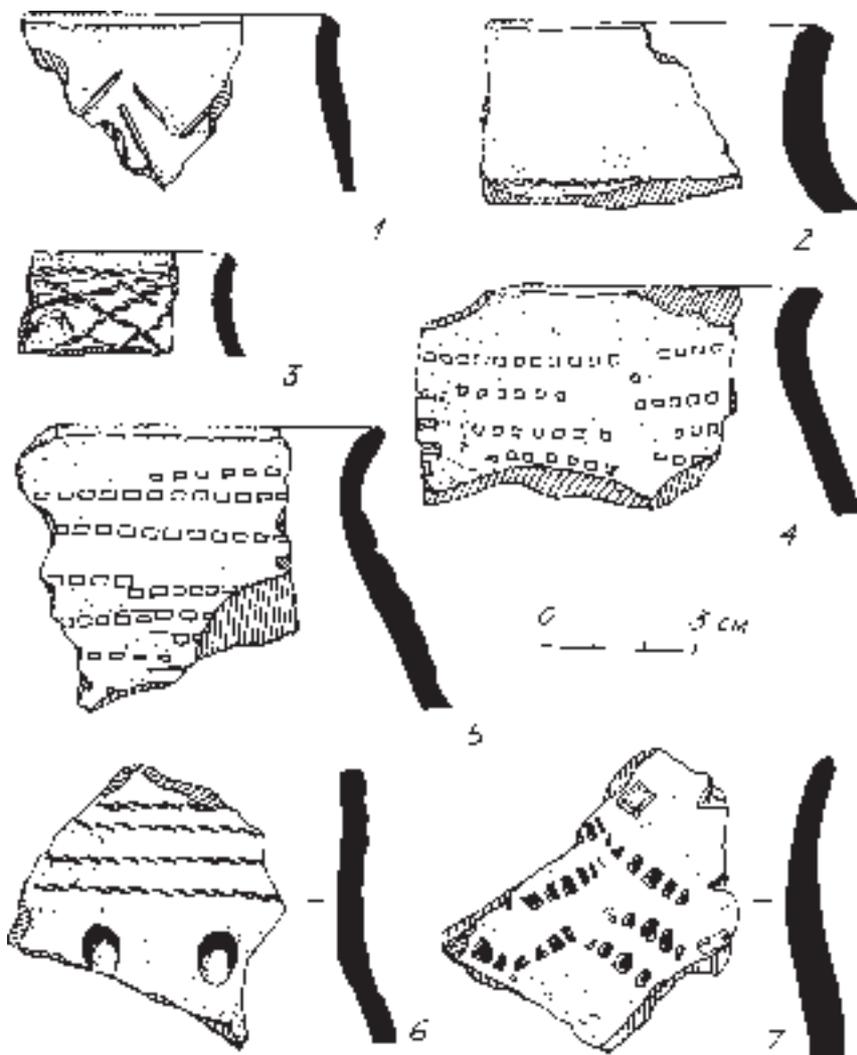

Рис. 10. Кирбинское городище. 1 – венчик сосуда эпохи бронзы, 2-7 – фрагменты сосудов ананьинской культуры (горшковидные сосуды).

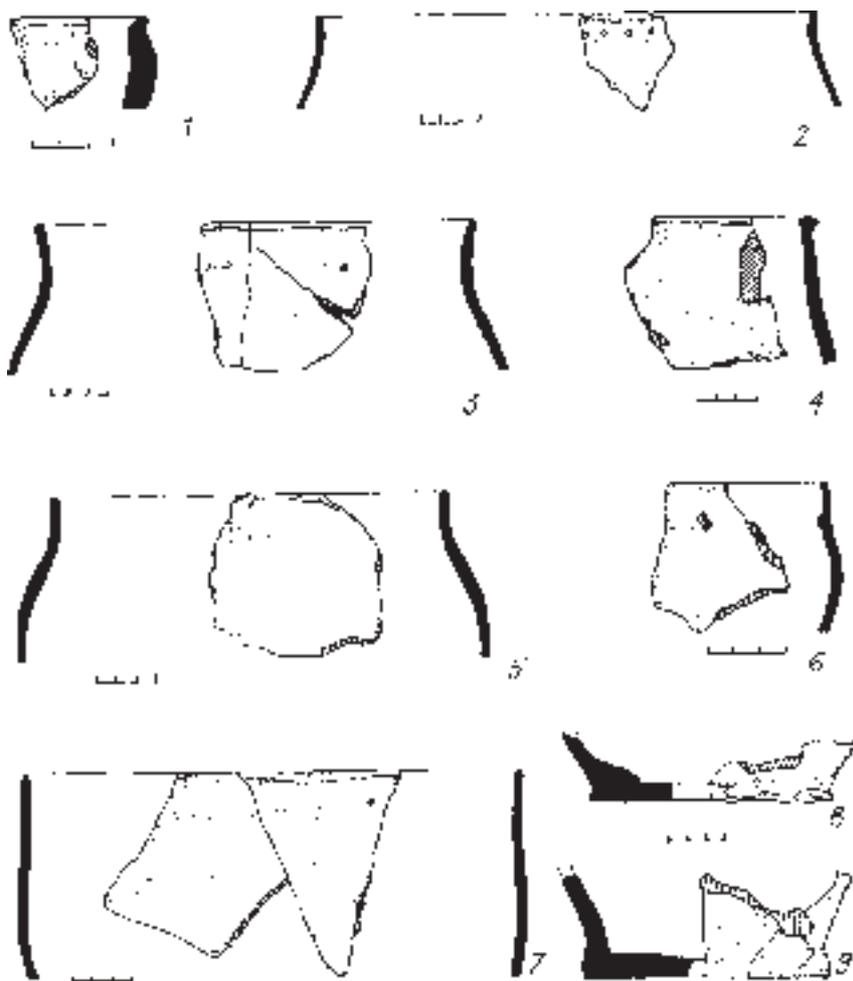

Рис. 11. Кирбинское городище. 1-7 – венчики сосудов и их реконструкция, 8, 9 – придонная часть сосудов. 4, 5, 7 – азелинская посуда, 1-3, 6, 8, 9 – именьковская посуда.

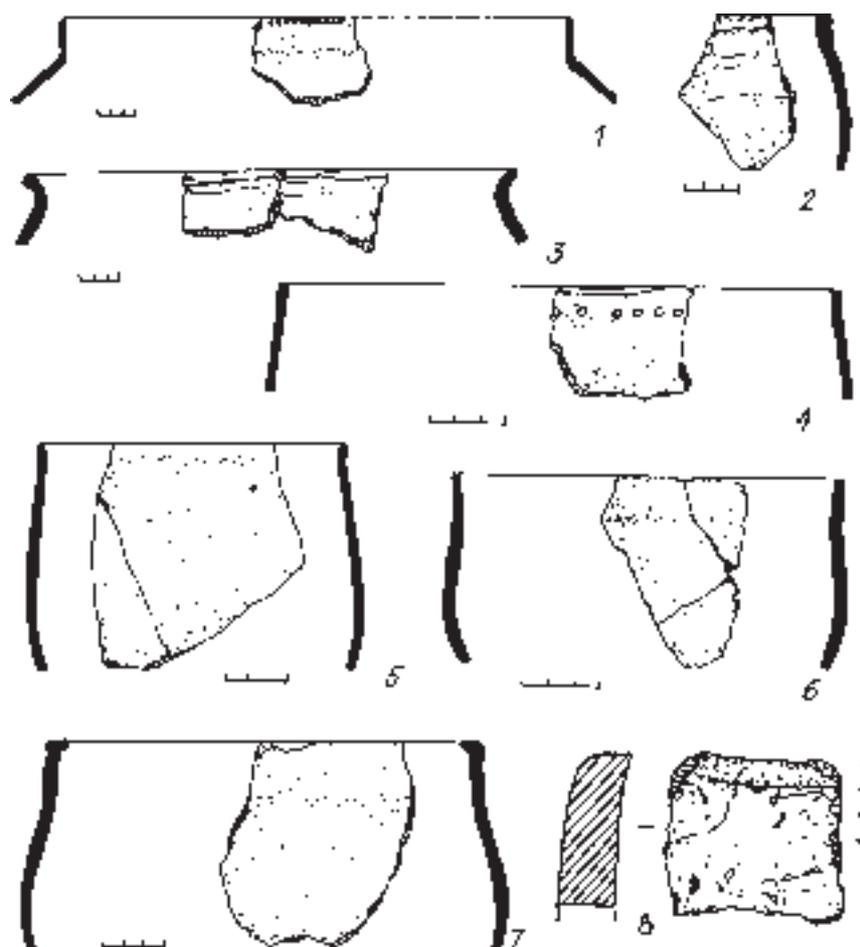

Рис. 12. Кирбинское городище. 1-8 – венчики сосудов и их реконструкция (сосуды именьковской культуры).

Владимир Винничек
**Археологические исследования в районе
Усть-Узинского могильника**

Усть-Узинский могильник находится в 3 км. к северо-западу от села Усть-Уза Шемышейского района Пензенской области. Памятник открыт и исследовался Рыковым П.С. Выявленный в ходе раскопок комплекс относится к языческой мордве XVII-XVIII вв.¹

После строительства Сурского водохранилища могильник активно размывается. В 2001 году в обрыве берега были обнаружены и раскопаны в охранных целях три погребения, совершенных по обряду труположения, два из которых оказались детскими и одно – женским. Для этих погребений характерны могильные ямы подпрямоугольной формы с закругленными углами, имевшие отвесные стенки и ровное дно.

Одно детское погребение (Рис. I, А) имело следующие размеры погребальной ямы: длина = около 65 см*, ширина = 42 см., глубина = 66 см. Покойный был положен без гробовины вытянуто на спине, головой на юго-запад. Голова слегка повернута влево. Руки расположены вдоль туловища. Слева, у головы стоял глиняный лепной горшочек бурого цвета (Рис. I, 1). В тесте в качестве примеси использовано заметное количество дресвы, обжиг хороший. В засыпке обнаружены мелкие фрагменты керамики эпохи бронзы и железный ромбовидный наконечник стрелы (Рис. V, 1), который по типологии Медведева А.Ф. датируется восточно-европейскими аналогами VIII-XIII веками².

Погребальная яма другого детского погребения (Рис. I, Б) имела размеры: длина = около 110 см., ширина = 53 см., глубина = 72 см. Покойный был положен в гробовину вытянуто на спине, головой на юго-запад, руки – вдоль туловища. В области грудной клетки обнаружена бронзовая кольцевая застежка круглого сечения с завернутыми концами (Рис. I, 2). В засыпке встречены фрагменты керамики эпохи бронзы и один фрагмент красной гончарной посуды со следами лощения, а также зубы и кости черепа лошади.

Женское погребение (Рис. I, В) располагалось в погребальной яме длиной около 200 см., шириной 78 см., глубиной 128 см. Покойная была положена вытянуто на спине, головой на юго-запад. Голова повернута вправо. Правая рука расположена вдоль туловища, а левая слегка согнута в локте, и ее кисть лежит на тазовой кости. Гробовина не прослеживается. В засыпке найдены фрагменты глиняной посуды эпохи бронзы. Интерес представляют украшения и элементы костюма, в котором была погребена умершая. Головной убор был украшен тремя рядами раковин каури (64 экз) (Рис. II, 3), чередующимися с бронзовыми каплевидными (11 экз., из которых одна – с розетковидным орнаментом в

* Погребения разрушены водами водохранилища на уровне голеностопного сустава, поэтому указать более точные размеры длины погребений не представляется возможным.

нижней части) (Рис. II, 11,12) и железными монетовидными (Рис. II, 14) привесками. Здесь же найдена костяная привеска (Рис. II, 10). Нижняя часть головного убора была расшита разноцветным бисером. Сохранилась полоска, орнамент которой составлен из бисера в виде повторяющихся желтых ромбов на поле синего цвета (Рис. II, 28). По-видимому, украшение ромбами нижней каймы передней части мордовского головного убора было традиционным и продолжало применяться в более позднее время³. Всего вокруг черепа собрано 1037 экземпляров красного, зеленого, синего, белого и желтого бисера.

На нижней кромке головного убора была закреплена цепочка из двух частей, составленных из различных по форме звеньев (Рис. II, 29). По обе стороны от черепа находились серьги (Рис. II, 1,2) и элементы височных украшений (Рис. II, 5,6).

В средней части каждой серьги имеется обмотка тонкой проволокой. Височные украшения калачевидной формы изготовлены из кольцевых застежек с расплюснутыми округлыми концами.

В области груди в пять рядов располагались раковины каури (352 экз) и бусы (138 экз) (Табл. I), среди которых были бронзовые пронизки (8 экз) (Рис. II, 13,18-20) и латунные западноевропейские счетные жетоны (9 экз.) (Рис. II, 23-26). Счетные жетоны (счетные пфенниги) представлены изделиями мюнцмейстеров Германии, чеканивших свою продукцию во второй половине XVII в. (Табл. II). Слева и справа у ключиц найдено по две крупных (Рис. II, 7) и по одной маленькой кисти (Рис. II, 8,9) из нитей бурого цвета, обмотанных тонкой бронзовой проволокой. Между нижней челюстью и тазовой костью обнаружены бронзовые кольцевые застежки (3 экз) из ложновитого стержня с расплюснутыми округлыми концами (Рис. II, 15), к которым были припаяны бронзовые обоймы с вставками из черного непрозрачного стекла (Рис. II, 16). Ниже тазовой кости находилась бронзовая кольцевая застежка из круглой проволоки с закрученными в кольца концами (Рис. II, 17).

Пальцы правой руки покойной были украшены бронзовыми перстнями. На среднем пальце находился перстень с шестигранным щитком и стеклянной непрозрачной вставкой белого цвета (Рис. II, 21), на безымянном – такой же перстень, но деформированный и без вставки (Рис. II, 22). Слева у пояса была положена, очевидно, в качестве «обола мертвых» серебряная копейка Михаила Федоровича (1613-1645 г.г.) без отверстия (Рис. II, 27). Рядом с кистью правой руки было расположено глиняное пряслице, наибольший диаметр которого оформлен валиком (Рис. II, 4).

Судя по вещевому комплексу и юго-западной ориентации, погребение характерно для мордвы – мокши XVII -XVIII веков⁴.

На размытой водохранилищем части могильника был собран довольно интересный подъемный материал, относящийся не только к периоду функционирования могильника XVII -XVIII вв., но и к более ранним эпохам.

К XVII -XVIII векам следует, по-видимому, относить следующие находки:

Литые многогранные бронзовые обоймочки, в выемках одной из которых сохранилась синяя и белая эмаль (Рис. III, 1), а боковые стороны другой украшены циркульным орнаментом (Рис. III, 2).

Все перстни отлиты из бронзы (Рис. III, 3-9). Три перстня – печати имеют резной орнамент на плоских щитках (Рис. III, 3,5,7). Ромбовидный щиток одного из перстней (Рис. III, 6) оформлен небольшими выступами. Еще три перстня обладают стеклянными вставками (Рис. III, 4,8,9). Под вставки двух из них (Рис. III, 8,9) проложены тонкие пластинки из природной слюды, у одного (Рис. III, 4) стекло отлито с вогнутым орнаментом. Интерес представляет изделие со светло-зеленой вставкой (Рис. III, 9), на боковых сторонах щитка и дужки которого имеются выемки с белой и синей эмалью. На белой эмали – орнамент из трех синих точек. Аналогии вышеперечисленным перстням известны из мордовских и марийских некрополей XVII-XVIII в.в.⁵

Каплевидные бронзовые привески (28 экз) (Рис. III, 12) имеют широкую хронологию бытования у финно-угров Поволжья, хотя следует отметить, что форма большинства этих изделий в рассматриваемое время несколько преобразилась -нижнее полушарие стало менее выпуклым, из-за чего появилось довольно выраженное горизонтальное ребро.

Литая бронзовая пуговица -привеска многогранной формы (Рис. III, 11) имеет на гранях выемки, в которых залита цветная эмаль. В верхнем ряду – зеленая, в нижнем – чередуются треугольники белого и голубого цветов, на которых по три черных точки, в середине нижней части -желтый кружок с одной черной точкой. Характер оформления эмалью этого предмета имеет много общего с указанным выше перстнем (Рис. III, 9).

На одной круглопроволочной бронзовой серьге (Рис. III, 13) при помощи пробитого отверстия закреплена серебряная копейка Петра Алексеевича, изделий такой формы, но без монет, найдено 7 экз. Обнаружены также серьги из круглой бронзовой проволоки с тремя петлями на конце (3 экз) (Рис. III, 13а). Множество аналогий в некрополях мордвы XVII-XVIII вв. имеют литые бронзовые сюлгамы с восемью петлями на лопастях (2 экз) (Рис. III, 14), орнаментированных ложной зернью, насечкой и имитацией веревочки, а также украшенные геометрическим орнаментом бронзовые литые пластинчатые браслеты (Рис. III, 15-18) и рамчатые пряжки с растительным узором на передней части (Рис. III, 19,20)⁶. На размытой водами Сурского водохранилища территории Усть-Узинского могильника собрана довольно большая коллекция кольцевых застежек, которые представлены изделиями из железа, бронзы и серебра.

Железные кольцевые застежки изготовлены из круглого в сечении дрота с закрученными в кольца концами (2 экз) (Рис. IV, 2,3). Такой же формы найдены изделия из бронзы (7 экз) (Рис. IV, 1).

У основной массы бронзовых застежек из круглого (4 экз) (Рис. IV, 4,7) и ложно-витого стержня (13 экз) (Рис. IV, 5,6,9) концы прокованы и имеют округлую форму. К расплющенной площадке застежки припаивались обоймы с вставками из черного непрозрачного стекла (Рис. IV, 4).

Возможно, в некоторых случаях округлые лопасти застежек украшали не обоймами с вставками, а бронзовыми кружками (2 экз) (Рис. III, 10) с циркуль-

ным орнаментом, поскольку на нем сохранились отчетливые следы пайки на оборотной стороне.

Серебряная кольцевая застежка (Рис. IV, 8) изготовлена из гладкого, круглого в сечении стержня. К округлым площадкам припаяны обоймы из тонкой серебряной пластинки с рельефным геометрическим орнаментом, в которые установлены непрозрачные стеклянные вставки бирюзового цвета.

Очевидно, ножи (8 экз) (Рис. IV, 10,11) и салазковидные кресала (5 экз) (Рис. IV, 12,13), найденные в районе могильника, являлись атрибутами мужских погребений.

Нумизматический материал Усть-Узинского могильника представлен довольно широкой коллекцией западноевропейских счетных жетонов второй половины XVII – первой половины XVIII вв. (122 экз – все с отверстиями) и русских монет (127 экз., часть из которых с отверстиями) Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, а также найдены два польских медных солида (с отверстиями)⁷. Таким образом, погребальный обряд и инвентарь Усть-Узинского могильника указывает на его принадлежность к мордве-мокше XVII-XVIII вв., хотя имеется ряд различий с материалами синхронно функционировавшего Кельгининского могильника, относимого также к мордве-мокше. Так, например, из множества погребений Кельгининского могильника известна лишь одна кольцевая застежка, а в одном женском погребении Усть-Узинского некрополя обнаружено четыре таких предмета. Отличия в количественном соотношении наблюдаются и в применении широколопастных литых сьолгам. Одним экземпляром представлено в материалах Кельгининского могильника и салазковидное кресало, хотя в районе Усть-Узинского могильника их собрано пять. Очевидно, связаны эти различия с географическим расположением этих двух памятников. Отдаленность их друг от друга могла обусловить различия при введении и применении новых элементов одежды и предметов быта.

Среди материалов собранных на территории Усть-Узинского могильника имеются предметы, относящиеся к более ранним эпохам. Это нож (Рис. V, 5), два шила (Рис. V, 6,7) и втульчатый крючок (Рис. V, 8) эпохи бронзы. Подобный крючок обнаружен на Южном Урале в жилище абашевской культуры⁸. Индийская серебряная монета (Рис. V, 4), чеканеная раджей Спалагати Дева, датируется началом IX века (определена И.Добровольским, Эрмитаж)⁹. В монете, по-видимому, были пробиты отверстия, которые со временем привели к излому ее края.

Как уже было указано выше, в засыпке одного из погребений обнаружен наконечник стрелы VIII-XIII в.в.

К периоду Золотой Орды относятся такие находки, как монета Менгу-Тимура (Сарай, 671 г.х.) (Рис. V, 3) и серебряный перстень с щитком прямоугольной формы (Рис. V, 2). Орнаментация щитка и дужки аналогична оформлению серебряного украшения из погребения XIV века Акимовщинского могильника в Верхнем Примокшанье¹⁰.

Таким образом, материалы могильника и района его функционирования говорят о том, что территория близ слияния рек Суры и Узы была заселена уже во II тыс. до н.э. Благоприятные природные условия, плодородные земли, богатые рыбой водоемы Верхнего Посурья издревле привлекали внимание человека. Проходящий по верхнесурским землям в домонгольский период торговый путь из Волжской Булгарии в Киевскую Русь способствовал проникновению в этот регион товаров, произведенных далеко на востоке (индийская монета). Торговля продолжалась и в золотоордынское время. Город Мохша являлся торговоремесленным центром северо-западных земель Золотой Орды и, используя торговые пути связывающие его с политическими центрами, вывозил свою продукцию в соседние регионы (серебряный перстень). Не исключено, что этими дорогами пользовались и в более поздний период русские купцы для меновой торговли с мордовским населением.

Примечания:

- ¹ Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области. – Пенза, 1970. С. 154.
- ² Медведев А.Ф. Ручное, метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. – М., 1966. – С.69.
- ³ Спрыгина Н.И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии по материалам экспедиции 1925 г. – Пенза, 1929. С. 18, Рис.5. Табл. IV, д.
- ⁴ Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Кельгининский могильник. – Саранск, 1998. – С.10.
- ⁵ Малкова Н.М., Морозов В.Ю. Украшения мордовского костюма XVIII -начала XIX вв. (по материалам из могильника у с. Коноваловки Борского района) // Краеведческие записки. Вып. VIII. – Самара, 1996. – С.267, Рис. II, 1,6-8,15. Шикаева Т.Б. Могильники XVI -XVII вв. // Археологические работы 1980-1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. (АЭМК-15) – Йошкар-Ола, 1989. С. 127, Рис. 2,4.
- ⁶ Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Кельгининский могильник... – С.16-17.
- ⁷ Дрыгин И.А., Ушакова М.Ю. Монеты с мордовского могильника XVII -XVIII веков близ села Усть-Уза. //Археология Поволжья. – Пенза,2001. – С.166. – С.169, Табл. III.
- ⁸ Тюбьяк: поселение бронзового века на Южном Урале. – Уфа, 2001. – С.92, Рис. 49,8.
- ⁹ Материалы по этой монете опубликованы в газете «Наша Пенза» № 4 (596) от 26 января 2001 года. В.Яньков «Улов из реки времени».
- ¹⁰ Винничек В.А. Материалы средневековых памятников Верхнего Посурья и Примошанья. // Археология Поволжья. – Пенза, 2001. – С. 128, Рис. 16,1.

Таблица I. Бусы из женского погребения Усть-Узинского могильника.

Форма	Орнаментация	Прозрачность	Цвет основы и орнаментации	Кол-во (экз.)
шаро- видные	одноцветные	прозрачные	желтые	5
			зеленые	3
			темно-синие	1
	с тремя одноцветными полосами	непрозрачные	голубые	53
			черные	1
			черные с белыми полосами	1
с тремя двухцветными полосами	непрозрачные	черные с коричнево-белыми полосами	12	
		красные с коричнево-белыми полосами	10	
диско- видные	одноцветные	прозрачные	бесцветные	1
			светло-зеленые	3
		непрозрачные	черные	2
бочонко- видные	одноцветные	прозрачные	зеленые	1
			непрозрачные	черные
	с тремя одноцветными полосами	непрозрачные	голубые с коричневыми полосами	3
эллипсо- видные	одноцветные	прозрачные	светло-зеленые	35
			синие	1
Итого				138

Таблица II. Типы счетных жетонов из женского погребения Усть-Узинского могильника.

Принятые обозначения: для легенд оригинала – Av (avers), Rv (revers); для перевода – Л.с. (лицевая сторона), О.с. (оборотная сторона).

Тип 1. (Рис. II, 23)

Av. LVD.XIII.D.G.(FR.ET.NAV.REX)

Л.с. Людовик XIV божьей милостью (французский и наваррский король)

Изображения: Портрет Людовика XIV

Rv.RECH.PFEN.HANS.VL.HORAVES

О.с. Счетный пфенниг Ганса Ульриха Горауса

Изображения: Герб в виде щита, на котором три лилии. Над щитом – корона.

Диаметр: 17 мм.

Количество: 1 экз.

Тип 2. (Рис. II, 24)

Av. LVD.XIII.D G.FR.E.N.REX.

Л.с. Людовик XIV божьей милостью французский и наваррский король

Изображения: Портрет Людовика XIV

Rv. RECH.PF.LAZA.GOTTL.LAVEFERS.

О.с. Счетный пфенниг Лазаря Готтлиба Лауфера

Изображения: Герб в виде щита, на котором три лилии. Над щитом – корона.

Диаметр: 20 мм.

Количество: 1 экз.

Тип 3. (Рис. II, 25)

Av. LOVIS XIV.ROY D.FR.ET DE NAV

Л.с. Людовик XIV король Франции и Наварры

Изображения: Портрет Людовика XIV

Rv. RECHN.PFENING CORN.LAVEFERS.

О.с. Счетный пфенниг Корнелия Лауфера

Изображения: Герб в виде щита, на котором три лилии. Над щитом – корона.

Диаметр: 17 мм.

Количество: 5 экз.

Тип 4. (Рис. II, 26)

Av. REICH.BLEIBTEWIG.GOTT

Л.с. Владыкой останется вечно Бог

Изображения: Двойная фигурная рамка, внутри которой держава, увенчанная крестом.

Rv. WOLF.LAWEFER...NVR(NBERG)

О.с. Вольф Лауфер. Нюрнберг.

Изображения: Мужской портрет в шлеме с крыльями.

Диаметр: 17 мм.

Количество: 1 экз.

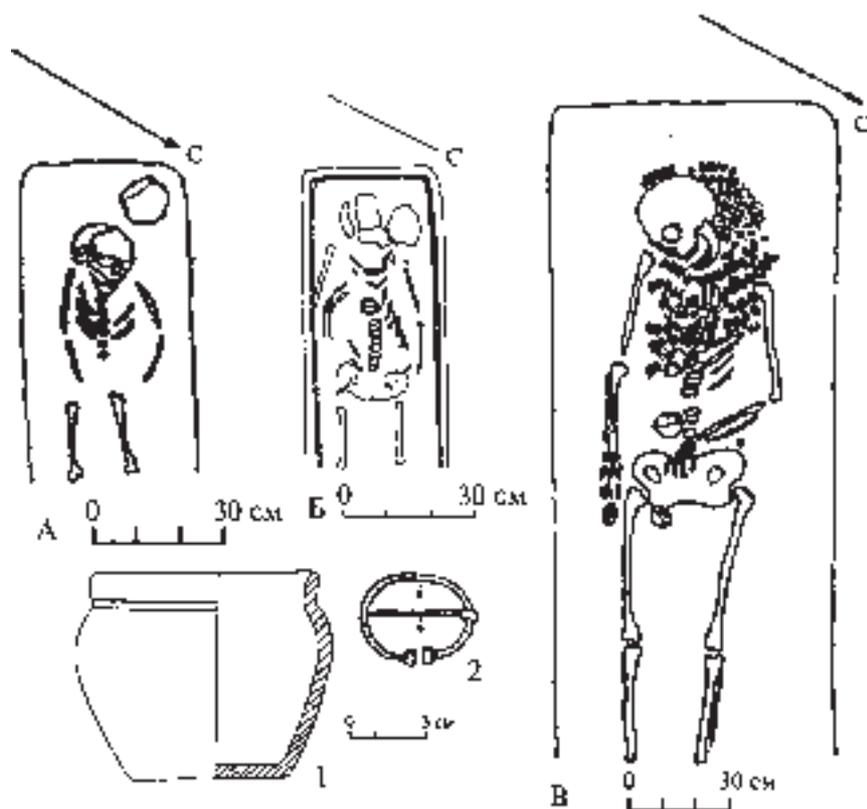

Рис. I. Усть-Узинский могильник. Планы погребений.

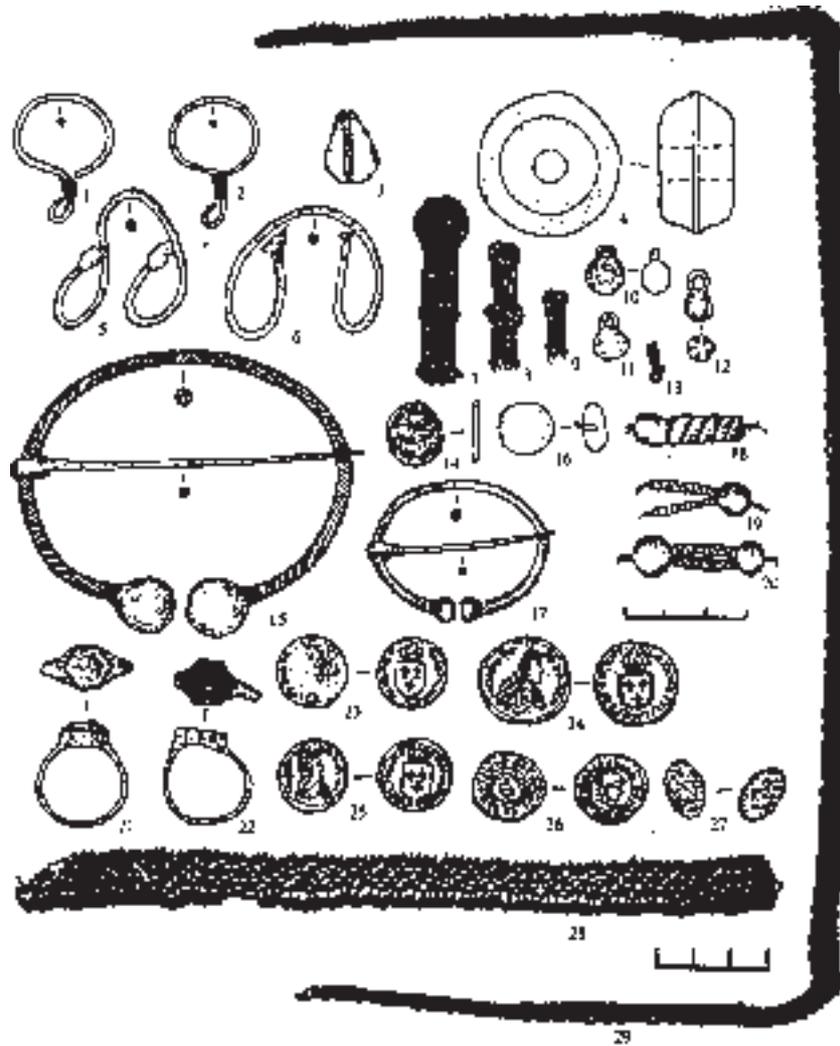

Рис. II. Усть-Узинский могильник. Погребение В. Инвентарь.

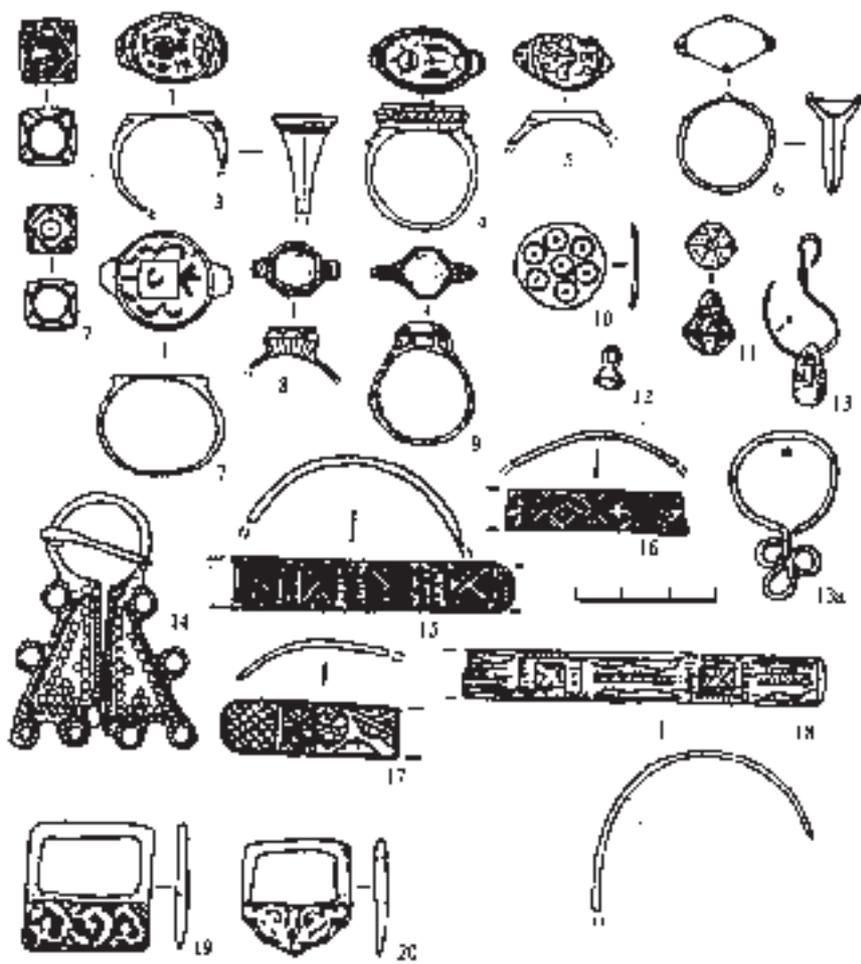

Рис. III. Усть-Узинский могильник. Подъемный материал.

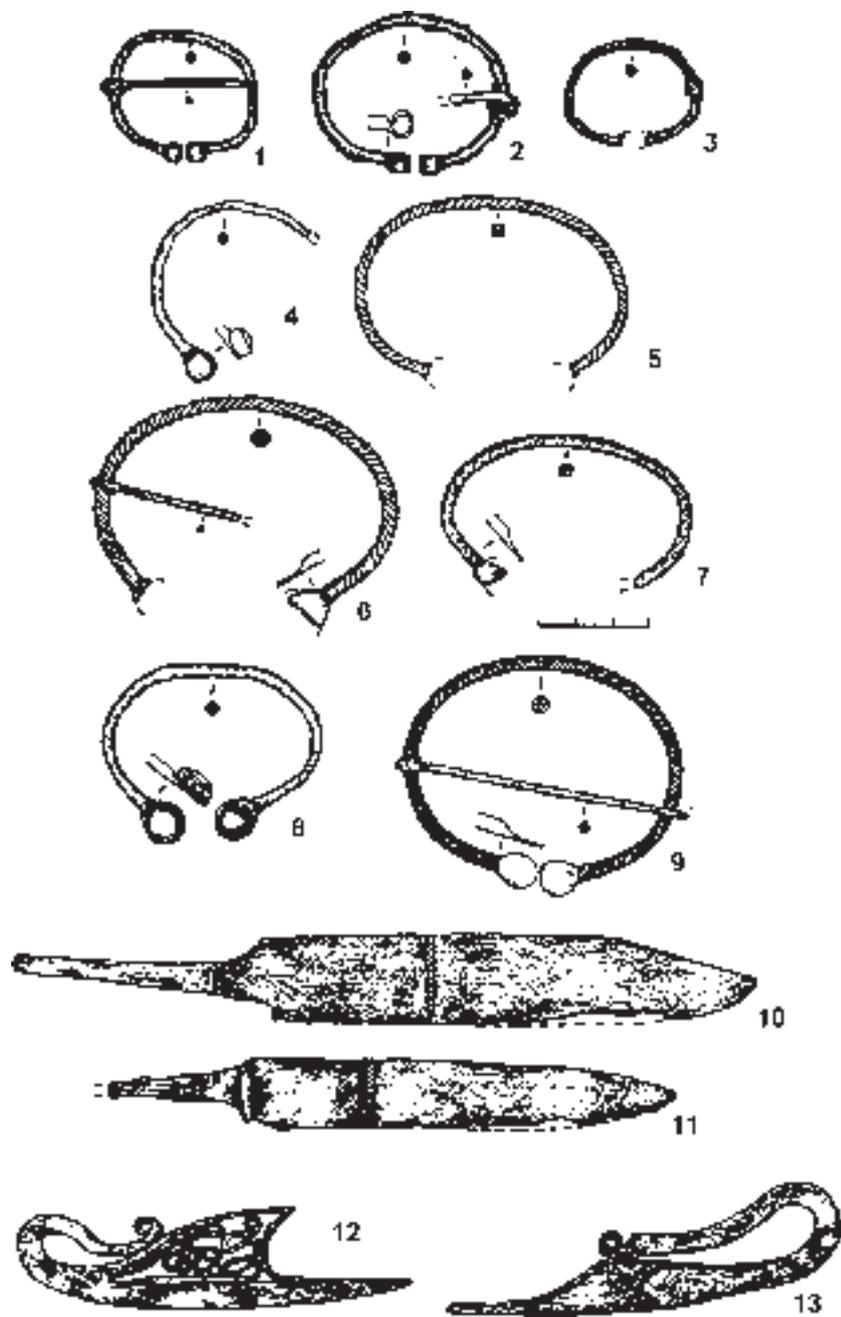

Рис. IV. Усть-Узинский могильник. Подъемный материал.

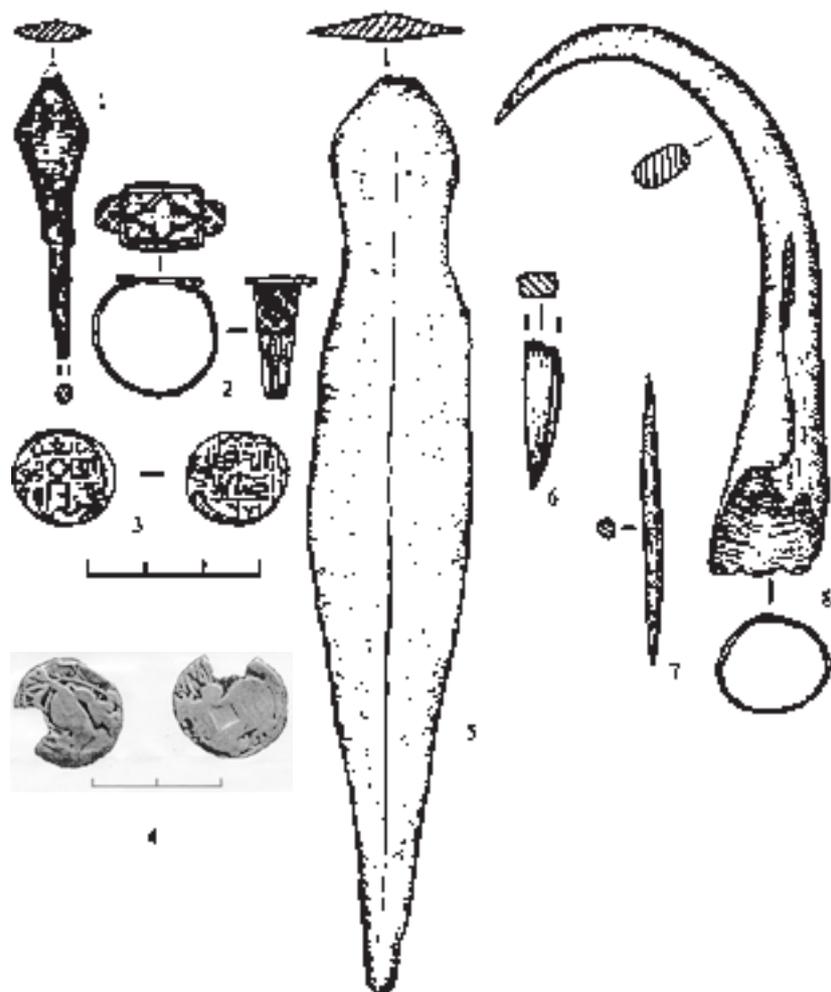

Рис. V. Усть-Узинский могильник. Подъемный материал. 4 – индийская монета IX в.

Игорь Пастушенко Еще раз о локализации Вису

Проблема локализации страны-земли-народа Ису-Вису-Весу арабо-персидских источников является одним из интереснейших вопросов средневековой археологии Севера Европейской части России. За более чем 170-летний период в литературе сложился ряд мнений, которые практически не обобщались.

Первыми, кто обратился к этой проблеме, были С.М.Френ и Ф.Нансен. Если точку зрения первого российские исследователи знают достаточно хорошо – идентификация Вису с летописной белозерской весью, то мнение второго, распространившего понятие Вису «на все страны Крайнего Севера, подобно тому, как термин “Левант” объединяет все страны Ближнего Востока» (Хенниг Р., 1961, с.265-266), практически не известно. И если Ф.Нансен был забыт, как и его предположение, то гипотеза С.М.Френа сыскала себе массу сторонников и превратилась в практически «неоспоримый» и «общепринятый» исторический факт. Наиболее последовательными ее защитниками выступили А.П.Смирнов (1952, с.225), а вслед за ним – В.В.Пименов (1965, с.29-32), А.А.Голубева (1962, с.53. 1973, с.7-9; 1987, с.52), А.Л.Монгайт (Путешествие, 1971, с. 101-104). К ней также присоединились И.П.Магидович и В.И.Магидович (1970, с. 127), В.В.Бартольд (1963, с.834), И.В.Дубов (1982, с.118; 1989, с.151-152), А.П.Ковалевский (1956, с.29), М.Г.Атаманов (1987, с.87), М.В.Гришкина (1994, с. 19) и многие другие, опираясь на постулат общепринятости. При этом почти все упомянутые авторы отвергли, практически без критики, гипотезу Ф.Вестберга, отнесшего понятие Вису к Югре, а также мнение Р.Хеннига и М.В.Талицкого, видевших в Вису население Верхней Камы – бассейн Вишеры-Колвы, возможно, Печоры и даже Северной Двины, с центром в Чердыни (Хенниг Р., 1961, с.25; он же, 1962, с.258-277; Талицкий М.В., 1941, с.47; он же, 1953, с.76-79). В Прикамье помещается Вису Г.М.Давлетшиным (1971, с.99), А.Е.Леонтьевым (1986, с.3-5), Е.В.Ястребовым (1970, с.182; Архипов Н.П., Ястребов Е.В., 1971, с.10-11), а также В.А.Оборинным и А.М.Белавиным, при этом последние отдают предпочтение южной части Верхнего Прикамья – Обвинско-Иньвенскому поречью и Нижней Чусовой (Белавин А.М., 1990, с.128; он же, 1989, с. 168, 176-189; он же, 1997, с. 167-170; он же, рукопись). Несколько особняком стоит мнение А.Х.Халикова (1989, с.21), видевшего в Вису протоболгарские племена эсегел, покинувшие в середине IX в. Прикамье и переселившиеся в бассейн р.Итиль. При этом сторонники и той, и другой гипотезы приводят в качестве доказательств краткость ночи в летний период, обилие пушнины в регионе и наличие болгарских вещей в археологических материалах, а также созвучие понятий «весь» и «вису». Попробуем комплексно проанализировать имеющиеся данные.

Собственно Ису-Вису-Весу упоминается у Ибн-Фадлана, Бируни, Марвази, ал-Гарнати, Низами, Йакута и Закария Казвини, то есть в сочинениях IX-XIII

вв. При этом Б.Н.Заходер (1967, с.59-60) считает, что в целом свод этих сведений сложился еще до Ибн-Фадлана, имел несколько редакций, а в его основе «лежал текст на малоизвестном языке Востока, возможно болгарском», дополненный непосредственными наблюдениями и сведениями из античной и византийской литературы.

В XIV в. понятие Вису не встречается, судя по всему, его заменяет термин *касаба Акикул* и *Чулыман*, на который ал-Омари переносит признаки, характерные ранее для Вису.

Какая же информация заложена в «своде»? К сожалению, она не столь велика и изложить ее можно в нескольких пунктах:

1. Вису – область недалеко от Болгара, расстояние до нее составляет: 20 дней, 1 месяц, 3 месяца.
2. За областью Вису находятся Йура, Страна Мрака.
3. Ездят в Вису и далее зимой на собачьих упряжках и лыжах.
4. Летом ночь в Вису крайне коротка: не видят тьмы, 1 час, 2 часа, 3,5 часа.
5. Из Вису непосредственно или транзитом поступают великолепные меха: бобр, соболь, ласка, горностай, черная лиса, куница.
6. Купцы Вису выступают посредниками в торговле между Болгаром и северными странами, торговля немая.
7. Жители Вису краснолицы, голубоглазы, светловолосы и похожи на русов (Хенниг Р., 1961, с.247-277; Заходер Б.Н., 1956, с.6-30; он же, 1967, с.61-67; Путешествие. 1971, с.31-35,58-59; Путешествие, 1939, с.71-76; Низами Гянджени, 1986, с.369,394-399; Тизенгаузен В., 1884, с.237-238, 297-298).

Это повторяющиеся сведения, которые при желании можно использовать для защиты как белозерской, так и верхокамской гипотез. Но есть еще два факта, заслуживающие особого внимания, но, как правило, опускающиеся исследователями. Во-первых, это сообщение ал-Гарнати: «А у него [Булгара] есть область, [жители которой] платят харадж, между ними и Булгаром месяц пути, называют ее Вису» (Путешествие, 1971, с.31). Второе принадлежит ал-Омари: «...Булгар, самая короткая ночь его [длится]... 4,5 часа с небольшим... Что касается «касабы» Акикула... самая короткая ночь там [длится] 3,5 часа... Между Булгаром и Акикулом... расстояние 20 дней обыкновенной ходьбы... За Акикулом... Сибирь и Ибирь, потом за ними земля Чулыман... от Чулымана на Восток... к городу Каракоруму, а далее в землю Хатайскую... На запад от него [Чулымана]... в землю Русских, потом в страну Франков... Страны Сибирские и Чулыманские... прилегают к Башкырдам» (Тизенгаузен В., 1884, с.237-238).

Проанализируем сообщение ал-Омари. Отметим, что автор соединяет воедино два понятия Чулыман – р.Кама и Чулыман – р.Чулым. Учтя это, получаем вывод о том, что *касаба Акикул*, небольшой населенный пункт, возможно, укрепленный, являвшийся центром мелкой торговли и ремесла (Сам ал-Омари переводит термин «касаба» как небольшой город. В современном персидском языке «касэб-касабэ» означает «мелкий торговец, лавочник: ремесленник, кус-

тарь», «касэби» – «мелкая торговля в розницу или оптом; занятие мелкого торговца», а глагольная форма – «заниматься мелкой торговлей или ремеслом» (Персидско-русский словарь, с.294-295)), находился на стыке Булгара, Чулымана, Башкырда, Руси, Сибири и Ибири. При среднесуточном движении в 20-30 км расстояние в «20 дней обыкновенной ходьбы» составит 400-600 км. Но главное – это астрономически измеренная продолжительность ночи в 4,5 часа в Болгаре и в 3,5 часа в Акикуле. На широте г.Булгара (55° с.ш.) астрономическая ночь составляет 6 часов 40 минут, а обыденная гражданская – около 4,5 часов, время когда солнце находится ниже линии горизонта примерно на 7° , и уже видны первые звезды. Астрономические расчеты (выполнены Б.П.Кондратьевым, доктором физико-математических наук, зав.кафедрой астрономии и механики Удмуртского университета, и А.Г.Вшивцевым, ассистентом той же кафедры, которым автор приносит свою благодарность) показывают, что в этом случае г.Акикул располагается на широте $57,6 \pm 0,5^{\circ}$ с.ш. (допуск в $0,5^{\circ}$ определяется возможной погрешностью временных измерений в 15 минут), то есть в полосе между $57,1^{\circ}$ и $58,1^{\circ}$ с.ш., но учтя сообщение о «... 4,5 часа с небольшим...» можно расширить полосу в сторону увеличения до $58,6^{\circ}$ с.ш.

Всем выше перечисленным условиям могут удовлетворить лишь несколько археологических памятников в бассейне Средней Сылвы, нижней Чусовой и Обвинско-Иньвенском поречье, а в наибольшей мере – Рождественское городище, в материалах которого доля болгарской гончарной керамики достигает 65%, где изучены 3 болгарских гончарных горна и мусульманский могилиник (Белавин А.М., рукопись; Белавин А.М., Нечаев О.А., 1994, с. 11-13; Крыласова Н.Б., Бочаров И.В., 1994, с.79; Рубцов А.В., 1994, с.13-14; Крыласова Н.Б., Бочаров И.В., Бочарова Е.О., 1997, с. 103-106). Учитывая то, что понятие Чулыман заменило понятие Вису, получим, что страна-земля Чулыман-Вису с центром на Рождественском городище располагалась в Обвинско-Иньвенском поречье, занимая также ближайшие районы Прикамья, населенные родственными группами населения.

Вернемся к белозерской гипотезе. В «Повести временных лет» в рассказе о призвании варягов и Рюрика под 862 годом написано, что на Бело-озеро сел править Синеус, а через два года, по его смерти, туда был назначен новый правитель (ПСРЛ. Т.9, с.8-9). О раннем проникновении славян в Приладожье, Прионежье и на Белое Озеро свидетельствуют и археологические данные, причем этот процесс сопровождался и расселением веси (практически параллельным), которая оформилась в четко локализуемые группы лишь к концу X в. (Голубева Л.А., 1973, с.50-56; Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1989, с.289-293), а лишь они могли выступать в качестве Вису: страны или народа. В конце X в. и почти весь XII в. русские князья совершают походы на Волжскую Булгарию, а в 1184 г. в походе князя Всеволода Юрьевича активно участвует полк белозерцев с воеводой Фомой Ласковым (ПСРЛ. Т. 10, с.9), что делает совершенно непонятным и невероятным сообщение ал-Гарнати о выплате Вису (белозерцами) ха-

раджа в Булгар. Да и путь из Булгарии на Белоозеро был прикрыт рядом крупных русских городов.

Использование Белоозера, как Вису, транзитным пунктом на пути в Югрю и Страну Мрака, богатые пушниной, также крайне маловероятно – ведь это крюк в сотни и даже тысячи километров, причем в массе по волокам. Да и сам район Белоозера не был столь богат пушниной, уже у Ибн-Хаукаля записано, что «Большая и лучшая [часть] мехов бобра находится у русов и спускается [по рекам] к ним и к их стороне со стороны Йаджудж и Маджудж, и поднимается к Булгару» (Калинина Т.М., 1975, с.94). К тому же новгородцы вряд ли уступили кому бы то ни было право на торговлю югорскими мехами. Они вышли к Югре уже в конце XI в., поход 1096 г. Гюрягы Роговича (ПСРЛ. Т.9, с. 127), в конце XII в. пытались, правда неудачно, присоединить ее (ПСРЛ. Т.10, с.21-23), а во второй половине XIII в. она уже числится среди новгородских волостей (Грамоты..., 1949, с. 9, 11, 12, 15, 17,...). При этом начало этого пути попало под контроль новгородцев достаточно рано, и великим князьям владимирским, а потом и московским, пришлось вести долгую и упорную борьбу за югорскую пушнину. Весьма сомнительно, что болгары могли вмешаться в нее, да это было и не нужно при наличии камского пути. Поход 1218 г. на Великий Устюг и Унжеск (ПСРЛ. Т.10, с.81) был, скорее всего, не попыткой овладеть волоками, а отчаянной попыткой защитить и сохранить камский путь через Вису к пушным богатствам Северного Урала и Сибири. Ответные действия великих князей поразили г.Ошель и, как раз, камские владения булгар (ПСРЛ. Т. 10, с.83-85).

Постепенное вытеснение болгарских купцов из различных районов Прикамья прослежено М.Г.Ивановой на бусинном материале Кузьминского могильника на р.Чепце, где преобладавшие в X-XI вв. ближневосточные бусы начиная с XII в. вступают в жесткую «конкуренцию» с бусами древнерусского производства и в XIII в. вытесняются ими практически полностью (Иванова М.Г., 1994, с. 160-161).

В качестве еще одного аргумента в защиту белозерской гипотезы привлекаются данные археологии, в первую очередь, это клады восточных монет вдоль волжско-балтийского торгового пути, распространенные также в Скандинавии и Германии. Следует сразу же отметить, что собственно болгарские монеты встречаются крайне редко и в единичных экземплярах, нет их и в Белозерье (Голубева Л.А., Кочуркина С.И., 1991, с. 111). Парадоксально, но возникновение этих кладов связывается с болгарскими и арабскими купцами и страной Вису лишь в районе Белого Озера... ни в Муромском течении Оки, ни у Рыбинска или Костромы, ни в Приильменье или Скандинавии, а именно на Белом Озере. Здесь комментарии излишни. Не останавливаясь на причинах широкого распространения куфических монет, отметим, что они не могут являться решающим фактором в вопросе о Вису, так как известны они достаточно широко и в других регионах, да и основная их масса приходится на время, предшествующее пику собственно болгарской торговли (Хенниг Р., 1961, с.276-277).

Другой категорией находок восточного и болгарского происхождения, связываемой с Вису, в Белоозере является посуда. Представлена она в основном тарными сосудами, при этом крайне малочисленна. Так на поселении Крутик IX-X вв. (протогородской центр на Белом Озере) она составляет менее 1% от всего количества посуды и происходит от «красноглиняных болгарских кувшинов» (Макаров Н.А., 1991, с.129), но красный окислительный обжиг керамики в Волжской Булгарии не стал еще в это время господствующим (Хлебникова Т.А., 1984, с. 30-33, 49-50, 132-133). Это позволяет предположить, что тарная посуда поступала из более южных регионов, что подтверждается и белозерскими материалами, где представлены преимущественно амфоры (Голубева Л.А., 1973, с. 186-188), а они в Булгарии не производились. Да и эта группа посуды также крайне немногочисленна (Голубева Л.А., 1973, с.145, 161-165, 186-188; Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991, с. 111). Совершенно не упоминается в районе Белого Озера бытовая керамика: кухонная и столовая, светильники, сфероконусы.

Вместе с тем, в Прикамье болгарская посуда известна как в большем количестве, так и в большем ассортименте. Порой она и производилась на месте, а не привозилась, что является неоспоримым доказательством присутствия постоянного болгарского населения в регионе (Белавин А.М., Нечаев О.А., 1994, с. 12). В целом же, в Верхнем Прикамье, преимущественно на территории южнородановской группы племен, болгарские изделия найдены на 179 памятниках, в том числе на 43 поселениях, где количество круговой болгарской посуды составляет от 2-3% до 65% всего керамического материала, а также найден мусульманский некрополь XI – начала XIII в. (Белавин А.М., 1997, с. 167-170; Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 1998, с. 143-144). Болгарское влияние в Обвинско-Иньвенском Прикамье было столь сильно, что отразилось не только в прямых связях и контактах, но и в заимствовании местным родановским населением болгарской технологии производства ряда категорий вещей, что неоднократно подчеркивал А.М.Белавин.

Таким образом, у защитников весской концепции остается единственный аргумент – созвучность этнонимов «весь» и «вису». Действительно, в этнографическом Приуралье последний не встречается. Но исходя из того, что понятие Вису было заменено на Чулыман-Кама, то есть на название реки, возможно предположить, что оно также было связано с названием реки. Вместе с тем, именно в южной части Верхнего Прикамья достаточно много гидронимов на Вис-Биз-Пис, которые можно возвести к какой-то древней финно-угорской форме viz “вода” (Матвеев А.К., 1961, с. 139-140; он же, 1976, с. 158; Аксенова О., 1995, с.80). Не исключено, что именно по этому гидрониму и получил название народ и страна Вису.

Таким образом, кажется бесспорным факт, что страна-земля-народ Ису-Вису-Весу арабо-персидских источников X-XIII вв., а позднее земля Чулыманская с касабой Акикул локализуются в южной части Верхнего Прикамья, точнее в Обвинско-Иньвенском поречье и сопредельных с ним территориях с центром на

Рождественском городище, то есть в районе расселения племен южного и юго-восточного (чусовского) вариантов родановской культуры.

Но у данной проблемы существует еще один аспект, не нашедший отражения в литературе. Волго-Камский торговый путь известен с древности, именно по нему в богатое пушниной Прикамье еще с раннего железного века, а, возможно, и еще ранее, поступали товары с юга – из Причерноморья, Средней Азии, с Кавказа и из еще более удаленных регионов, таких как Индия, Ближний Восток и Египет. Эти связи, частично нарушенные в эпоху великого переселения народов, быстро восстановились во время Хазарского каганата, являвшегося своеобразным символом стабильности в Нижнем Поволжье и Прикаспии, части Северного Причерноморья и Северного Кавказа и контролировавшего как восточную, так и северную торговлю в регионе. Это проявилось в том, что уже с VI в. в Прикамье поступает значительное количество серебра. Первоначально ориентация шла на хорезмийско-среднеазиатский рынок, но арабские завоевания и политические неурядицы между Итилем и Хорезмом привели к переориентации пушного рынка на причерноморскую торговлю. Это видно по достаточно большому количеству причерноморской тарной посуды VIII – первой половины IX в. на памятниках неволинской культуры (Сылвинское порежье) (Пастушенко И.Ю., 1993; он же, 1997) и предметов византийской торевтики (Даркевич В.П., 1976). Скорее всего, до середины IX в. именно неволинские племена являлись основным торговым партнером южных и восточных купцов, шедших через Хазарию в Прикамье (Бартольд В.В., 1963, с.816; Пастушенко И.Ю., 1997, с.36-38). Возможно, что уже в это время они выступали под именем Ису-Вису, что могло найти отражение в несохранившихся до наших дней источниках, легших в основу каспийского свода сведений о Восточной Европе. В конце IX-X в. неволинское население активно участвует в сложении южного (обвинско-иньвенского) и юго-восточного (чусовского) вариантов родановской культуры, передавая последней не только отдельные черты материальной культуры, но и свои экономические связи с Поволжьем и Востоком, а также и свою «торговую марку» Ису-Вису. Последняя получила широкое распространение у волжских булгар, захвативших после гибели Хазарии контроль над Волго-Камским и Волго-Балтийским торговыми путями, а через них стала известна и арабам, породив массу сложностей в исторической науке.

Примечания:

- Аксенова О.*, 1995. Коми-пермяцкая географическая терминология // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Тезисы докладов и выступлений на международной конференции. Кудымкар.
- Архипов Н.П., Ястребов Е.В.*, 1971. Как были открыты Уральские горы. Пермь. 195с.
- Атаманов М.Г.*, 1987. Расселение удмуртов по данным этнотопонимии // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов. С.80-103.
- Бартольд В.В.*, 1963. Арабские известия о русах // Сочинения. Т.III. Ч.1. М.
- Белавин А.М.*, 1989. Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X-XIII вв. (К вопросу о культурном и экономическом взаимодействии). Канд. дисс. Казань.

- Белавин А.М.*, 1990. О раннем этапе болгаро-пермских контактов // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань. 1990. С. 125-129.
- Белавин А.М.*, 1997. О локализации страны Вису в Пермском Приуралье // Коми-пермяки финно-угорский мир: Материалы I международной научно-практической конференции. Кудымкар. 1997.
- Белавин А.М.* К вопросу о локализации «страны Вису» болгаро-арабских источников X-XIV вв. в Пермском Приуралье. Рукопись.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.*, 1998. Этнокультурное взаимодействие средневекового населения Западного Урала с ближними и дальними соседями // Урал в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции. Ч.I. Екатеринбург.
- Белавин А.М., Нечаев О.А.*, 1994. Раскопки средневековых городищ в Пермском Прикамье // АО Урала и Поволжья. Йошкар-Ола. С. 11-13.
- Белавин А.М., Оборин В.А.*, 1986. Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X-XIII вв. // Волжская Булгария и Русь. Казань. С.63-75.
- Голубева Л.А.*, 1962. Археологические памятники веси на Белом Озере // СА. N3. С.52-77.
- Голубева Л.А.*, 1973. Веси и славяне на Белом Озере X-XIII вв. М. 212 с.
- Голубева Л.А.*, 1987. Веси // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М. С.52-64.
- Голубева Л.А., Кочуркина С.И.*, 1991. Белозерская веси (по материалам поселения Крутик IX-X вв.). Петрозаводск. 197 с.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова.* М.-Л. 1949. 407 с.
- Гришкина М.В.*, 1994. Удмурты: Этюды из истории IX-XIX вв. Ижевск. 167 с.
- Давлетшин Г.М.*, 1971. О географических и исторических знаниях волжских булгар до-монгольского периода // Из истории ранних булгар. Казань. С.97-101.
- Даркевич В.П.*, 1976. Художественный металл Востока. М. 199 с.
- Дубов И.В.*, 1982. Северо-восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л. 248 с.
- Дубов И.В.*, 1989. Великий Волжский путь. Л, 1989. 256 с.
- Заходер Б.Н.*, 1956. Среднеазиатско-Хорасанская география IX-X вв. о Поволжье и Восточной Европе // Уч.зап. Института востоковедения АН СССР. Т.XIV. М. С.6-30.
- Заходер Б.Н.*, 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.П. М. 212 с.
- Иванова М.Г.*, 1994. Истоки удмуртского народа. Ижевск. 1994. 192 с.
- Калинина Т.М.*, 1975. Сведения Ибн-Хаукаля о походах русов времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. М.
- Ковалевский А.П.*, 1956. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков. 347 с.
- Кочуркина С.И.*, 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X-XIII вв. Петрозаводск. 348 с.
- Крыласова Н.Б., Бочаров И.В.*, 1994. Раскопки средневековых могильников в Верхнем Прикамье // АО и Урала и Поволжья. Йошкар-Ола. С.79-83.
- Крыласова Н.Б., Бочаров И.В., Бочарова Е.О.*, 1997. Некрополь рождественского археологического комплекса // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып.1. Екатеринбург.
- Леонтьев А.Е.*, 1986. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА АН СССР. Вып.183. М. С.3-9.

- Магидович И.П., Магидович В.И.*, 1970. История открытий и исследования Европы. М. 453 с.
- Макаров Н.А.*, 1991. Лепная керамика поселения Крутик // Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX-X вв.). Петрозаводск. 1991. С.129-165.
- Матвеев А.К.*, 1961. Древнеуральская топонимия и ее происхождение // ВАУ. Вып.1. Свердловск.
- Матвеев А.К.*, 1976. Нёройки караулят Урал: путешествие в топонимию. Свердловск.
- Низами Гянджени*, 1986. Искендер-Наме // Собр. соч. Т.V. М. 1986.
- Пастушенко И.Ю.*, 1993. Торговые связи сывлинского населения с Волжской Болгарией // Тезисы докладов 1-й Российской университетско-академической научно-практической конференции, Ижевск. С.17-18.
- Пастушенко И.Ю.*, 1997. Волго-Камский торговый путь в I тыс. н.э. // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии (Материалы Международной научно-практической конференции). Березники.
- Персидско-русский словарь*. Т.П. М. 1983. 864 с.
- Пименов В.В.*, 1965. Вепсы: Очерк этнической истории и генезис культуры. М.-Л. ПСРЛ.Т.9. М. 1965.
- ПСРЛ.Т.10*. М. 1965.
- Путешествие Абу ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.). М. 1971. 136 с.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.-Л. 1939.
- Рубцов А.В.*, 1994. История археологического изучения Прикамья экспедицией Пермского пединститута // XXV Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. 1993 год: Тезисы докладов. Самара. С. 12-15.
- Смирнов А.П.* 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. Вып.28. М. 276 с.
- Талицкий М.В.*, 1941. К этногенезу коми // КСИИМК. Вып.9. М.
- Талицкий М.В.*, 1951. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. // МИА. Вып.22. М. С.33-96.
- Тизенгаузен В.*, 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.I. СПб. 563 с.
- Халиков А.Х.*, 1989. Основные этапы истории и археологии ранних болгар в Среднем Поволжье и Приуралье // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань. С 16-23.
- Хенниг Р.*, 1961. Неведомые земли. Т.П. М. 518 с.
- Хенниг Р.*, 1962. Неведомые земли. Т.Ш. М. 471 с.
- Хлебникова Т.А.*, 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. М. 240 с.
- Ястребов Е.В.*, 1970. Сведения о Приуралье и Уральских горах в описаниях арабских путешественников и географов X-XIV вв. // Уч.зап.ИГУ. N 230. Пермь. С.171-188.

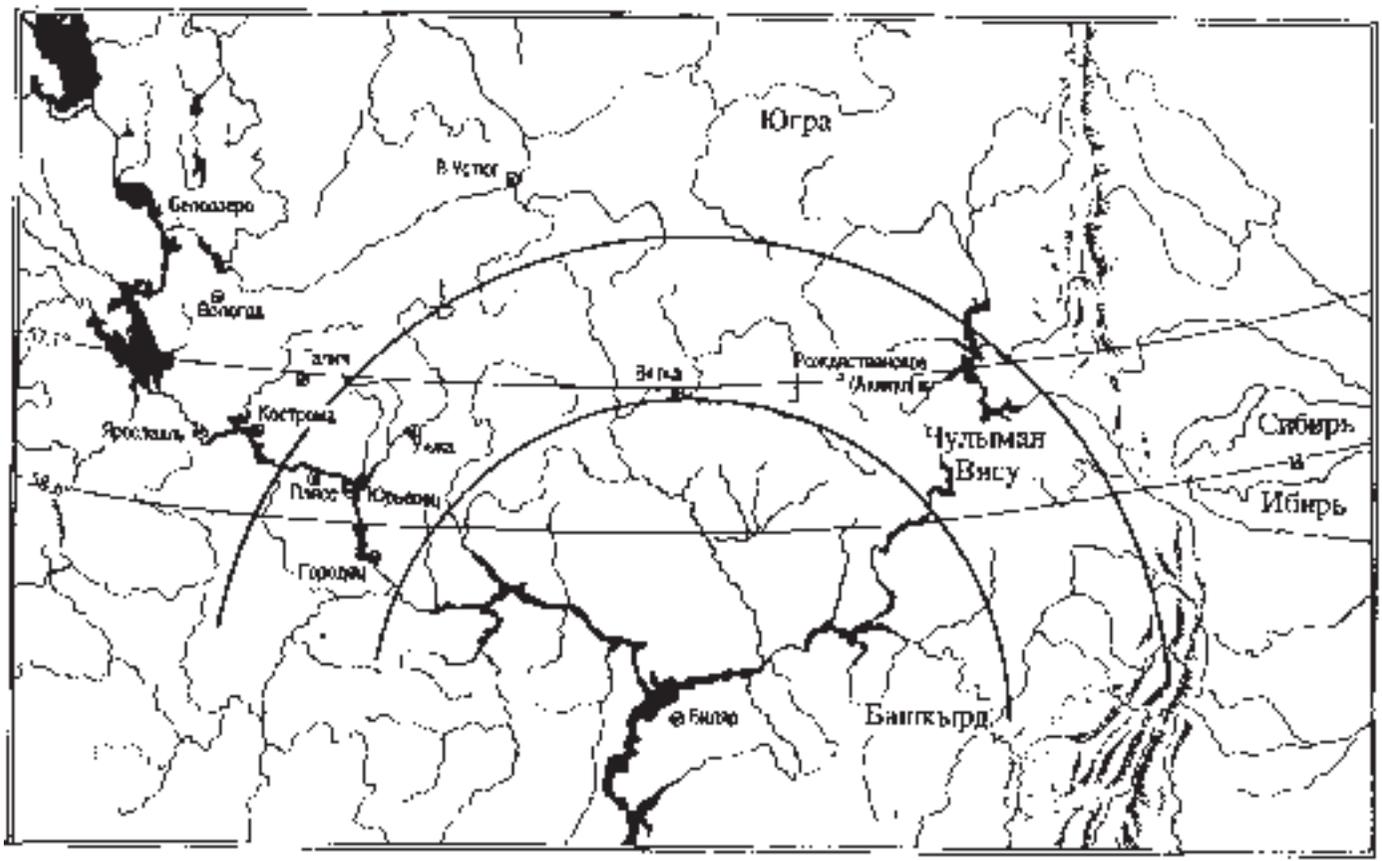

Рис. 1. Локализация страны Вису.

Козьма Куликов
**Символ коня в древнеудмуртском
мифологическом искусстве**

Древнеудмуртская мифологическая система в последние годы обратила на себя внимание многих видных исследователей, в числе которых прежде всего можно назвать профессора, доктора исторических наук В.Е. Владыкина, автора фундаментальной монографии «Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов» (Ижевск, 1994. 384 с.) и статьи «К семантике и эволюции некоторых образов удмуртской мифологии и фольклора в связи с проблемами этногенеза и этнической истории» // Проблема этногенеза удмуртов (Устинов, 1987). Доктор филологических наук Т.Г. Владыкина рассмотрела эти проблемы в монографии «Удмуртский фольклор: Проблемы жанровой эволюции и систематики. (Ижевск, 1997. 356 с.).

Одной из причин возрастания интереса к этой теме, очевидно, является то, что мифология как наука в современном мире стала вновь социально и гносеологически востребованной. Мы наблюдаем возрастание ценности старого символизма, вовсе не умирающего, а стремящегося возродиться на древних корнях, но с приобретением новых, современных форм выражения. Подсознание современного человека, по утверждению Юнга, сохраняет способность воссоздания символов, некогда находивших свое выражение в верованиях и ритуалах средневековых и даже первобытных людей. В европейском искусстве появилось даже такое, на наш взгляд, крайнее, течение «Назад к шаманизму».

Другой причиной возрастания интереса к древнеудмуртской мифологической системе, по нашему мнению, является то, что она представляет собой некую загадку, интригующую исследователей многочисленными тайнами. Одной из загадок ее является то, что она, являясь неразрывной составной частью общемировой мифологической системы, своим предметным олицетворением, изображением и смысловым выражением существенно выделяется прежде всего чрезвычайной контаминационностью, вбиранием в один образ различных, порой, казалось бы, совершенно несовместимых признаков и характеристик. Например, к коньковым подвескам чаще всего привешиваются на цепочках гусиные/лебединые лапки; птица, несущая человека под широко развернутыми крыльями, похожими на вороньи, имеет мощный орлиный клюв и гусиные/лебединые лапки; «плавающая» полуфигура серебряной лошади, щедро разукрашенная сбруей, имеет привесочку на цепочках опять же в виде двух птичьих лапок... Одним словом, что ни предмет, то полифонический символ или неразгаданная головоломка с переходами от одного образа к другому, из которого можно лице- или умозреть целое эпическое произведение, создать головокружительный увлекательный сюжет. Другая загадка - чрезвычайная, доходящая до совершенства лаконичность исполнения образов, соответствие формы и содержания.

Полифоничность или гиперобразность культовых предметов присуща любым мифологическим системам: кентавры и грифоны - в греческой и хазарской

мифологиях; чрезвычайно интересны птице- и лосечеловеки в обско-угорской мифологии и т.д. Но древнеудмуртские культовые предметы, в отличие от вышеперечисленных, имеют целую сюжетно-тематическую системность, прежде всего в силу их функционального назначения, инвариантности. Здесь мы можем наблюдать огромные коллекции, посвященные культу космических коней, быков, воздушных и водоплавающих птиц. Чрезвычайно богата коллекция, отражающая культ солнца.

Есть ряд предметов, отражающих культ медведя. Притом три уникальных предмета, с поразительной точностью похожие на мужские фаллосы, крайней плотью изображают медвежьи головы. До сих пор нам не встречались данные, доказывающие существование в удмуртской мифологии культа фаллоса, да еще в сравнительном плане с медвежьей силой, хотя фольклорные данные об этом встречаются. Но если в далекой древности предки удмуртов все же имели культ фаллоса, то, думается, что это было еще одним признаком влияния индо-иранской культуры.

Исследователь Олег Данилов (Йошкар-Ола) утверждает, что в марийской мифологии культ лося в I тыс. н.э. уже не встречается, он заменяется культом коня (См. Финно-угроведение. 2001, № 2, с. 45). Но Иднакар нам дает еще немало предметов, отражающих культ лося в У111-Х111 вв. н.э., правда, уже в основном на костяном материале. Этот феномен также требует еще своей интерпретации или разгадки.

Двуконьковые подвески привлекают непрерывный интерес отечественных исследователей, особенно волнует их проблема идентификации: определение этнической принадлежности и периода их рождения и развития. Притом некоторые ученые считают, что вышеназванные подвески имеют приднепровское происхождение (Розенфельдт Р.Л. О происхождении двуконьковых шумящих подвесок Прикамья // СА, 1972, №3, с. 353-355), другие утверждают, что они «развиваются в Прикамье самостоятельно, отражая древние местные культы, в которых антропоморфное существо и кони играли важную роль» (Голубева Л.А., Коньковые подвески Прикамья // СА. 1966, № 3, с. 96). Думается, что для доказательства второго вывода оснований намного больше, чем первого. Прежде всего, чрезвычайно богатая и разнообразная коллекция готовых изделий и заготовок к ним в чепецких средневековых памятниках бесспорно доказывает их местное происхождение. Второе: изделия готовились на протяжении четырех с лишним веков и имеют довольно широкое распространение именно на тех памятниках, которые бесспорно принадлежат древним удмуртам.

Процесс изучения системной особенности древнеудмуртской мифологии в целом и семантики чрезвычайно распространенных двуконьковых подвесок, в частности, пока находится в начальной стадии, поэтому могут быть допущены и некоторые погрешности или так называемые «приземления» образов до простой утилитарности. Доктор исторических наук, профессор Н.И. Шутова пишет: «Особыми магическими свойствами обладали металлические гребни, наделенные сакральной символикой конских голов. Несомненно, экстраутилитарные функции

гребня, в свою очередь, были вызваны их связью с женскими волосами/головой, которая заключала в себе не только разум, память, но и мощные животворные силы человека. Женщины использовали их в сложных жизненных ситуациях...» (Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001. С. 178). Но, думается, что этот взгляд страдает узостью. В древнеудмуртском мифологическом искусстве находит выражение прежде всего не утилитарность с точки зрения потребностей или качеств человека, здесь утверждается высший смысл: связь трех миров и их обитателей и место человека в этой сфере. И этой особенностью мифологическая система древних удмуртов также наиболее близка к индоиранской.

Проблему генетических связей удмуртской мифологии с индоиранской мы рассматривали уже в 1994 г. (См. Маргарита Иванова, Кузьма Куликов. Древнеудмуртская мифология и Ригведа; Покровители воды и огня. Ж-л «Луч» Ижевск, № 7 и 8, 1994 г.). С тех пор в мифологическом познании многое изменилось. Мы рискнули заглянуть поглубже, чтобы попытаться разгадать семантическую сущность творческой деятельности наших предков и издали цветной фотоальбом «Древнее искусство Удмуртии» (Ижевск, 2000. 216 с.) и книгу «Семантика символов и образов древнеудмуртского искусства» (49 с., с илл.). Вслед за нами уфимский ученый В.Г. Котов в журнале «Уфимский археологический вестник», 2000 г. № 2 опубликовал статью «Миф Вала и миф об Урал батыре: южно-уральский пласт в индоарийской мифологии».

Башкирский и удмуртский народы свой этногенез прошли в таком близком взаимовлиянии, что по степени этой близости и родства их едва ли можно сравнить с другими народами, даже с некоторыми принадлежащими к финно-угорскому этноязыковому сообществу, куда относят себя сами удмурты. Доказательством тому служат древнейшие корни мифологических воззрений и культовых обрядов, сохранившихся в археологических памятниках и бытующем до сих пор фольклоре, обрядах и т.д. Тем более археологами давно доказано, что немалая часть Башкирии, включая и территорию ее современной столицы Уфа, в древние времена была заселена финно-угорскими племенами, прежде всего предками удмуртов. Это доказывает и ныне существующая топонимика.

Близость удмуртской мифологической системы к индоиранской в наибольшей степени проявляется в культе коня. Выдающийся памятник средневековой истории удмуртов - городище-крепость Иднакар дал исследователям несколько сот уникальных предметов из серебра, бронзы, кости, изображающие коня. Едва ли другой памятник средневековой истории в этом отношении может соперничать своей коллекцией с Иднакаром. Возникает уверенность, что здесь была сосредоточена особая школа косторезного и литейного мастерства, тесно связанная, в свою очередь, с мифологической школой, воспитывающей местное население в духе особого восприятия и понимания мировоззренческих проблем, места человека в системе мироздания. Мало этого, древние творцы предметов искусства и отправители многочисленных обрядов, посвященных богам,

были искусными режиссерами и постановщиками и, возможно, «социальными заказчиками» тех или иных предметов искусства, превращающихся в амулеты-обереги или становящихся главными предметами сценического или магического воздействия. Жрецы прекрасно знали все ритуалы: добывания первородного огня (*Вьль тыл*), зажигания жертвенных костров, принесения в жертву масла, крови и частей жизненных органов забитого животного, а также молока, опьяняющего напитка (*сур*). Они заводили особую жертвенную утварь и могли ее заказывать мастерам такую, чтобы она по тотемным требованиям несла в себе сакральную символику и содержание.

То же самое, очевидно, происходило с заказами на предметы костюмного комплекса, прежде всего украшений и оберегов. Он должен был сочетать в себе, кроме эстетических качеств, многочисленные функции: прежде всего через сознание самого человека отвечать духу и желаниям богов. Только тогда он мог стать оберегом человека от злых духов, отгонять их и препятствовать им проникать в душу сквозь слабые и уязвимые места на теле. Вот почему женщины стремились украсить, вернее защитить, серебряными или бронзовыми предметами, имеющими магическую обереговую силу, самое слабое место на теле - яремную впадину, через которую якобы легче всего проникают злые силы; оградить шею, грудь, виски, лоб и уши, руки - все, к чему постоянно притрагивается очень слабое существо - ребенок и т.д. И вся предметная система оберегания подкреплялась системой религиозной поэзии, обращенной к богам в виде

посвящений, куриськонов (молитв), иногда и песен, славиц или гимнов.

Немалое, если не основное, место в религиозно-мифологической системе наших предков занимали поиски ответов на секреты мироздания. Они знали, например, что Солнце и Огонь имеют одну природу, удмурты считают огонь сыном солнца. Но огонь может появляться и из грозовой тучи, т.е. из воды. Вот почему они, как и древние индоарийцы, считали что огонь имеет три силы, три ристалища, три природы.

Возможно, вся эта идеологическая основа должна была стать основой и источником творческой фантазии древнего художника, и она стала таковой! Он сотворил чудо: изобразил Солнце в виде трехглавого коня.

Вглядитесь и восхищайтесь: как прекрасно

вырезал он эту фигуру! Какая завершенность форм, какое изящество линий! Какой уровень лаконичности и образности выражения! Могло ли родиться подобное произведение без особой школы, без глубинных традиций? А о том, что по-

добные подвески-кони были довольно распространенными среди удмуртов и отражались в их фольклоре, свидетельствует видный ученый историк, этнограф М.Г. Худяков в своем исследовании «Культ коня в Прикамье», 1933 г.

Но почему древний мастер изобразил солнце в виде трехглавого коня? Почему тут конь и солнце?

Когда мы в обыденной жизни резвого скакуна характеризуем высшим эпитетом «огненный конь», мы совсем не задумываемся над тем, что в древнейшие времена в представлениях наших предков огонь и конь имели одну основу, вернее, родственную взаимосвязь. Они верили, что боги, особенно самый любимый, самый могущественный бог Инмар (у индо-иранцев - Индра) мог приносить на жертвоприношение только на своих любимых буланных конях.

Тебя, прекрасного на вид мы
Хотим прославить, о щедрый.
Возвеличенный, выезжай сейчас вперед по своему желанию
С сиденьем колесницы, полным (добра)!
Запрягай же, Индра, пару твоих буланных коней!
(Ригведа. Мандал 1, Гимн 82, Стих 4. // Далее: РВ.1, 82, 4)

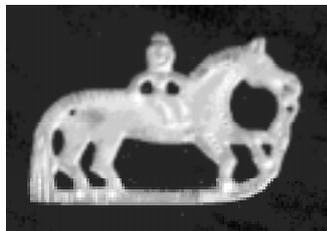
Во всех своих подвигах, перемещениях Индра использует только буланных коней. Кони буланой масти, особенно с круглыми золотистыми пятнами по телу, да со звездочкой на лбу, белыми или светложелтыми гривами и хвостами на удмуртском языке называются Торо вал - конь верховного жреца. Они особо оберегаемы, имеют высочайшую цену и верховный жрец на нем прибывал со своей свитой на главные ритуальные мероприятия. Конь был разукрашен в убранстве во всем блеске.

Послушаем, какие прекрасные слова далее произносит индо-иранский певец Ригведы великому Индре:

Да будет запряжен твой правый (конь),
А также левый, о стоумный!
На этой колеснице поезжай
К милой жене, опьяненный напитком сомы!
Запрягай же, Индра, пару твоих буланных коней!

Нет колесничего лучше тебя,
Когда о, Индра, ты правишь парой буланных коней.
Никто не достиг тебя своим величием,
Никто из не имеющих прекрасных коней.
(РВ.1.84,5,6.)

Поражает своим спокойным величием серебряная подвеска - фигура всадника на мощном коне. Под ногами коня мы видим поверженного змея. Некоторые исследователи поторопились назвать эту фигуру «Прикамской всадницей», очевидно полагая, что отверстия для привешивания подвески находятся на груди всадника и создают впечатление, что так изображены женские груди. На самом деле, думается, что здесь изображен бог, совершивший один из выдаю-

щихся подвигов. Индо-иранская мифология утверждает, что злой Змей Вритра «угнетал оба мира», запрудил реки, запрятал их в горы. И что же сделал добрый бог Индра!?

Вритра - Змей запрудил реки, стоял мрак,
мешающий основе вод,

Гора была во внутренностях Вритры,

Все, что было устроено запрудителем рек

В стремнине, Индра разбивает один за другим.

(РВ 1. 54,10)

Но подвиг Индры на этом не кончается. Он еще укрепляет вслед за этим миропорядок:

О, собравшийся с силой духа Индра, убив с помощью буланых (коней)

Вритру, создавая для человека выход водам,

Ты держал в руках железную дубину.

Ты укрепил на небе солнце, чтобы (его) видели.

(РВ. 1. 52,8).

С конями связаны Маруты - неперенные слуги и помощники Индры, живущие в грозовой туче и стреляющие огненными стрелами:

О Маруты, приезжайте на молниеносных

Колесницах, сопровождаемых напевами,

С копьями, конями - крыльями!

С самым лучшим подкреплением,

Прилетайте к нам, как птицы, о благие повелители колдовской силы!

В свое удовольствие они ездят на алых,

Золотистых конях, обгоняющих колесницы - для блеска.

Сверкает, как золотая пластинка (их колесница) с топорами.

Они прибывают землю ободом колесницы.

(РВ 1.88,1,2.)

Даже Сома, сам бог и в то же время являющийся напитком богов, тоже не может прибыть на обряд жертвоприношения без своего скакуна, поэтому исполнители гимнов обращаются к Агни:

Сожги до тла, о Агни, всех ракшасов!

Будь защитником жертвоприношений от проклятий!

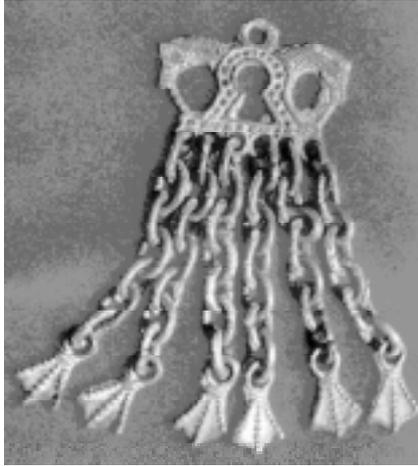
Привези затем господина сомы на двух буланых конях!

Мы приготовили прием, достойный гостя, для этого богатого дарами.

(РВ 1.76,3)

Едина природа двух видных богов: огня (Агни) и галлюциногенного напитка, придающего суперсилу, и обеспечивающего бессмертие богов - Сомы. Его любят все боги, но прежде всего Индра и Агни. Но и Агни также не может прибыть на жертвоприношение без коней:

Как только ты запряг в колесницу двоих алых, красных (коней),
 Поторапливаемых ветром, рев твой становится, как у быка.
 Затем ты овладеваешь лесными деревьями (своим пламенем)
 О Агни! Дружа с тобой, да не потерпим мы вреда!
 (РВ 1.94. 10.)

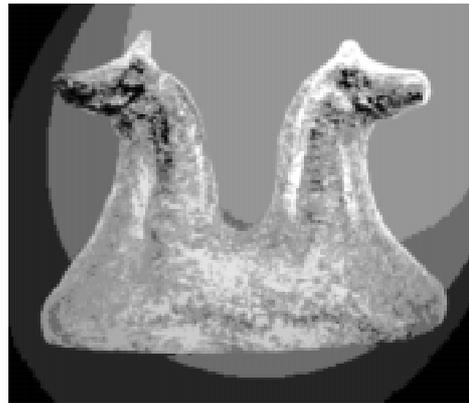
Вполне объяснимы, на наш взгляд, и другие удивительные явления в творчестве древних удмуртских мастеров: прочитав гимны и повествования об особой приверженности богов к коням, и кроме того имеющих качества летать даже со скоростью мысли, мы совершенно не должны удивляться тому, что кони богов или сами боги, изображенные древними мастерами, должны иметь крылья, что они в придачу должны быть снабжены и гусиными/лебедиными лапками. Могут они иметь и признаки изображения огня, так как все жертвоприношения, бросаемые в три жертвенных костра, никак не могли дойти самостоятель-

но до небожителей: их доставлял также Агни в образе огненных коней.

И, наконец, Ушас - прекрасная утренняя заря, приносящая счастье, тоже приходит в мир на колеснице с алыми конями:

О, Ушас, приди с благими (дарами)
 Из светлого пространства самого неба!
 Да привезут тебя алые (кони)
 К дому обладателя сомы.
 (РВ 1. 49, 1.)

Но прекрасная утренняя заря не может органически оторваться от своей вечной спутницы-сестры - вечерней зари. Они же связаны генетически. И как лучше всего изобразить их в единстве? Вот и создается обобщенный, но в то же время полифонический образ разнонаправленных головок коней, которые вершат подвески многочисленных костяных и металлических копоушек, гребни. Одним из выдающихся произведений древнеудмуртского искусства, имеющих отношение к этой тематике, является, на наш взгляд, самостоя-

тельная фигура разнонаправленных коней, сотворенная по закону трехмерного пространства, и претендующая на «микеланджеловскую» скульптуру. Там нет ничего лишнего. Идея, форма и содержание сочетаются в синкретическом и естественно развитом совершенстве. Высоко поднятые отточенные головы, гордо выгнутые шеи создают впечатление, что эта пара коней в особом восторге обозревает светлый мир и славит его беспредельную красоту.

Общий путь двух сестер, бесконечный.

По нему странствуют они одна за другой, наученные богом.

Они не ссорятся, не останавливаются, (эти) две хорошо соразмеренные

Ночь и Ушас одного духа, (но) разного вида.

(РВ 1. 113, 3.)

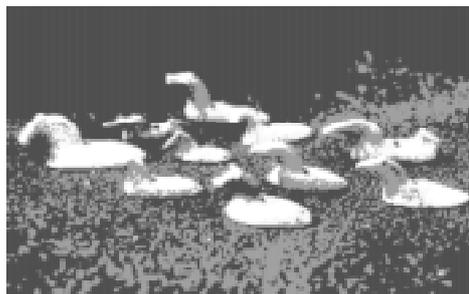

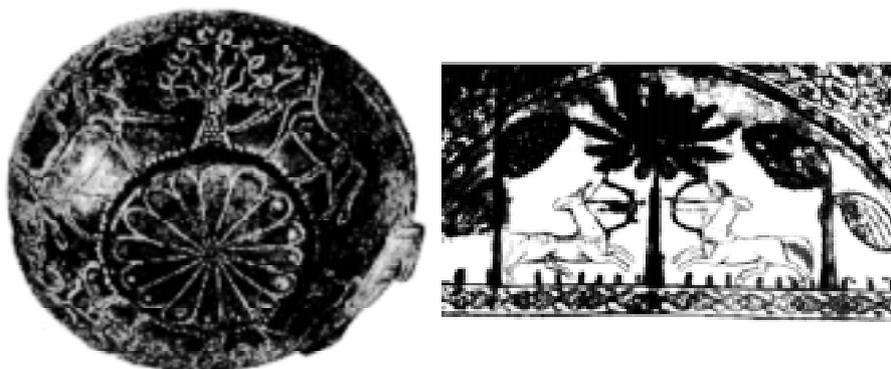
Здесь могла бы быть выражена и идея близости и неразделенности Неба и Земли, возможно это Ашвины - пара космических коней. Одним словом, что бы они не означали, в увеличенном объеме они могли бы украсить любую площадь современного города и его въездные ворота, стать прекрасной парковой скульптурой, олицетворяя собой великую связь времен и народов, генетическую преемственность культур.

Коллекция Иднакара насчитывает несколько десятков костяных конских полуфигурок, являющихся предметом украшения древних жителей независимо от их пола. Когда их ставишь на тонированное снизу темным сукном стекло, создается впечатление, что кони плывут по воде: видны

даже отражения фигур. Красочное зрелище! Одна из красивых, воспетых в песнях и легендах удмуртских рек называется Валошур. В буквальном смысле это означает «река, где живут кони» («вал» - конь, «шур» - река). В легендах повествуется, что с рассветом огненные кони выходят из воды, рассеивают туман и разгоняют темные силы, чтобы озарить белый свет теплом и радостью.

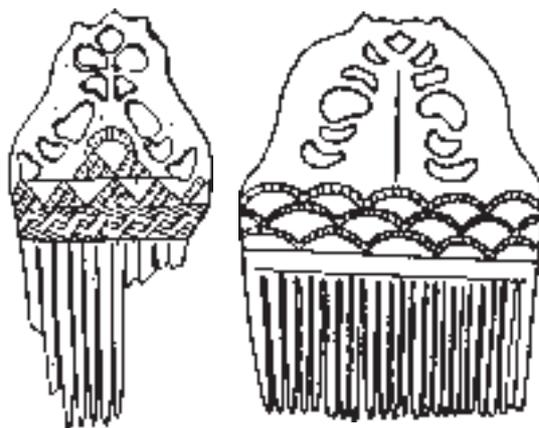
И, наконец, вершиной иллюстрации культа коня в древнеудмуртской мифологии является костяная фигура - гребень, на котором изображены два вздыбленных коня, выходящие из пучин водной стихии. Мощными копытами в экстатическом противостоянии они поддерживают Мудор Кыз - Древо жизни, Ось Земли.

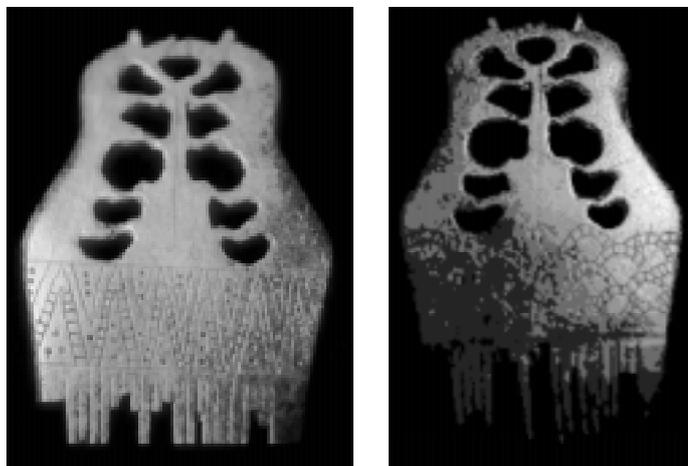

Выдающийся миф о Мировом Древе, Мировом Столпе, Древе Жизни, Оси Земли, Древе Познания известен почти всем мировым культурам. Образ основывается на космологических представлениях, зафиксированных в словесных текстах и художественных произведениях, изобразительном искусстве, создаваемых с доисторических времен. Они повествуют о том, что было время, когда мировое пространство представляло собой хаос и беспорядок. Но вот великие боги и иные могущественные существа направили свои силы на установление миропорядка. И теперь в Мироздании есть своеобразные атланты и кариатиды, поддерживающие его постоянно. Арабскими мастерами в 1160-1170 гг. во дворце короля Рожера II в Палермо создана мозаика, один фрагмент которой демонстрирует мировое дерево, поддерживаемое двумя противостоящими кентаврами, символизирующими, так же, как и само дерево, соединение неба и земли. В коллекции знаменитого Британского музея (Лондон) хранится ассирио-касситский бронзовый сосуд 13-10 вв. до н.э., роспись которого демонстрирует

мировое дерево, поддерживаемое с двух сторон мощными быками (Мифы народов Мира. Т. 1. 1980. М. С. 403). Мотив Мирового дерева, очевидно, имел распространение и среди финских народов России. В статье «Зооморфные гребни IX - X вв. О.А. Кондратьева (Краткие сообщения ИА АН СССР. Вып. 166: Средневековые древности. Издательство «Наука», М. 1981. С. 103-109) демонстрирует 14 гребней, найден-

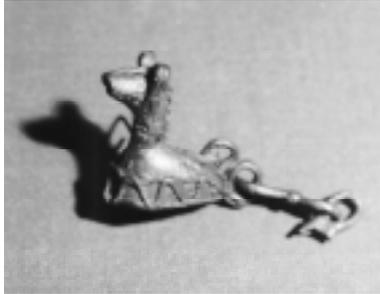

ных на Старой Ладогe, Псковском, Сарском городищах, в курганах Суздальского Ополя и др., иначе говоря, от Прикамья до реки Великая, где обитали древние финские племена. Часть из этих гребней в наверху имеет изображения коней, лосей и медведей. Один из гребней со Старой Ладоги почти схож с тем, что найден на городище Иднакар. Еще более похожий гребень найден на Соломатовском городище, принадлежащем коми-пермякам. Древнефинские племена, очевидно, имели собственное представление о Мировом древе и изображали этот выдающийся миф в той форме, которая была им наиболее близка, как по доступности материала (кость, выпиленная тонкой пилкой - лобзиком), так и мифопоэтическом аспекте.

На иднакарском гребне кони выходят из волнующейся водной стихии, возможно, из Валюшур (реки Вала) или Чепцы, протекающей у подножия горного плато, на котором располагается городище, где, по их представлениям, вполне могла проходить ось Мира, отмечающая сакральный центр. Возможно, они выходят из белопенной Камы, куда в конечном итоге впадают обе вышеназванные реки. Суть не в том. Главное то, что здесь отмечается водная природа. В то же время, нельзя не обратить внимание и на другую сторону гребня, где древний мастер также тщательно изобразил опору под ногами коней геометрическим орнаментом, наиболее распространенным среди удмуртов и олицетворяющим обработанную плодоносящую землю. Таким образом, произведение древнего мастера отражает обе основы земного мира: воду и земную твердь. Миф и реальность выступают в неразрывном единстве и взаимовосполнении.

Как уже отмечалось выше, в изобразительном искусстве иднакарцев и северочепецких удмуртов в системной целостности существует не только образ коня. Мощным пластом, также связанным с мифопоэтическим содержанием, здесь выступают образы быка, водоплавающей птицы, медведя и лося. Комплексное рассмотрение всей этой мифологической системы творчества, которая, на наш

взгляд, незаслуженно принижается отнесением ее к утвердившемуся понятию «пермский звериный стиль», наводит нас на более широкие выводы и суждения.

Изобразительное искусство несомненно является отражением уровня развития общества, его социальной и политической структуры и идеологической системы. От них зависит востребованность культуры, ее распространение в обществе, создание общепринятых и общепризнанных стереотипов. В свою очередь, культура отражается в содержании всех сторон жизни общества, включая и политическую, и государственную. Взаимовостребованность играет выда-

ющуюся прогрессивную, пассионарную роль, взаимоотчужденность - регрессивную, разрушительную. На Иднакаре (VIII - XIII вв.) был достигнут первый уровень. Создавая единую культуру и религию, общество прежде всего преодолевало племенную раздробленность и рознь, укреплялось внешне и внутренне. И если потомки древних удмуртов сегодня могут воспользоваться тем культурным наследием, которое их предки пронесли сквозь тысячелетия и донесли до нашего времени, то немалую роль, очевидно, сыграл в этом иднакарский феномен мифопоэтической культуры.

Рассматривая развитие чепецкой (иднакарской) духовно-ремесленной и мифопоэтической культуры, мы можем смело утверждать, что население, творившее ее, было на довольно высоком уровне своего общественно-политического и социально-культурного развития. Здесь твердо установились раннефеодальные отношения, утвердились признаки самостоятельной государственности (что подтверждается наличием крепости, следов военной организации и социально-иерархической структуры), которая, вопреки призывам некоторых наших реформаторов деидеологизировать общество, никогда не обходится без своей идеологической системы.

Но иднакарская мифопоэтическая и культурно-идеологическая система требует еще дальнейшего и глубокого изучения и нет сомнений в том, что она раскроет нашему народу не одну свою тайну и продемонстрирует еще не одно свое величественное достоинство.

Владимир Рогачев

Тюркские заимствования в мордовском свадебном обряде

В культуре народов Поволжья, бок о бок проживающих на протяжении длительного исторического времени, учеными обнаруживается довольно много общего.

Интересные наблюдения в конце XIX века были сделаны мордовским просветителем М.Е. Евсевьевым в селах Саранского уезда Пензенской губернии Пырма, Сабаево.

Этнограф к своему удивлению обнаружил в регионе столь отдаленном от города Казани и записал несколько мордовских песен о его строительстве: «Козонь строясьзь Казанень ошонть», «Казань ош», «Козонь Казанесь строяты?», «Вай, козонь Казань строяты?» В первой песне поется о том, как в качестве жертвы под крепостную стену Казани была заживо замурована мордовская девушка:

Под город Казань, Марья, пообещаю тебя,
Под Казанскую губернию посулю тебя.
Как ты сама, пусть такой же красивый будет город.
Как ты сама, пусть такой же пригожий будет город¹.

Во второй песне «Казань ош» рассказывается о том, как Ивака да Вельмака задумали построить город Казань:

Они строят, строят – (город) рушится,
Кладут, кладут – (Казань) разваливается².
На мирской сходке было объявлено главе семейства Василию:
Давай, старик-богатея, свою наследницу!
Город Казань требует твою дочь,
Город Яик требует Феодосию³,

которая «у родимой матери с отцом единственная дочь, она семерых братьев сестра, семи молодых снох золовка⁴. Подобный же мотив повторяется и в других песнях этого цикла.

Ученым в этих же селах были обнаружены нехарактерные для мордвы других регионов свадебные обряды. На свадьбе для проводов невесты устраивали «повозку в виде кибитки из прутьев, которая сверху покрывалась рубашками невесты и украшалась разноцветными шелковыми лентами, полотенцами, внутри кибитки вешалось зеркальце, укладывались ее украшения, личные вещи и туалетные принадлежности. Эта повозка носила не всем понятное название «он-ава», а невеста называлась «ханава», т.е. жена хана. Здесь же при передаче невесты жениху ее подруги просили выкуп – «воявор» (тюркское слово в значении «дай цену, плату»)⁵. Помимо этого, головной убор эрзянских женщин напоминал по форме колпак казанских татарок. Функционирование элементов тюркской культуры в свадебной обрядности мордвы не могло быть случайностью. И действительно в языке эрзи этого уезда обнаружился целый ряд татарско-чувашских слов: цилим

– трубка, чуваш, тилем; сюге – стерлядь, чуваш. секе, татар. чугэ; улов – покойник, татар. улук; козгалак – щавель, татар. кузгалак⁶ и т.д.

У М.Е. Евсевьева не оставалось сомнений в том, что предки жителей с. Сабаетово, Давыдово и Качелаетово Саранского уезда, а также Паррапино, Вечкенино, Волгапино Наровчатского уезда жили когда-то вблизи Казани вместе с татарами и чувашами. Дело оставалось за малым – найти документальные подтверждения этому факту проживания, причине их разделения и ухода отсюда. Это помогли сделать архивные материалы, содержащиеся в Свяжской писцовой книге 1565-1567 г.,⁷ в которой сообщается, что в Свяжском уезде мордва владела землей «допреж казанского взятия», то есть до 1552 года: «В тех же селах и в деревнях с татары и с чувашею преже сего жили мордва и та де мордва разошлася по своим старым улусам по вотчинам и по ухояям в мордву на Мокшу и по Суре, а иные де мордва и татарове и чуваша вымерли, а иные выбиты и которые места на том поле пахивали и сена кашивали не врозводе, а смесь»⁸. Евсевьев на основании документов утверждает, что «оставленные мордвою земли в 1563 были измерены и отданы в поместья боярским детям и монастырям»⁹.

Более того, оказалось, мордва вместе с татарами, чувашами проживала в деревне Нурдулатове, в поместье Казанского хана Махмед Амина, царствовавшего в Казани с 1487 по 1496 г. и во второй раз – с 1502 по 1518 год¹⁰. Последнее явилось ключом к разгадке, откуда у мордвы появился обычай употреблять на свадьбе кибитку «он-ава» и почему она названа женой хана.

По всей видимости, мордва, жившая рядом с ханским поместьем, неоднократно наблюдала пышные выезды жены хана в кибитке и перенесла этот элемент в свой свадебный обряд. «Подобно русским – пишет М.Е. Евсевьев, – которые называют во время свадьбы своих молодых «князем и княжною», и мордва стала называть невесту «он-ава», жена хана. А впоследствии, когда было уже забыто подлинное значение этого слова, она перенесла это название на кибитку, устраиваемую подобно кибитке жены хана»¹¹.

Результаты работы в архивах с писцовыми книгами дали возможность Евсевьеву понять и столь непростое происхождение песен о строительстве Казани. Оказывается «мордва жила целыми селениями близ Казани в Свяжском уезде, владела обширными полями, лесами и сенокосными лугами»¹². Отсюда уже проще было понять и то, какое отношение имела мордва к Казани. Евсевьев пишет: «Ввиду того, что стены Казани, как это видно из истории, не один раз разрушались русскими войсками, то возможно, что в восстановлении их принимала участие и мордва, жившая тогда близко к Казани, а затем по уходе отсюда, в воспоминании об этом она сложила песни о построении Казани»¹³.

Длительное совместное проживание мордвы и татар в Поволжье привело к значительному этнокультурному взаимодействию. Так в свадебном обряде мордвы термин «покш куда» – старший поезжанин произошел от татарск. «куда» сравн. татар.: «кода», чуваш. «хыда» в знач. сват. «Обряды с участием башкоды в ми-

шарской и мордовских свадьбах, – пишет исследователь М.М. Акашкин, – имеют много общего, к примеру, башкода должен садиться только под матицу»¹⁴.

Необходимо отметить существование единых ритуально-обрядовых блюд на свадьбе мордвы и татар, которыми являются пшенная каша и пшенные блины.¹⁵ Термин, характеризующий отношения молодых людей в предсвадебный период – алуж – в знач. любимый, любимая также заимствован из тюркского языка. Таковы и слова дугай, туган – в значении младший брат, тётмак – в значении ребенок 3-7 лет, акля – золовка, ст. сестра мужа, балдыз – свояченица и др.

Материалы, приведенные нами, дают представление о тесных контактах народов Поволжья, отразившихся в материальной и духовной культуре, обрядах и традициях мордвы и татар.

Примечания:

- ¹ М.Е. Евсевьев. Избран. труды. В 5 т. – Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1961. Т.1. С.77-88.
- ² Там же. С.97.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ М.Е. Евсевьев. Мордва Татреспублики. Избран. труды. В 5 т. – Саранск, 1966. Т.5. С.387.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда (1565-1567 гг.). – Казань, 1909. – С.53-124.
- ⁸ Там же. С. 110.
- ⁹ М.Ф. Жиганов. М.Е. Евсевьев – историк родного края. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. – С.74.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ М.Е. Евсевьев. Мордва Татреспублики. Избран. труды. В 5 т. – Саранск, 1966. Т.5. – С.390-391.
- ¹² Там же. С.391.
- ¹³ Там же. С.392.
- ¹⁴ М.М. Акашкин. Свадебные обряды, песни татар-мишарей и мордвы (Сравнительный анализ). Автореф. ... канд. филол. наук. – Казань, 2000. – С.9.
- ¹⁵ Там же. С.11.

Терентий Харамзин

Природно-ресурсный потенциал

Ханты-Мансийского автономного округа

В недрах ХМАО находятся все известные минеральные ресурсы таблицы Д.И.-Менделеева. Углеводородные ресурсы, каковыми являются нефть и газ, интенсивно разрабатываются и эксплуатируются, обеспечивая экономическое и социальное благополучие не только жителей округа, но и всех россиян. Несмотря на расширение сферы топливно-энергетического комплекса, округ располагает на сегодня ещё достаточными природно-биологическими ресурсами для развития традиционных отраслей и промыслов коренных малочисленных народов Севера.

Существуют различные методики для определения потенциальной (биологической) и хозяйственной (промысловой) продуктивности различных биоресурсов: рыб, зверей, дичи, ягод, орехов, грибов, лекарственно-технического сырья. Используя совокупность различных методик можно получить комплексную оценку разнообразия биоресурсов на единицу площади исследуемой территории.

Основой развития оленеводства являются олени пастбища, а научной базой использования пастбищ – их оленеёмкость. Работы по землеустройству оленеводческих хозяйств основываются на объективном учёте природных и производственных предпосылок развития оленеводства и, в первую очередь, на учёте кормовых ресурсов. Методика этих работ впервые была разработана в СССР В.Н.Андреевым в 1940 году¹. В процессе применения она непрерывно совершенствовалась и проверялась в практической деятельности больших коллективов специалистов в различных районах Крайнего Севера. Эта методика, в основном, применяется и в настоящее время. По Ханты-Мансийскому округу проектная оленеёмкость пастбищ превышает сто тысяч голов оленей.

Между тем, оленье стадо округа из года в год уменьшается. Численность поголовья оленей на 1 января 2000 года в общественном секторе (совхозы «Саранпаульский» и «Казымский») уменьшилась до 13793 голов, что в 4,3 раза ниже, чем 30 лет назад. Уменьшилось поголовье оленей и в частном секторе. Сегодня у населения насчитывается 11259 голов оленей. Только за 1999 год поголовье оленей у населения уменьшилось на 1516 голов, в том числе, в Сургутском, Березовском и Нижневартовском районах, соответственно, на 988, 921 и 105 голов². Из ресурсов животного происхождения промысловое значение в округе имеют: соболь, куница, лисица, красная, белка, ондатра, заяц, горноста́й, колонок, песец, норка и др. Из-за низких закупочных цен шкурки этих промысловых животных и зверей большого товарного значения не имеют.

Вылов рыбы в 1999 году составил 5,4 тысячи тонн или 33,0 % от среднегодового улова в первой половине 1960-х годов. По оценкам специалистов Обь-Тазовского отделения СибрыбНИИ проект в водоёмах Ханты-Мансийского округа рыбы может вылавливаться в 1,5-2,0 раза больше, чем сегодня³.

В округе велики запасы лесных ресурсов: 62,3% запасов древесины спелых и перестойных насаждений области сосредоточены в нашем округе, 71,6% от общих составляют наиболее ценные хвойные породы деревьев: лиственница, сосна, кедр, ель, пихта.

Тюменской лесной опытной станцией Всероссийского научно-исследовательского института лесоводства и механизации лесного хозяйства произведён расчёт возможных объёмов заготовки недревесной продукции леса. По их оценкам, на территории округа ежегодно можно заготавливать 313800 тонн древесной зелени, 84 тонны сосновых почек, 131 тонну берёзовых почек, 225 тонн гриба чагу, 10299 тонн живицы, 5639 тонн дёгтя, 624 тонны ивового корья, 30420 тонн барраса, 67200 тонн пневого осмола.

По наиболее ценным дикорастущим продуктам пищевого назначения среднегодовой сбор может составить по ягодам (брусника, клюква, черника, голубика, морошка, смородина красная и чёрная, черёмуха, рябина, шиповник, малина) – 73970 тонн, по грибам – 37886 тонн, орехам – 48004 тонны, берёзовому соку – 45120 тонн. Однако по годам эти объёмные показатели сильно колеблются в зависимости от урожайности. Например, урожай кедровых орехов повторяются не раньше чем через три-шесть лет. Поэтому при организации заготовки пищевых продуктов леса необходимо уделять внимание прогнозам урожайности каждого представляющего хозяйственный интерес вида растений.

В отличие от нефти и газа, ресурсы которых ограничены, возобновимые биоресурсы, при хозяйском их использовании, могут служить человечеству бесконечно долго.

Институтом экономики УрО РАН совместно с научно-исследовательским институтом обско-угорских народов разработана программа устойчивого социально-экономического развития малочисленных народов Севера ХМАО на период 2001-2010 годы.

У народов ханты и манси концепцией устойчивого развития экономики традиционных видов хозяйственной деятельности является такое правило, которое позволяет ежегодно брать у природы такое количество природно-биологических ресурсов, которое не наносит ущерба окружающей природной среде, не нарушает экологического равновесия, брать у природы ровно столько, сколько хватит прокормить свою семью и не больше, чтобы не подорвать базу расширенного воспроизводства того или иного природно-биологического ресурса, то есть вести заготовки продукции традиционных видов хозяйственной деятельности (оленоводства, охотпромысла, рыбодобычи, дикоросов) по строго научно-обоснованным нормам научных учреждений, занимающихся проблемами воспроизводства природно-биологических ресурсов.

В программе ставятся задачи на ближайшие десять лет – создание материально-технической базы, обустройство родовых угодий и общин, создание холодильных и морозильных ёмкостей на местах промысла, мини-цехов и мини-заводов по переработке рыбы, ягод, строительство жилья, дорог, обеспечение

энергоснабжения, транспорта, связи членов родовых угодий. Создать условия для длительного хранения конкурентноспособной продукции для реализации на внутреннем и внешнем рынках. Всё это потребует увеличения инвестирования за счёт средств Северного фонда ежегодно в объёме 600 млн.руб.

Примечания:

- ¹ Северное оленеводство. Под редакцией В.А.Забродина. Москва, Колос, 1979. С.143.
- ² Сведения о развитии домашнего оленеводства ХМАО за 1999 г. Комитет государственной статистики Правительства ХМАО, 2000 г.
- ³ Программа устойчивого социально-экономического развития малочисленных народов Севера ХМАО на период 2001-2010 годы. Под редакцией В.П.Пахомова. Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2000 г, 127с.

Социально-экономические инновации в традиционной культуре обских угров

Существование в хозяйственной культуре обских угров каких-либо организационных форм хозяйства в досоветский период не зафиксировано. Правда, есть упоминание об артельной форме хозяйства. Так, А.А. Дунин-Горкавич пишет, что «остяки редко промышляли артельно, так как длина их невода не превышала 50-70 сажень»¹. Таким образом, артельная форма хозяйства если и существовала, то только в летний период и только на неводном или варовом лове.

Основной формой хозяйствования было единоличное хозяйство, а общим было лишь общинное пользование промысловыми угодьями представителей одного рода, состоявших, как правило, из нескольких семей и живших в бассейне какой-либо реки. Причем, общинное пользование угодьями отнюдь не означало хорошо спланированную и организованную хозяйственную структуру, а скорее всего речь шла лишь о местонахождении того или иного рода для облегчения учета сбора ясачного налога. По сведениям А.В. Головнева, в 1629 году в волости Казым числилось 119 плательщиков ясака, в 1642 г. – 147, в 1680 г. – 209 индивидуальных хозяйств с населением 380, 590 и 669 человек².

Кроме того, А.В. Головнев³ пишет о наличии у обских угров хозяйственных комплексов и хозяйственных объединений. Но в данном случае речь идет не о формах хозяйства, а о совокупности занятий и отраслей, которыми занимались аборигены в зависимости от размещения природно-биологических ресурсов.

Как бы застывшая на протяжении нескольких веков хозяйственная культура народов ханты и манси стала заметно меняться в советский период. В период коллективизации бывшие рыбаки, охотники и оленеводы были отлучены от средств производства, у них отобрали промысловые угодья, олени пастбища, оленей, хозяйственный инвентарь и всё передали вновь образованным коллективным хозяйствам. Колхозы или рыболовецкие артели оказались самыми долговечными и существовали весь советский период до этапа перехода России к рыночным отношениям. На начало 1992 года в Ханты-Мансийском автономном округе было

12 рыболовецких артелей, которые позднее, наравне с совхозами, рыбокомбинациями, рыбозаводами, коопзверпромхозами, госпромхозами канули в историю. На их базе были созданы различные общества, товарищества, компании, фирмы, многие из которых не оказались подготовленными работать в новых экономических условиях, распались или находятся в стадии банкротства. Если народы ханты и манси до вхождения в рыночные отношения были достаточно самообеспеченными, то с этого времени впадают в жалкое нищенское существование. Производство традиционной продукции не окупает вкладываемых средств. И если сегодня обские угры по-прежнему занимаются традиционными промыслами, то это они делают исключительно для самосохранения и самовывживания.

Как изменилась традиционная хозяйственная культура обских угров за два последних века, можно видеть из следующей таблицы:

В прошлом, начале XIX века	В конце XX века
Рыболовные сети изготавливали из кедровых или крапивных волокон, плели «гимги», «морды» – деревянные орудия лова	Покупные капроновые сети, невода. Приобретение сетеснастных материалов (кукол, ниток) и изготовление в специальных сетепосадочных мастерских необходимых орудий лова
Охотничьи ловушки были деревянными. Перевесы (сеть для уток) изготавливали из крапивных волокон	Капканы, ружья, винтовки, боеприпасы приобретаются в специальных охотничьих магазинах
Из древесины строили жильё, необходимые производственные постройки, делали лыжи, оленьи и собачьи нарты, сани, лодки нескольких видов, корыта и дышла, детские качели (подвески), деревянные ножны, посуду, разливательные ложки, корыта, стрелы, музыкальные инструменты «лебедь», нарсьюх, домру	Многое утрачивается, заменяется на промышленные изделия
Корни деревьев, береста. Из корней деревьев плели круглые и четырёхугольные плотные и прочные корзины с крышками, из бересты – узорчатые коробки и коробочки различных величин. Береста также употреблялась как материал для стен в летних юртах, для изготовления посуды и как твёрдая подкладка под ткань воротника	Утрачивается
Клей изготавливали из плавного пузыря осетра, стерляди, из глаз чебака и карася, из чешуи чебака и шуки, из икры шуки, из рогов оленя самца. Клей использовался для скрепления частей лука, музыкальных инструментов, наклеивания подволоки на лыжи	Утрачено, используется промышленный клей

Одежду, обувь, ремни изготавливали из шкур животных. Из новых шкур оленя, белки, зайца, птиц (гагары) делали верхнюю мужскую и женскую одежду (малицы, гусь, ягушки, шапки), нужные вещи (сумки, мешки, рукавицы). Из старых шкур изготавливали бельё	Одежду, обувь приобретают в магазинах, традиционную верхнюю мужскую и женскую одежду, обувь носят в основном оленеводы, надевают на праздники
Иголки изготавливали из костей рога лосиного, оленьего, коровьего, задней кости задней ноги белки, задней ноги оленя, нитки делали из сухожилий оленя и лося	Утрачено, сухожильные нитки ещё изготавливают чумработницы, работающие в оленеводстве
Ткацкое дело. Для тканья пряжу изготавливали из оленьих и лосиных сухожилий, крапивы, конопли, льна. Из зверобойника, ситника, камыша изготавливали циновки, употребляемые для подстилки на постели	Утрачено
Кузнечное ремесло. Изготавливали ножи, рубанки, стамески, тёсла, скобели, свёрла, железные наконечники для стрел; расплавляли свинец и олово. Из свинца делали пули, а из олова рыболовные крючки, украшения для женского платья, рукоятки ножа	Утрачено
Жильё. Жили в землянках, полуземлянках, деревянных домах с двухскатной крышей без потолка, с чувалом, передвижным жилищем являлся берестяной чум	Утрачено
Транспорт и связь: олени, лошади, собаки, летом на лодках	Шлюпки с моторами, снегоходы «Буран», для деловых контактов используются все виды современного транспорта и связи
Кухня: свежедобытое, свежемороженное мясо, рыба, соленая, вяленая рыба, ягоды, орехи, варенья	Национальная кухня, для ведущих традиционный образ жизни, в основном сохраняется
Традиционный уклад и образ жизни в целях самообеспечения, жизнеобеспечения, достойной жизни	Утрачивается традиционный уклад и образ жизни, обские угры втягиваются в пьянство, теряют человеческое достоинство, теряется не только материальная, но и духовная культура (язык, традиции, обычаи, верования)

Внедрение в жизнь обских угров новых организационных форм хозяйства в виде рыболовецких артелей, оленеводческих совхозов, госпромхозов, коопз-верпромхозов, рыбозаводов, рыбокомбинатов, централизация управления и производства вызвало отток населения со стойбищ, малых населённых пунктов в крупные посёлки, привело к появлению «неперспективных деревень», вынужденных бездомных, безработных.

В 30-е годы строятся культбазы в посёлках Казым и Сосьва. Детей ханты и манси отнимали от своих родителей и свозили с близлежащих стойбищ в новые школы-интернаты. За 10 лет учёбы в русской школе дети напрочь забывали свою культуру, язык, промыслы. По окончании школы они не умели пасти оленей, ловить рыбу, промыслять зверя. Но они, как правило не имели и перспектив дальнейшей учёбы и работы, по сути дела, становились ненужными как своему народу, так и обществу.

В те времена были в среде обских угров сильные, смелые, мужественные люди, которые пытались противостоять новым хозяйственным и культурным процессам, но их причисляли к разряду кулаков и шаманов (возмутителей порядка) и под этим предлогом их уничтожали физически. Известна трагедия участников так именуемого в народе казымского восстания, когда большинство взрослого мужского населения бассейна реки Казым было репрессировано и ликвидировано физически.

Народы ханты и манси в целом восторженно встретили первопроходцев, первооткрывателей, первостроителей нефтегазового освоения, наивно полагая, что нефть и газ принесут нашим народам не только тепло и свет, но и благополучие в жизни. Но и здесь надежды оказались глубоко обманутыми. Оказались погубленными, залитыми нефтью, выведенными из оборота десятки, сотни промысловых угодий, рыбохозяйственных водоёмов. За эти годы в несколько раз сократились уловы рыбы, добыча промысловой пушнины, заготовки орехов, грибов, лектесырья, поголовье оленей.

Из недр Ханты-Мансийского автономного округа добыто 7 млрд. куб. м. нефти. А жизнь народа ханты и манси за этот период не улучшилась, а ухудшилась. Если ещё в 80-е годы всё аборигенное население было трудоустроено, получало ежемесячную зарплату, то сегодня каждый второй трудоспособного возраста – безработный. Средняя зарплата рыбака, охотника, оленевода составляет около 1 тысячи рублей, при среднеокружной 4,5 тыс.руб.

Традиционная культура обских угров в целом консервативно относится ко всему новому, прогрессивному. Такое отношение способствует сохранению самобытной национальной культуры и в этом залог выживания и возрождения наших народов в новых исторических условиях.

Примечания:

¹ А.А.Дунин-Горкавич. Тобольский Север. Том I. Москва. Изд-во Либерия, 1995. с.225.

² Касум ех. Под редакцией А.В.Головнёва. ПО Исеть Шадринск, 1993. с.5.

³ А.В.Головнёв. Говорящие культуры. Екатеринбург. 1995. с.46.

Валерий Войтович
**Правовое положение Удмуртской АССР по
конституционному законодательству 1977 – 1978 годов**

Политические и социально-экономические изменения, происшедшие в СССР за 40 лет после принятия предыдущей Конституции требовали обновления всего советского законодательства. Главную суть этих изменений достаточно объективно выразили Ю.С. Кукушкин и И.О. Чистяков, и с этими выводами автор вполне согласен. Они заключались в следующем: во-первых, вместо основ социалистической экономики, заложенных в 30-е годы, Советский Союз к середине 70-х годов уже имел зрелую, технически оснащенную и основанную на безраздельном господстве социалистической собственности систему хозяйства как в городе, так и в деревне; во-вторых, при сохранении ведущей роли рабочего класса в СССР произошел глубокий процесс сближения всех классов и социальных групп, возросла социальная однородность общества. Активно шел процесс стирания различий между физическим и умственным трудом, между условиями труда в городе и в сельской местности. На базе общих целей и идеалов из более чем ста наций и народностей, населяющих страну, сложилась новая историческая общность людей – советский народ; в-третьих, советское общество сделало большой шаг вперед в области культурного развития. Союз ССР стал страной сплошной грамотности, а две трети занятого населения имели высшее и среднее образование; в-четвертых, за минувшие годы получила развитие советская социалистическая демократия: почти каждый взрослый человек в той или иной форме участвовал в управлении делами своего государства и общества через советы (2,3 млн. депутатов и 30 млн. активистов), профсоюзы (более 125 млн. членов), союз молодежи (около 40 млн.) и другие общественные организации.¹

Таким образом, с изменением основных элементов общественного устройства, уже в 60-х годах встал вопрос о разработке новой Советской Конституции. Необходимость разработки которой была обоснована на XXII съезде КПСС (1961 г.). В последующем, основой ее проекта стали решения XXIV(1971 г.) и XXV (1976 г.) съездов партии, майского, октябрьского и декабрьского (1972 г.) Пленумов ЦК партии о возникновении новой социальной и интернациональной общности людей – советского народа и перерастание Советского государства, созданного как государство диктатуры пролетариата, в общенародное социалистическое государство. Собственно это и нашло отражение в конституционном законодательстве страны.

Вслед за принятием, 7 октября 1977 г., Конституции СССР наступил новый этап – работа над проектами и принятие Конституций союзных, а затем и автономных республик. Весной 1978 г. состоялись внеочередные сессии Верховных Советов союзных и автономных республик, на которых были утверждены их новые конституции. Конституции автономных республик 1978 г. развивали, дополняли и уточняли положения Конституций СССР и РСФСР. Если Основной Закон СССР устанавливал

ливал основы правового положения автономных республик и общие принципы построения и деятельности ее органов власти и управления, то Конституции автономных республик подробно определяли их правовое положение, очерчивали объем компетенции, регламентировали порядок и формы деятельности Верховных Советов и их Президиумов, а также Советов Министров АССР.

27 июня 1977 г. на шестой сессии Верховного Совета Удмуртской АССР девятого созыва была создана полномочная комиссия в составе 38 человек по подготовке проекта Конституции УАССР. В нее входили опытные партийные и советские работники, а также представители всех слоев трудящихся.² В работе комиссии использовался опыт конституционных комиссий по выработке проекта Конституции СССР и РСФСР. Для разработки и рассмотрения положений Конституции Удмуртской АССР широко привлекались ученые, специалисты различных отраслей народного хозяйства, работники государственных органов, общественных организаций и трудовых коллективов. Значительный вклад в подготовку проекта Конституции УАССР внесла рабочая группа комиссии, в состав которой вошли отдельные ведущие ученые высших учебных заведений, юристы, работники аппарата обкома партии и Президиума Верховного Совета Автономной республики.

12 мая 1978 г. проект новой Конституции был рассмотрен на заседании конституционной комиссии. Комиссия в основном одобрила проект Конституции (проект Основного Закона) Удмуртской АССР и приняла решение выйти с ходатайством в Президиум Верховного Совета УАССР для решения вопроса о вынесении его на всенародное обсуждение.³ 16 мая 1978 г., по решению Президиума Верховного Совета УАССР, проект был опубликован в республиканских газетах Автономной республики на удмуртском и русском языках.⁴ Обсуждение его проходило во всех трудовых коллективах. Так, в трудовых коллективах и по месту жительства было проведено 11258 собраний трудящихся. В них принимало участие 811.5 тыс. человек, то есть почти все взрослое население республики.⁵ Большую работу по пропаганде и разъяснению проекта новой Конституции проводили лекторы, политинформаторы, агитаторы, печать, радио и телевидение. В этой важной политической компании государственные и общественные органы автономной республики, представители организаций и общественности умело использовали опыт, накопленный в ходе всенародного обсуждения проектов Конституции СССР и союзных республик.

29 мая 1978 г. состоялось очередное заседание Конституционной комиссии, которая рассмотрела проект новой Конституции УАССР с учетом предложений и поправок, поступивших в ходе его всенародного обсуждения в республике. Комиссией было отмечено, что трудящиеся автономной республики сумели за годы Советской власти достичь определенных высот в развитии экономики и культуры, закрепив и провозгласив их в Основном Законе своей жизни, отвечающем задачам и потребностям общества в своей Конституции.⁶

Две недели продолжалось всенародное обсуждение проекта новой Конституции Удмуртской АССР. В своих выступлениях трудящиеся единодушно подчеркивали, что принятие новой Конституции УАССР – одно из самых важных поли-

тических событий в жизни республики, роста экономики и социального прогресса. Так, рабочая Сарапульского завода им. Дзержинского С.А. Якимова во время обсуждения Конституции УАССР сказала: «Хочется высказать слова благодарности Советскому правительству за заботу о нас. Я мать двоих детей, выросли они в заводском детском саду. Летом часто отдыхали в подшефном пионерском лагере, получили среднее образование. И я счастлива, что над нами боле 30-и лет сияет мирное небо, что нет страха за будущее. Прекрасно жить в стране, где забота о человеке является основой всей политики». ⁷ На конкретном примере достижений Удмуртской республики в социально-экономическом и культурном развитии выступавшие раскрывали значение национальной политики Советского правительства, его многогранную деятельность на благо народа, которые подкреплялись положениями проекта Конституции. В тоже время трудящиеся вносили конкретные предложения и критические замечания, которые касались улучшения деятельности советских и хозяйственных органов, предприятий, организаций и учреждений. Часть их была посвящена вопросам совершенствования законодательства, укрепления трудовой дисциплины, борьбе с антиобщественными проявлениями, укреплению законности. ⁸ Все эти замечания и предложения, направленные на устранение имеющихся недостатков, были рассмотрены и по большинству из них приняты соответствующие меры.

Новая Конституция УАССР была принята 31 мая 1978 г. внеочередной девятой сессией Верховного Совета Удмуртской АССР девятого созыва в столице Удмуртии г. Ижевске. ⁹ В отличие от предыдущих Основных Законов АССР, Конституция Удмуртской автономной республики 1978 г. (как и Конституции других АССР) была принята высшим органом государственной власти автономной республики в окончательной форме, поскольку новое конституционное законодательство Союза ССР и союзных республик отказалось от утверждения Конституций АССР Верховным Советом союзных республик. Последние лишь приняли к сведению на заседаниях своих Президиумов, что Верховным Советом автономных республик утверждены новые Конституции АССР, которые соответствуют Конституции СССР и Конституции союзной республики и учитывают особенности каждой автономной республики. ¹⁰ Следует отметить, что советское конституционное законодательство, включая конституции АССР, не предусматривало возможность принятия конституции и внесения в них изменений путем референдума.

Раздел конституции СССР 1977 г. «Национально-государственное устройство СССР» впервые, почти после 60-и лет, определил правовой статус не только союзной республики, но и автономной. ¹¹ Признавая, что автономная республика является субъектом и составной частью РСФСР, Конституция СССР в то же время закрепила принципы унитарного государства, не определив полномочия совместного ведения центральных государственных органов власти и органов государственной власти автономной республики. Узаконивалась строгая вертикаль власти, как в системе советов, так и в системе исполнительных орга-

нов. Подтверждением этому явилось то, что Совет Министров АССР наделялся правом отмены решений и распоряжений исполнительных комитетов местных Советов, актов министерств, государственных комитетов республики и других подведомственных ему органов.

Анализируя предшествующие Конституции СССР, необходимо отметить, что Основной Закон СССР 1977 г. значительно расширил правовые рамки автономии. Впервые в истории конституционного законодательства нашего государства специальные главы посвящались правовому положению автономной республики, автономной области и автономного округа, что играло важную роль в дальнейшем развитии и совершенствовании социалистической государственности. Новые положения Конституции СССР закрепляли сочетание общих интересов СССР, союзной и автономной республики (ст.82), в том числе РСФСР, в состав которой входила Удмуртская АССР. Таким образом, без учета интересов УАССР (как и других АССР) не решались общесоюзные дела. В новой конституции Удмуртской АССР определялось правовое положение автономной республики и впервые конституционно закреплялось право участвовать в решении вопросов, отнесенных к ведению СССР и РСФСР.

Конституция СССР предоставила автономным республикам право законодательной инициативы в Верховном Совете Союзной республики. В ст. 83 Конституции СССР, 79 – РСФСР и в ст. 66 Конституции Удмуртской АССР констатировалось, что автономная республика в пределах своей компетенции наделена полномочиями по контролю и координации деятельности предприятий, учреждений союзного и республиканского подчинения. Территория автономной республики не могла быть изменена без ее согласия (ст. 84). Одновременно Конституция РСФСР 1978 г. подчеркивала особое положение автономной республики (ст.71), при этом статьей 78 закреплялось, что автономная республика является Советским Социалистическим государством и находится в составе РСФСР. Глава восьмая Конституции РСФСР посвященная автономной республике, определяя ее правовой статус, почти полностью, воспроизводила основные положения Конституции СССР, за исключением первого абзаца (ст. 78). Так как автономная республика входила в состав РСФСР, которая являлась субъектом Союза ССР, то федеральные законы обладали приоритетом на всей территории страны (ст.81).

Конституции СССР, РСФСР, УАССР устанавливали основные принципы взаимоотношений между Удмуртской автономной республикой и Российской Федерацией. Это, во – первых, выражалось в том, что Конституция СССР устанавливала общие правовые основы АССР, систему их высших органов государственной власти – Верховный Совет АССР и его Президиума, а Конституции РСФСР и Удмуртской АССР уточняли, детализировали эту систему.

Проводя анализ статей конституций РСФСР и автономных республик можно уверенно сказать, что пятьдесят статей в Конституциях АССР дублируя друг друга полностью воспроизводят соответствующие статьи Конституции РСФСР,

остальные же либо конкретизировали ее нормы применительно к особенностям АССР, либо были вызваны местными условиями и регулировали общественные отношения, присущие только автономным республикам.

В отличие от края (области) во взаимоотношениях союзной республики с АССР наблюдались элементы федеративных связей. Автономные республики являлись субъектами федеративной формы устройства государства, основанной на автономии. Эту отличительную черту, в частности, подчеркивает ст. 125 Конституции РСФСР о полномочиях Совета Министров РСФСР: «Осуществляет руководство и деятельностью исполнительных комитетов местных Советов народных депутатов», а работу Совета Министров автономных республик «направляет и проверяет».

Характерно в этом отношении и указание ст. 128 Конституции РСФСР, где отмечено следующее: «Совет Министров РСФСР в пределах своей компетенции имеет право приостанавливать исполнение постановлений и распоряжений Совета Министров автономной республики, а также отменять решения и распоряжения исполнительных комитетов краевых, областных, городских (городов республиканского подчинения) Советов народных депутатов и исполнительных комитетов Советов народных депутатов автономной области».

Во-вторых, РСФСР определяла порядок организации и деятельности органов государственной власти и управления Удмуртской АССР. В отличие от союзной конституции, Конституция РСФСР содержала раздел о высших органах государственной власти и управления автономной республики – Верховный Совет и Совет Министров. Верховный Совет определялся как единственный законодательный орган на территории автономной республики, за ним закреплялось право законодательной инициативы в Верховный Совет РСФСР. Конституция РСФСР закрепляла основные полномочия, а также исключительную компетенцию высших органов государственной власти и управления автономной республики. Верховный Совет АССР впервые наделялся правом окончательного принятия Конституции республики.

В-третьих, Конституция РСФСР определяла основы полномочий высших органов власти и управления АССР, а Конституция Удмуртской АССР более подробно регламентировала эти полномочия, фиксировала круг вопросов, определяющих содержание полномочий республики.

В-четвертых, Удмуртская АССР, как и все другие автономные республики, не обладала суверенной государственной властью, таким образом, она не имела права вступать в отношения с иностранными государствами; участвовать в деятельности международных отношений; не располагала правом принимать в гражданство республики; не имела своих государственных символов – государственного герба и государственного флага; её власть не обладала верховенством. В этом плане нельзя согласиться с мнением Ш.Ш. Ягудина о том, что государственная власть АССР является верховной в решении вопросов, связанных с осуществлением национального и народного суверенитета.¹²

Автономная республика, обладая определенной самостоятельностью, в то же время не являлась независимым государством, подчинялась власти Союза ССР и союзной республики, в состав которой она входила. Таким образом, такое подчинение, - утверждает Р.М. Дзидзоев (и с этим нельзя не согласиться), - является необходимым связующим звеном федеративного единства. Причем, если связь подчинения, существующая между союзной и автономной республиками, всегда носила прямой характер, то аналогичная связь между Союзом ССР и автономными республиками в большинстве случаев опосредовалась деятельностью союзной республики, которая воздействовала на АССР, проводя в жизнь решения высших органов власти и управления СССР на своей территории, включающей территории автономных республик.¹³

В то же время, необходимо отметить, были приняты меры по повышению статуса и роли автономной республики, особенно в решении хозяйственных, социально-культурных и государственных вопросов. Принятая в соответствии с новой Конституцией СССР и РСФСР, Конституция Удмуртской АССР 1978 г. отражала успехи республики в социально-культурном строительстве; подтверждала её государственно-правовой статус;¹⁴ учитывало новую демографическую ситуацию в республике (за 50 лет численность её населения возросла почти в 2 раза, причем удмурты составляли 34,2 процента, русские – 57,1 процента);¹⁵ характер развития народного хозяйства (в конце 70-х годов, в сравнении с 1940 г., производство верхнего трикотажа возросло в 37 раз, обуви кожаной - в 5, кондитерских изделий – в 26 раз. При этом производительность труда в промышленности республики увеличилась в 15 раз. Объем капиталовложений за период с 1938 г. вырос почти в 63 раза. С 1918 г. по 1975 г. в Удмуртии построено за счет средств государства 8 488 тыс. кв. м жилой площади. Среднегодовой объем валовой продукции (в расчете на 100 га) сельскохозяйственных угодий в колхозах и совхозах в 1979 г. составил 22 800 рублей.¹⁶ Высокими темпами развивалось животноводство, производство картофеля, подсолнечника, овощей, плодов. Если на 1 января 1940 г. во всех хозяйствах Удмуртии крупного рогатого скота было 308 тыс. голов, то по данным переписи на 1 января 1978 г. его насчитывалось 611,6 тыс.¹⁷ За годы советской власти Удмуртия превратилась в республику с развитой социалистической экономикой. По данным переписи на 1 января 1970 г., постоянно проживающее население в городах составило 75,3 процента и было занято в промышленном секторе¹⁸).

В связи с тем, что политико-правовому и юридическому анализу конституциям автономных республик 1978 г. посвящено достаточно литературы,¹⁹ необходимо обратиться к анализу основных положений Конституции Удмуртской АССР 1978 г., которое до настоящего времени никем из ученых Удмуртии не проводилось.

Все конституции автономных республик, исходя из теоретического вывода партии об общенародном государстве, зафиксировали, что автономные республики представляют собой социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы всех членов общества. Так, по Конституции Удмуртская АССР провозглашалась общенародным государством (ст.1), находящимся в

составе РСФСР (ст.64). Удмуртская АССР определялась как государство, имеющее свою конституцию, соответствующую Основному Закону СССР и Конституции РСФСР, принимаемую Верховным Советом УАССР и учитывающую особенность республики. Предусматривалось, например (ст.98), что законы, постановления и иные акты Автономной республики издаются на удмуртском и русском языках (относилось это и к ведению судопроизводства). Развивая национальный язык, удмуртский народ считал для себя неизменным русский язык. Он приобщил их к богатствам русской культуры и культуры других народов СССР, к достижениям мировой цивилизации. И не только. Русский язык в Удмуртии выступал как могучее средство взаимосвязи, исключения преград между десятками разноязычных национальностей. Наличие двуязычия, как показала история, не только не умаляла общественных функций национальных языков, но и способствовала их развитию, вело к взаимному обогащению, прогрессу общественной жизни, сближению наций и народностей СССР.

В соответствии с основными принципами развития национальных отношений, изложенными в Конституции СССР, Основной Закон Удмуртской АССР раскрывал права республики, подробно определял круг вопросов, подлежащих её ведению, весь объем экономических, политических и социально-культурных функций органов власти и управления на своей территории. Конституция СССР 1977 г. (ст. 82) закрепляла: «Автономная республика вне пределов прав Союза ССР и союзной республики самостоятельно решает вопросы, относящиеся к её ведению». В соответствии со ст.66 Конституции УАССР, к ведению Удмуртской автономной республики относилось 12 направлений государственной деятельности (свыше 30 вопросов). Это – принятие Конституции Удмуртской АССР и внесение в нее изменений; контроль за соблюдением Конституции УАССР; законодательство автономной республики; охрана государственного порядка, прав и свобод граждан; установление в соответствии с законодательством Союза ССР и РСФСР порядка организации и деятельности республиканских и местных органов государственной власти и управления; определение своего районного деления и решение иных вопросов административно-территориального устройства республики, в соответствии с законодательством РСФСР (ст.71) и др.

Территориальный суверенитет в условиях федерации законодателем, естественно, был определен прерогативой союзных органов, так как устройство государства характеризуется его территорией и она неделима. Поэтому термин «Территория автономной республики» является конституционным. Это политико-правовая категория, на основе её определялось построение, организация и деятельность государственных органов. Автономная республика являясь государством, естественно обладала его признаком - территорией, которая являлась частью территории союзной республики, на основе которой формировался ее государственный аппарат и строились взаимоотношения с автономной республикой, с другой – она (территория) оказывала определяющее влияние на организацию и деятельность государственного аппарата самой УАССР. Таким образом, налицо двой-

ственность государственной квалификации территории АССР, что и послужило основанием для сложного наименования раздела III Конституций автономных республик: «Национально-государственное и административно-территориальное устройство». Первая из двух составляющих его глав, содержала нормы, определяющие статус АССР как автономной республики в составе союзной республики, вторая – административно-территориальное устройство УАССР. Конституция СССР 1977 г. (ст. 84) и Конституция РСФСР 1978 г. (ст. 80) специально установили, что территория автономной республики (как государства) не может быть изменена без её согласия. В этом выразилась суть укрепления государственно-правового положения автономной республики.

Удмуртская АССР, руководствуясь ст.71 Основного Закона, самостоятельно определяла свое районное деление и решала иные вопросы административно-территориального устройства, в соответствии с законодательством РСФСР. Её территория состояла из 25 районов и 5 городов республиканского подчинения (ст. 72). Решения высших органов государственной власти Удмуртской АССР по административному устройству представлялись на утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР. Так, п.7 ст.103 Конституции УАССР устанавливал, что Президиум Верховного Совета Удмуртской УАССР «образует города районного подчинения, районы в городах, производит их наименование и переименование, а также переименование иных населенных пунктов и представляет на утверждение президиума Верховного Совета Удмуртской АССР решения по этим вопросам». Некоторые вопросы административно-территориального устройства решались Президиумом Верховного Совета Удмуртской АССР самостоятельно, в частности, образование и упразднение сельсоветов, отнесение населенных пунктов к категории рабочих, курортных и дачных поселков и иные вопросы (п.8 ст.103).

На основании ст. 82 главы 10 Конституции СССР, ст. 66 Конституции Удмуртской АССР устанавливала, что автономная республика обеспечивает комплексное экономическое и социальное развитие на своей территории: проведение единой социально-экономической политики; руководство экономикой республики; обеспечение научно-технического прогресса и осуществление мероприятий по рациональному использованию и охране природных ресурсов; разработку и утверждение планов экономического и социального развития, государственного бюджета автономной республики и утверждение отчетов об их исполнении; руководство осуществлением бюджетов районов и городов республиканского подчинения; установление, в соответствии с законодательством СССР и союзной республики, доходов, поступающих на образование государственного бюджета республики; руководство отраслями народного хозяйства республиканского подчинения; объединениями и предприятиями республиканского и местного подчинения; контроль в соответствии с законодательством Союза ССР и союзной республики за пользованием землей, недрами, лесами и водами; охрана окружающей среды; руководство жилищным и коммунальным хозяйством, торговлей и общественным питанием, бытовым обслуживанием населения, жилищным стро-

ительством и благоустройством городов и других населенных пунктов, дорожным строительством и транспортом; руководство народным образованием, культурными и научными организациями и учреждениями автономной республики; здравоохранением, физической культурой и спортом, социальным обеспечением; охраной памятников истории и культуры и другие вопросы.

В соответствии ст. 131 Конституции РСФСР, принятие Конституции АССР, установления районного деления, утверждение государственных планов экономического и социального развития и бюджета автономной республики, а также объектов об их исполнении были переданы в ведение Верховного Совета АССР. Вопросы, отнесенные к компетенции Верховного Совета УАССР, заключались в ст. ст. 66, 67, 92 и других Конституции УАССР. При этом перечень полномочий органов власти автономной республики, представленный в ст. 66 Конституции УАССР не являлся исчерпывающим. Он мог быть расширен и за счет других вопросов.

Удмуртская АССР имела своё гражданство. В соответствии с установлением в СССР единого союзного гражданства, каждый гражданин Удмуртской АССР являлся гражданином РСФСР и СССР. На территории Удмуртской АССР граждане РСФСР и других союзных республик пользовались одинаковыми правами с гражданами Удмуртской АССР. Граждане Удмуртской АССР за пределами территории Союза ССР пользовались защитой и покровительством Советского государства (ст. 28). Однако УАССР не имело право приёма в гражданство.

Таким образом, Основной Закон Союза ССР 1977 г., РСФСР 1978 г., несмотря на определенные ограничения, расширил правовой статус автономной республики, что играло положительную роль в дальнейшем развитии и совершенствовании социалистической государственности. Природа органов государственной власти и управления Удмуртской АССР была predeterminedена Конституцией РСФСР, согласно которой Верховный Совет республики являлся единственным законодательным органом на ее территории, республика имела право законодательной инициативы в Верховном совете РСФСР, а совет министров автономной республики являлся ее высшим исполнительно-распорядительным органом. Следует отметить, что органы государственной власти и управления республики входили в единую союзную и союзно-республиканскую систему государственных органов. Президиум Верховного совета РСФСР осуществлял руководство деятельностью местных Советов, мог отменять акты правительства автономной республики, а правительство РСФСР могло приостановить их исполнение.

Верховный Совет Удмуртской АССР избирался по избирательным округам с равной численностью населения и состоял из 200 депутатов (ст.93 Конституции УАССР). Порядок его деятельности определялся Регламентом Верховного Совета УАССР и другими законами Удмуртской АССР, издаваемыми на основе ее Конституции. Верховный Совет УАССР работал в сессионном порядке. На основании Конституции Удмуртской АССР (ст.95) сессии Верховного Совета созывались Президиумом Верховного Совета республики два раза в год. Внеочередные

сессии созывались им по предложению не менее одной третьей депутатов Верховного Совета Удмуртской АССР или по инициативе самого Президиума.

Верховный Совет являлся единственным законодательным органом в автономной республике (ст.92 Конституции УАССР, ст.13 Конституции РСФСР). Он осуществлял законодательство по всем вопросам, отнесенным к его компетенции: принимал Конституцию, законы, постановления, положения и т.п. Все нормативно-правовые акты, принятые Верховным Советом Удмуртской АССР, публиковались на удмуртском и русском языках.

Законы АССР составляли предмет исключительного ведения автономной республики. Однако Конституция СССР и РСФСР, а также Удмуртской АССР не содержали четкого перечня тех вопросов, по которым АССР имела право принимать законы. Но, как свидетельствовала практика национально-государственного строительства, с 60-х гг. автономные республики значительно расширили круг правовых полномочий. Если ранее автономные республики ограничивались тем, что принимали законы только о народно-хозяйственных планах, государственных бюджетах, о внесении изменений в свои Конституции и об утверждении нормативных указов Президиумов Верховных Советов АССР, то в последующем ими был издан ряд законодательных актов и по другим вопросам государственного строительства. Так, Верховным Советом Удмуртской АССР были приняты Регламент Верховного Совета УАССР, Законы о Совете Министров УАССР (1979 г.), о выборах в местные Советы народных депутатов УАССР (1979г.), о порядке отзыва депутатов районного, городского, сельского, поселкового Советов УАССР (1979-1980гг.), положения об организации работы с наказами избирателей и др. Закон автономной республики входил в систему права Союза ССР и РСФСР, поэтому должен был быть внутренне не противоречивым, согласованным. В противном случае подлежал отмене.

При решении организационных вопросов Верховный Совет Удмуртской АССР принимал постановления. Они как правило, являлись ненормативным актом. Принимались в связи с избранием Президиума Верховного Совета, назначением Председателя Совета Министров и образованием правительства, избранием Верховного Суда, постоянных комиссий и т.д.

По новой Конституции Удмуртской АССР (ст.96) был расширен круг субъектов права законодательной инициативы в Верховном Совете УАССР. Этим правом стали обладать Президиум Верховного Совета, Совет Министров УАССР, депутаты, постоянные и иные комиссии Верховного Совета УАССР, Верховный Суд УАССР, Прокурор УАССР. Правом законодательной инициативы обладали также общественные организации в лице республиканских и соответствующих им органов.

В отличие от Конституции 1937 г., Конституция Удмуртской АССР 1978 г. определяла статус народного депутата (глава 10). Конституционное закрепление полномочий прав и обязанностей депутатов способствовало улучшению деятельности Советов всех уровней. Необходимо отметить, что в отличие от ныне действующего законодательства, депутат, не оправдавший доверия изби-

рателей, мог быть в любое время отозван по решению большинства избирателей в установленном законом порядке (ст.91).

В ст.107 Конституции Удмуртской АССР впервые было закреплено правовое положение постоянных комиссий Верховного Совета УАССР. Постоянным комиссиям отводилась важная роль в предварительном рассмотрении и подготовке вопросов, относящихся к ведению Верховного Совета, содействию претворению в жизнь законов Удмуртской АССР и решений Верховного Совета и его Президиума, а также в осуществлении контроля за деятельностью государственных органов и организаций.

Значительная часть полномочий Верховного Совета Удмуртской АССР осуществлялась его Президиумом - постоянно действующим органом Верховного Совета Удмуртской АССР, подотчетного ему во всей своей деятельности и осуществляющим в пределах, предусмотренных Конституцией, функции высшего органа государственной власти УАССР в период между его сессиями (ст.101). Президиум Верховного Совета Удмуртской АССР избирался из числа депутатов в составе Председателя Президиума, двух заместителей Председателя, Секретаря Президиума и одиннадцати членов Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР (ст.102).

Президиум Верховного Совета Удмуртской АССР назначал выборы в Верховный Совет автономной республики и созывал сессии Верховного Совета, осуществлял контроль за соблюдением Конституции, координировал деятельность постоянных комиссий Верховного Совета автономной республики, отменял постановления и распоряжения Совета Министров УАССР в случае несоответствия их закону, осуществлял руководство деятельностью местных Советов, решал вопросы административно-территориального устройства республики, а также переименовании иных населенных пунктов и представлял на утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР решения по этим вопросам, награждал Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УАССР (ст.103). Необходимо отметить, что новая Конституция Удмуртской АССР расширила полномочия Президиума Верховного Совета УАССР, который «в период между сессиями Верховного Совета с последующим представлением на его утверждение на очередной сессии: 1) вносил в случае необходимости изменения в действующие законодательные акты Удмуртской АССР; 2) образовывал в установленном законом порядке районы и города республиканского подчинения, производил их наименование и переименование; 3) по предложению Совета Министров Удмуртской АССР образовывал и упразднял министерства, государственные комитеты и другие органы государственного управления, образуемые Верховным Советом Удмуртской АССР; 4) по представлению Председателя Совета Министров Удмуртской АССР освобождал от должности и назначал отдельных лиц, входящих в состав Совета Министров Удмуртской АССР» (ст.104).

По истечении полномочий Верховного Совета Удмуртской АССР Президиум Верховного Совета УАССР сохранял свои полномочия вплоть до образования вновь из-

бранным Верховным Советом Удмуртской АССР нового Президиума. Вновь избранный Верховный Совет Удмуртской АССР созывался Президиумом Верховного Совета УАССР прежнего состава не позже чем через два месяца после выборов (ст.106).

Основным направлением деятельности Верховного Совета Удмуртской АССР и его Президиума являлось руководство местными Советами народных депутатов. Поэтому одним из определяющих в Конституции Удмуртской АССР являлся IV раздел: «Советы народных депутатов УАССР и порядок их избрания». В нем закреплялись конституционные принципы советского строя – единство Советов всех ступеней; единство принципов формирования органов власти с принципами их деятельности. Более полно, чем прежде, определялся порядок формирования, полномочия и принципы деятельности Советов народных депутатов, их исполнительных и распорядительных органов. Понятие, компетенции местных Советов народных депутатов закреплялось Конституцией Удмуртской АССР в VI разделе.

Исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, проживающих и работающих на территории Совета, местные Советы как представительные органы власти решали вопросы связанные с местным общественным устройством. В тоже время являясь элементом (частью) органов государственной власти, они проводили в жизнь решение вышестоящих государственных органов, руководили деятельностью нижестоящих Советов народных депутатов, участвовали в обсуждении вопросов республиканского (АССР, РСФСР) и общесоюзного значения, вносили по ним свои предложения. В функции местных Советов народных депутатов входило: руководство на своей территории государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством; утверждали планы экономического и социального развития, местный бюджет и отчеты об их выполнении; осуществляли руководство подчиненными им государственными органами, предприятиями, учреждениями и организациями; обеспечивали соблюдение законов, охрану государственного и общественного порядка, прав граждан; содействовали укреплению обороноспособности страны (ст.120). Впервые конституционно закреплялось (ст.121), что в пределах своих полномочий местные народные депутаты обеспечивают комплексное экономическое и социальное развитие на своей территории; осуществляют контроль за соблюдением законодательства расположенными на этой территории предприятиями, учреждениями и организациями вышестоящего подчинения; координируют и контролируют их деятельность в области землепользования, охраны природы, строительство, использования трудовых ресурсов, производство товаров народного потребления, социально-культурного, бытового и иного обслуживания населения. При этом четко определялись рамки полномочий местных Советов. Так, ст.122 Конституции Удмуртской АССР конкретно закреплялось, что «местные Советы народных депутатов принимают решения в пределах полномочий, предоставленных им законодательством Союза ССР, РСФСР и Удмуртской АССР».

Конституция Удмуртской АССР устанавливало минимальное количество проводимых сессий в год по видам местных Советов: для районных, городских, районных в городах Советов не реже четырех раз в год; поселковых и сельских Советов народных депутатов не реже шести раз в год. Для предварительного рассмотрения и подготовки вопросов, относящихся к ведению местных Советов избирались из числа депутатов постоянных комиссий. Комиссии содействовали проведению в жизнь решений Советов, контролю за деятельностью государственных органов, предприятий, учреждений и организаций. Рекомендации постоянных Комиссий местных Советов подлежали обязательному рассмотрению соответствующими государственными и общественными органами, предприятиями учреждениями и организациями. О результатах рассмотрения или о принятых мерах сообщалось комиссиям в установленный законом срок (ст.124).

Как выразитель воли народа, местные Советы должны были осуществлять свою деятельность в тесной связи с общественными организациями и трудовыми коллективами. Выносить наиболее важные вопросы на обсуждение граждан, вовлекать их в работу постоянных комиссий, исполнительных комитетов и других подотчетных Советам органов, содействовать работе местных добровольных обществ и развивать общественную самодеятельность населения (ст.126).

Исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов являлись избираемые ими из числа депутатов исполнительные Комитеты в составе: председателя, заместителя председателя, секретаря и членов. Впервые основные принципы работы исполкомов определялись в отдельной 14 главе Конституции Удмуртской АССР. Исполнительные комитеты не реже одного раза в год отчитывались перед избравшими их Советами, а также на собраниях трудовых коллективов и по месту жительства граждан. В своей деятельности они были подотчетны как Совету, их избравшему, так и вышестоящему исполнительному и распорядительному органу. Исполнительные комитеты местных Советов народных депутатов вправе были решать все вопросы, отнесенные к ведению Советов, за исключением тех, которые должны были решаться только на сессиях Советов. В их компетенцию входило: созывать сессии Советов и координировать работу постоянных комиссий Советов; оказывать депутатам содействие в осуществлении их полномочий; организовывать выполнение решений Советов и вышестоящих государственных органов, а также наказов избирателей; руководить подчиненными им органами управления. В пределах своей компетенции Исполнительные комитеты местных Советов принимали решения и издавали распоряжения. По истечении полномочий местных Советов народных депутатов их исполнительные комитеты сохраняли свои полномочия вплоть до избрания Советами народных депутатов нового созыва исполнительных комитетов (ст.132).

Систему органов государственного управления Удмуртской АССР возглавлял высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти УАССР Совет Министров – Правительство Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики (ст.110). Совет Министров Удмуртской

АССР образовывался Верховным Советом УАССР в составе Председателя Совета Министров Удмуртской АССР, Первого заместителя и заместителей Председателя, министров, председателей государственных Комитетов и руководителей других органов государственного управления, образуемых Верховным Советом республики. По представлению Председателя Совета Министров Удмуртской АССР Верховный Совет УАССР мог включить в состав Правительства Удмуртской АССР руководителей других органов и организаций УАССР. В своей деятельности Совет министров был ответствен перед Верховным Советом Удмуртской АССР и ему подотчетен, а в период между сессиями Верховного Совета УАССР – перед Президиумом Верховного Совета Удмуртского АССР и ему подотчетен (ст.112).

Совет Министров Удмуртской АССР решал все вопросы государственного управления, отнесенные к ведению Удмуртской АССР, кроме вопросов, входящих в компетенцию Верховного Совета и его Президиума. Совет Министров объединял и направлял работу министерств, государственных комитетов Удмуртской АССР и других подведомственных ему органов. Конституция Удмуртской АССР закрепляла полномочия Совета Министров УАССР по обеспечению им повседневного руководства народным хозяйством и социально-культурным строительством, либо отдельными сферами государственного управления.

Более развернуто, чем прежде, были сформулированы задачи Совета Министров по разработке и осуществлению государственного плана экономического и социального развития, государственного бюджета Удмуртской АССР. Впервые Конституцией УАССР были зафиксированы координационно-контрольные полномочия Совета Министров в отношении предприятий, учреждений и организаций союзного и республиканского (союзной республики) подчинения по вопросам, относящимся к ведению автономной республики. Функции защиты интересов государства и охраны общественного порядка дополнены деятельностью по охране социалистической собственности, обеспечению в пределах, определенных Конституцией СССР, государственной безопасности и обороноспособности страны, не только по защите, но и обеспечению прав и свобод советских граждан (ст.113). Совет Министров Удмуртской АССР создавал в случае необходимости комитеты, управления и другие ведомства по делам хозяйственного и социально-культурного строительства, руководил деятельностью исполнительных комитетов местных Советов народных депутатов, объединял и направлял деятельность министерств, государственных комитетов Удмуртской АССР и других подведомственных ему органов.

Для решения вопросов, связанных с обеспечением руководства народным хозяйством, и других вопросов государственного управления в качестве постоянного органа Совета Министров Удмуртской АССР действовал Президиум Совета Министров в составе Председателя Совета Министров Удмуртской АССР, Первого заместителя и заместителей Председателя Совета Министров УАССР, а также других членов Правительства (ст.114).

Совет Министров издавал постановления и распоряжения на основе действующего законодательства, проверял их исполнение. Акты Совета Министров Удмуртской АССР являлись обязательными к исполнению на всей территории УАССР (ст.115). В пределах своей компетенции он имел право отменять решения и распоряжения исполнительных комитетов районных и городских (городов республиканского подчинения) Советов народных депутатов, акты министерств, государственных комитетов Удмуртской АССР, других подведомственных ему органов.

Конституция Удмуртской АССР закрепляла лишь основы компетенции Совета Министров УАССР. Подробно конкретизировалась компетенция Правительства и его Президиума, порядок их деятельности, отношения с другими государственными органами законом о Совете Министров Удмуртской АССР (1979г.).

Органами, реализующими государственную власть в Удмуртской АССР, являлись также министерства, государственные комитеты и другие органы управления УАССР, осуществляющие руководство отдельными отраслями либо сферами управления.²⁰ Они находились в двойном подчинении – Совету Министров Удмуртской АССР и соответствующему министерству, государственному комитету или другому органу управления РСФСР.

Акты министерств, государственных комитетов и других органов управления Удмуртской АССР, в деятельности которых учитывались особенности автономной республики, в случае несоответствия их законодательству могли быть только приостановлены соответствующим вышестоящим органом управления РСФСР, который затем вносил предложение об отмене этих актов в Совет Министров Удмуртской АССР. К числу указанных органов управления относились министерства: здравоохранения, культуры, лесного хозяйства, мелиорации и водного хозяйства, пищевой промышленности, просвещения, торговли, бытового обслуживания населения, жилищно-коммунального хозяйства, местной промышленности, социального обеспечения, топливной промышленности, финансов и др.; Комитеты: плановый, по телевидению и радиовещанию, по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства, по труду, по ценам, по делам строительства и др.; управления: архивное, аптечное и др.²¹

В соответствии с новой Конституцией, Президиум Верховного Совета Удмуртской АССР в 1978 г. издал Указ о преобразовании и переименовании отдельных органов государственного управления УАССР. Так, Государственная плановая комиссия УАССР была преобразована в Государственный плановый комитет Удмуртской АССР.²² Республиканское объединение «Сельхозтехника» Совета Министров УАССР – в Государственный Комитет УАССР по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства. Комитет Государственной безопасности при Совете Министров УАССР – переименован в Комитет Государственной безопасности УАССР. Комитет по телевидению и радиовещанию Совета Министров УАССР – в Государственный Комитет УАССР по телевидению и радиовещанию и т.д.²³ Таким образом, в результате этих изменений

указанные правительственные органы приобрели статус и наименование общегосударственных органов управления автономной республики.

Важнейшей функцией государственной власти Удмуртской АССР являлась правоохранительная деятельность. По Конституции Удмуртской АССР 1978 г. выполнение этой функции, в качестве основной задачи, возлагалось на суды (осуществление правосудия) и органы прокуратуры, осуществлявшие высший надзор за точным и единообразным исполнением законов.

Удмуртская АССР в своей конституции закрепляла систему судебных органов, которую возглавлял Верховный Суд – высший судебный орган республики (ст.142). Основным звеном этой системы являлись районные (городские) народные суды. Организация и порядок деятельности судов удмуртской АССР определялись законами Союза ССР, РСФСР и Конституцией УАССР.²⁴ Основные законы сохранили и значительно дополнили Конституционные принципы социалистического правосудия. Одним из важных устанавливался принцип выборности судей и народных заседателей. Народные судьи районных (городских) народных судов избирались гражданами района (города) на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет. Народные заседатели районных (городских) народных судов избирались на собраниях граждан по месту их работы или жительства открытым голосованием сроком на два с половиной года (вместо двух лет по предыдущей Конституции) (ст.141). Верховный Суд Удмуртской АССР избирался Верховным Советом УАССР в составе Председателя его заместителей, членов и народных заседателей сроком на пять лет (ст.142). Количественный состав Верховного Суда, районных (городских) судов определялся соответственно Верховным Советом Удмуртской АССР и его Президиумом.

Впервые Конституцией устанавливалось, что судьи и народные заседатели ответственны перед избирателями, отчитываются перед ними и могут быть ими отозваны в установленном законом порядке. На конституционном уровне был закреплен принцип коллегиального рассмотрения гражданских и уголовных дел во всех судах; в суде первой инстанции - с участием народных заседателей (ст.143). Народные заседатели при осуществлении правосудия пользовались всеми правами судьи, при этом как и судьи были независимы и подчинялись только закону (ст.144). Впервые в Основном Законе Удмуртской АССР провозглашался принцип презумпции невиновности и обеспечения обвиняемому права на защиту. Никто не мог быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом. Сохранялось право открытого разбирательства дел во всех судах, расширялось содержание принципов национального языка судопроизводства. Так, в ст.148 закреплялось, что судопроизводство в Удмуртской АССР велось на удмуртском или русском языке, или на языке большинства населения данной местности. Участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, обеспечивалось право полного ознакомления с материалами дела, участие в судебных действиях через

переводчика и право выступать в суде на родном языке. Важной гарантией соблюдения социалистической законности в сфере правосудия являлась новая конституционная норма о том, что правосудие в автономной республике осуществляется на началах равенства граждан перед законом и судом (ст.145). Подтверждением этому являлось то, что на территории Удмуртской АССР правосудие осуществлялось в точном соответствии с законодательством Союза ССР, РСФСР и Удмуртской АССР.²⁵

Высший надзор за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами, а также гражданами на территории Удмуртской АССР осуществлялось Генеральным прокурором СССР и подчиненными ему Прокурором РСФСР, Прокурором Удмуртской АССР и нижестоящими прокурорами. Прокурор Удмуртской АССР назначался Генеральным Прокурором СССР. Районные и городские прокуроры назначались Прокурором РСФСР и утверждались Генеральным прокурором СССР (ст.154). Срок полномочий Прокурора Удмуртской АССР и всех нижестоящих прокуроров устанавливался на пять лет. Органы прокуратуры осуществляли свои полномочия независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Генеральному прокурору СССР. Организация и порядок деятельности органов прокуратуры определялись Законом о прокуратуре СССР.²⁶ Прокурор на территории Удмуртской АССР осуществлял высший надзор за исполнением законов не только СССР, но и РСФСР, и Удмуртской АССР.

Прокурорский надзор не распространялся на деятельность органов государственной власти. Однако Совет народных депутатов и органы прокуратуры тесно взаимодействовали между собой. Прокуроры республики, районов и городов, как правило, избирались депутатами соответствующих звеньев Советов, участвовали в их работе, выступали на сессиях Советов с докладами о соблюдении законов, прав граждан, охране государственного и общественного порядка. Прокурор Удмуртской АССР, кроме того, в обязательном порядке принимал участие в заседаниях Президиума Верховного Совета УАССР, вносил в Президиум представления по вопросам обеспечения социалистической законности в республике. При этом Прокурор республики обладал правом законодательной инициативы в Верховном Совете Удмуртской АССР.

Таким образом, как видно из вышеприведенного анализа, деятельность различных звеньев государственного аппарата, направляемая и контролируемая Советами народных депутатов, в пределах своих полномочий обеспечивала осуществление функций государственной власти в автономной республике.

В тоже время необходимо отметить, что Конституция не содержала прямых гарантий, которые бы обеспечивали республике возможность самостоятельного решения вопросов связанных с общественным устройством АССР. Это определялось тем, что экономика Удмуртской АССР объявлялась составной частью эко-

номики РСФСР, являлась частью единого народно – хозяйственного комплекса Союза ССР. Занимала определенное место в общесоюзном разделении труда. Согласно ст. 67 Конституции Удмуртской АССР, республика обеспечивала комплексное экономическое и социальное развитие на своей территории. Но конкретных гарантий и мер по осуществлению данного положения союзных и республиканских законодательных актов не предусматривалось. Законодатель исполняя волю установившегося режима, имел в виду обязательное проведение на территории автономной республики решений органов власти СССР и РСФСР. Данный вывод подтверждается ст. 16 Конституции Удмуртской АССР, которая установила, что экономика УАССР является составной частью экономики РСФСР, единого народнохозяйственного комплекса, охватывающего все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории СССР. Таким образом, руководство экономикой обеспечивалось государственным планом экономического и социального развития, с учетом отраслевого и территориального принципов, при сочетании централизованного управления. В политическом плане, АССР участвовала в решении вопросов, отнесенных к ведению РСФСР и Союза ССР, через высшие органы государственной власти и управления соответственно РСФСР и Союза ССР (ст.67). В этом выражалась суть тоталитарной системы.

В Конституции Удмуртской АССР закреплялось отношение собственности: «Государственная собственность – общее достояние всего советского народа ... В исключительной собственности государства находятся: земля, ее недра, воды, леса» (ст.11). Государству принадлежали основные средства производства, банки, городской жилищный фонд и т.д. Республика вправе была только осуществлять контрольные функции в соответствии с законами СССР и РСФСР за пользованием землей, недрами, лесами и водами.

В Конституции Удмуртской АССР 1978 г. в соответствии с Конституцией РСФСР 1978 г. появился раздел VII, посвященный вопросам разработки и утверждения государственного плана экономического и социального развития, а также государственного бюджета автономной республики. В соответствии ст.137 Конституции Удмуртской АССР, государственный бюджет республики объявлялся составной частью единого государственного бюджета РСФСР и включал в себя республиканский и местный бюджеты. Государственный бюджет утверждался Верховным Советом УАССР, который принимал отчет Правительства о его исполнении. Необходимо отметить, что Конституция Удмуртской АССР 1978 г. отводя данному вопросу главу V (состоящую из трех частей), фиксировала необходимость отказа от практики детальной регламентации государственного бюджета. В Конституции УАССР 1978 г. не учитывались в полной мере специфика и особенности автономной республики. Это еще раз подтверждает, что в стране имел место принцип единства права и единой социалистической законности. В тоже время Конституция Удмуртской АССР 1978 г. имела некоторые отличительные особенности. Во – первых, особенность Конституции заключалась в самой структуре правового акта. Преамбула Конституции Удмуртской АССР в сравнении с Конституцией СССР и Конституцией РСФСР была сокращена.

Конституция УАССР имела главу об административно – территориальном устройстве республики, при этом отсутствовали главы, аналогичные VIII и IX главам Конституции РСФСР. Имелись различия и в конструировании норм, определений их места. В Конституции УАССР отсутствовала статья о предоставлении права политического убежища и др. Во – вторых, сущность Удмуртской АССР выражалась в том, что это было народное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся республики всех национальностей. РСФСР, как федеративное государство, представляла интересы различных наций и народностей, а Удмуртская АССР как унитарное образование – интересы представителей различных национальностей.

В конституционном законодательстве 1977 – 1978 гг. укрепление союзных начал нашло свое выражение в расширении предметов ведения Союза ССР. Вместе с тем новые Конституции Союза ССР и РСФСР не только сохранили. Но и увеличили гарантии суверенных прав автономных республик. К новым правам АССР, в частности, относились: право законодательной инициативы в Верховном Совете СССР и РСФСР; право участвовать в решении вопросов, относящихся к ведению Союза ССР и союзной республики. Автономная республика также получила право самостоятельно принимать свою конституцию.

Рассмотрение основ конституционного строительства Удмуртской АССР в 1938 – 1978 гг. позволяет сделать следующие выводы: Конституция Удмуртской АССР базировалась на социалистической идеологии, «партийности», принципе права наций на самоопределение; принципиальные положения Конституции УАССР предопределялись нормами Конституций СССР и РСФСР; Конституция УАССР 1937 г. закрепляла, что Удмуртская АССР является государством рабочих и крестьян, а Основной Закон УАССР 1978 г. общенародным государством.

Конституции Удмуртской АССР составляли часть единого конституционного законодательства СССР, соответствовавшие принципу демократического централизма и единства социалистической законности, данным обстоятельством объяснялась необходимость согласования вопросов конституционного строительства республики с органами власти РСФСР, процедура утверждения Конституции автономной республики союзной республикой, концепция полного соответствия Конституции Удмуртской АССР Конституциям СССР и РСФСР. Это укоренило практику копирования положений последних в Конституциях АССР, при этом Конституции АССР не имели собственного институционального построения и технико – юридической характеристики.

Конституционное строительство в Удмуртской АССР, как и в других АССР, исходило из идеологии правящей партии, поэтому можно констатировать, что Конституция УАССР являлась в большей степени политическим, а не юридическим документом. Нормы Конституции АССР не имели прямого действия. Конституции Удмуртской АССР 1937 – 1978 гг. регулировали не весь круг государственно – правовых отношений, поэтому не являлись основой законодательства республики, фундаментом ее собственной правовой системы, так как не

имели должного уровня самостоятельности. После 1917 г. особенность национально – государственного строительства в Удмуртии определялись историческими основами государственности Удмуртов, которая выступала в советской форме. В рамках этой формы государственность в Удмуртии приобрела действительные черты: закреплено право народа на самоопределение, на принятие своей Конституции; законодательно закрепились легитимность государства; узаконились органы государственной власти, собственное гражданство, язык, внешние границы республики и т.д.

Развитие советской государственности в Удмуртии можно подразделить на три этапа. Первый – доконституционный (1917 – 1936 гг.) когда организация управления в автономной области строилась на основе декретов Советской власти, Конституций РСФСР 1918, 1925 гг.; второй – легитимационный (1937 – 1940 гг.), связанный с разработкой и принятием Конституции Удмуртской АССР и утверждением ее законодательным органом РСФСР; третий – функционирования Конституции Удмуртской АССР до самостоятельного принятия Конституции Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республикой.

Примечания:

- ¹ См.: Кукушкин Ю. С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. 2-е изд., доп. М., 1987. – С. 191-192.
- ² Удмуртская правда. 1977. 29 июня.
- ³ Удмуртская правда. 1978. 13 мая.
- ⁴ Удмуртская правда. 1978. 17 мая.
- ⁵ Удмуртская правда. 1978. 31 мая.
- ⁶ Удмуртская правда. 1978. 30 мая.
- ⁷ Удмуртская правда. 1978. 30 мая.
- ⁸ Удмуртская правда. 1978. 19, 23, 24, 25, 26, 27 мая.
- ⁹ Конституция (Основной Закон) Удмуртской Советской Социалистической Республики. Ижевск, 1980. – С.2.
- ¹⁰ Удмуртская правда. 1978. 1 июня.
- ¹¹ См.: Войтович В.Ю. Историкографический обзор по проблемам становления национальной государственности в Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. 2002. – С.8.
- ¹² См.: Ягудин Ш.Ш. Автономная советская социалистическая республика. Казань, 1979. – С.38.
- ¹³ См.: Дзидзоев Р.М. Автономная советская социалистическая республика как субъект федерации РСФСР. Автореф. дис. ... канд. юрид. Наук. М., 1983. – С.10.
- ¹⁴ Требование о полном соответствии Конституции АССР Конституциям СССР и РСФСР было смягчено требованием о соответствии.
- ¹⁵ См.: УАССР за 50 лет. Статистический сборник. Ижевск, 1970. – С.11;
- ¹⁶ Удмуртская правда. 1978. 31 мая.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: УАССР за 50 лет. – С.11.
- ¹⁹ Железнов Б.Л. АССР – высшая форма советской автономии. Казанский университет, 1984; Стумбина Э.Я., Кузнецов А.В., Элисте В.В. Механизм реализации Кон-

ституции. Рига, 1984; Конституция СССР: политико-правовой комментарий. М., 1982; Правовая система социализма. М., 1986. Т. 1: Понятие, структура, социальные связи; Ягудин Ш.Ш. Автономная Советская Социалистическая республика. Казань, 1979; Максимов К.Н. Развитие Советской национальной государственности (на материалах Калмыцкой АССР). Элиста, 1981; Самигуллин В.К. Конституционное развитие Башкирии. Уфа, 1991 и др.

²⁰ Так как состав этих органов периодически менялся, перечень их помещался не в Конституции Удмуртской АССР, а в специальном законе о Совете Министров Удмуртской АССР.

²¹ См.: Органы государственной власти и управления Удмуртской АССР (1918 – 1980 гг.). – С.35 – 36.

²² Собрание действующего законодательства Удмуртской АССР. Т. 1. Ижевск, 1980. – С.163.

²³ См.: органы государственной власти и управления Удмуртской АССР. – С.36.

²⁴ См: Войтович В.Ю. Организационно – правовые основы становления и реформирования правоохранительных органов в Удмуртии. Ижевск, 2003. – С.49 – 61.

²⁵ См.: Ст. 6 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик // Сборник законов СССР. 1938 – 1975.

²⁶ Войтович В.Ю. Организационно – правовые основы становления и реформирования правоохранительных органов. – С.61 – 74.

Марат Гатин

Финно-угристика в университетах Германии

Проблемы языка, литературы, истории и культуры финно-угорских народов волновали немецких исследователей уже давно. Конечно же, в первую очередь, их интересовала Венгрия – ближайший финно-угорский сосед немцев. На сегодняшний день финно-угристика ФРГ переживает подъем и причиной этому – объединение Германии, распад СССР (повлекший за собой обретение независимости Эстонией), повышение статуса автономий в составе РФ, где финно-угры составляют меньшинство (от 5% в Ханты-Мансийском автономном округе до 44% в Марий Эл).

Как, где и кем представлена на сегодняшний день финно-угристика в Германии – этому и посвящена данная статья. Работа написана на основе посещений страниц вузов ФРГ в Интернете и переписки с соответствующими подразделениями университетов.

Как дисциплина финно-угристика преподается в трех вузах, а именно в Гамбургском, Гёттингенском и Мюнхенском университетах, кроме того, в Грайфсвальдском и Кёльнском университетах преподается феннистика, а в Берлинском университете им. Гумбольдта существует семинар хунгарологии. Исследования по финно-угристу ведутся в Германии в следующих планах:

- 1) в филологическом (лингвистика, литературоведение) (Берлинский университет им. Гумбольдта, Кёльнский университет);
- 2) в историко-экономическом (Гамбургский университет);
- 3) в сочетании 1) и 2) (Гёттингенский, Грайфсвальдский и Мюнхенский университеты). См. приложение.

Финно-угристика в Германии достигла определенных успехов. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в развитии финно-угристу в ФРГ имеются и недостатки, правда, обусловленные скорее организационными причинами. Основные из этих недостатков следующие:

1. Желательно было бы, вопреки существующей практике, значительно расширить фронт проводимых исследований. Наряду с узкими специальными темами, необходимо ставить также проблемы, выполняемые совместно многими учеными и эффективно координируемые.
2. В большинстве своем, исследования в области финно-угристу ведутся односторонне – в чисто лингвистическом, филологическом плане.

Приложение. Современное состояние финно-угристу в ФРГ

Вуз: **Берлинский университет им. Гумбольдта**

Подразделения: Семинар хунгарологии

Профессора: Э.Кулчар-Сабо

Языки: венгерский

Темы учебных занятий, научных проектов и исследований:

История и рассказ в венгерской литературе XX в. Введение в древнюю венгерскую литературу: поэзия XVI–XVIII вв. Введение в письменный перевод с венгерско-

го языка. Введение в устный перевод с венгерского языка Лексикология венгерского языка. Синтаксис венгерского языка. Сравнение венгерского и немецкого языков.

Вуз: Гамбургский университет

Подразделения: Институт финно-угристики (уралистики), Центр хунгарологии

Языки: венгерский, финский, эстонский, юкагирский

Темы учебных занятий, научных проектов и исследований:

Хунгарология – история науки. История уралистики как науки. Библиография венгерской литературы в немецком переводе. Немецкая библиография венгерского языкознания. Словарь венгерского диалекта Буковины. История населенных пунктов Венгрии от заселения до современности. Немцы и мадьяры как национальные меньшинства в Дунайском регионе (1918–80-е гг.). Вопросы земельного и городского планирования в Венгрии. Германо-венгерские отношения в межвоенный период. Проблемы историографии в Венгрии. Исторические изменения и контакты языка – исследования в области финно-угорских языков. Исторические и географические аспекты страноведения Венгрии. Германо-венгерские научные связи. Эстонская литература и страноведение. Немецкое национальное меньшинство в Венгрии в XX в. Менструация, беременность и рождение в жизни обских угров. Ономастический и семасиологический сравнительный словарь уральских языков. Диалектология уральских языков. Библиография полеосибиристики. Полный толковый словарь юкагирского языка. Сравнительный словарь языков и диалектов северной Сибири.

Вуз: Гёттингенский университет

Подразделения: Семинар финно-угристики

Профессора: Гуля, Я

Языки: финский, венгерский, хантыйский («остяцкий»), марийский («черемисский»)

Темы учебных занятий, научных проектов и исследований:

Загадка происхождения венгров. История письменности финских языков. Финно-угорская филология для начинающих. Германская финно-угристика. Синтаксис финского языка. Вопросы современной феннистики. Обзор эстонской литературы. Материальная культура саамов. Страноведение Финляндии. Словообразование в финском языке. Специальная терминология в финском языке. Протокультура уральских финно-угров. Германо-венгерские литературные и культурные связи. История финно-угристики. Модальность в финно-волжских языках. Саамский фольклор. Язык поэзии обских угров.

Вуз: Грайфсвальдский университет

Подразделения: Отделение феннистики Северного института

Профессора: П.Летимяки, С.-Л.Хамо, В.Буххольц

Языки: финский, эстонский

Темы учебных занятий, научных проектов и исследований:

История Северной Европы. Фонетика и фонология финского языка. О финском национальном эпосе Калевала. Положение финского языка внутри прибалтийско-

финской языковой семьи. Основы финского языкознания от М.А.Кастрена до Т.Итконена. К отдельным проблемам финского синтаксиса. Германо-прибалтийско-финские ленные отношения. Введение в финскую литературу. Финская женская литература. Финская фонетика и морфология. Историческая морфология финского языка. Языкознание эстонского языка. Финские ландшафты, племена и диалекты. История и страноведение Финляндии. Северная Европа и великие державы (1850–1940-е гг.). Реформация в Скандинавии и Финляндии. Дания-Норвегия и Швеция-Финляндия – великие державы XVII в. Чума в Скандинавии и Финляндии в позднем средневековье. Введение в финское языкознание. Страноведение Эстонии. История Швеции-Финляндии от реформации до аграрной реформы XIX в. Финский исторический роман. Военные отношения между Германией и Финляндией в заключительной фазе Второй мировой войны. Финляндия и Германский вопрос.

Вуз: Кёльнский университет

Подразделения: Отделение финской филологии института Северной филологии

Профессора: М.Ярвентауста

Языки: финский

Темы учебных занятий, научных проектов и исследований:

Введение в феннистику. Введение в финский язык и языкознание. Введение в финскую литературу и литературоведение. Введение в финно-угристику. Страноведение Финляндии. Шведоязычная литература в Финляндии. Ранняя финская письменность. История финской литературы. Структурные особенности финского языка. Переводы с финского на немецкий и с немецкого на финский языки. Избранные главы из новой истории культуры Швеции и Финляндии.

Вуз: Мюнхенский университет

Подразделения: Институт финно-угристики

Профессора: И.Шельбах-Копра, Г.Ганшов

Языки: финский, венгерский, эстонский, мансийский, удмуртский, самодийские

Темы учебных занятий, научных проектов и исследований:

История науки и методики финно-угристики. Введение в финно-угристику. Тезисы истории финно-угорских языков. История венгерского языка. Смена эпох и веков: финская литература и искусство по пути от реализма к неоромантике и символизму. Чтение и анализ древних финских баллад и песенников. Интерпретация латинских источников по истории средневековой Венгрии. Словообразование в финском языке. Наука перевода и финно-угристика. Письменность финно-угров. Основные вопросы финно-угристики в языкознании, фольклористике, этнологии и литературоведении. Финно-угорские языки южной Балтии. Диалекты и социолекты венгерского языка. Урало-тюркские языковые контакты. Введение в историю Венгрии. Именной глагол в финском языке. Венгерская литература XIX–XX вв. Страноведение Эстонии: культура, политика, экономика. Языки и культура обских угров. Проблема морфологии в финно-угорских языках. Финно-угорская метереология. Восприятие финской литературы в Германии. История финно-угристики. Морфология венгерского языка. Венгерская проза и ее кинопостановка.

Критика и библиография

Евгений Казаков

Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Монография Т.Б.Никитиной. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. – 432 с. с илл.

В исторической науке всегда актуальными являются проблемы происхождения народов, динамики формирования их культуры. Жгучий интерес в мировой науке проявляется к исследованиям по финно-угорской тематике. Многих исследователей привлекало богатейшее культурное наследие финно-угорских народов Восточной Европы, каждый из которых прошел свою часть нелегкого и сложного исторического пути.

Изучение средневековой истории марийского народа представляет несомненную трудность в силу недостаточно четкой этноспецифики культуры, что, видимо, на определенных этапах отражало слабость экономической, культурной и идеологической консолидации. В контактных зонах: на западе с верхневолжскими финнами и на востоке – с пермскими – для X-XI вв. археологи не всегда могут даже отнести памятник к тому или другому народу.

Во введении Т.Б.Никитина, отмечая дискуссионность темы, ставит задачей выявление этнокультурной специфики памятников, относимых к предкам марийцев на основе их сравнения с древностями Волго-Камья, с тем, чтобы «проследить динамику этнического развития» народа в эпоху средневековья. В первой главе рассмотрены история изучения и историография. Хотя исследование памятников Марийского Поволжья началось еще во второй половине XIX в., однако в течение почти столетия, до середины XX в., оно велось учеными гг. Вятки, Казани, Москвы и других. В разделе справедливо отмечена большая роль в изучении края А.А.Спицына, многие выводы которого приемлемы и в наше время. В 20-30-е годы XX в. археологические исследования проводились экспедициями под руководством П.П.Ефименко, Е.И.Горюновой и др.

Систематические работы по археологическому обследованию рассматриваемой территории начались в 1956 г., когда была создана Марийская археологическая экспедиция, работающая и в настоящее время. Ее участниками открыто и изучено большинство из двухсот памятников, связанных с историей марийского народа VI-XVII вв. Десятки средневековых памятников подвергнуты широким раскопкам А.Х.Халиковым, Г.А.Архиповым, Т.Б.Никитиной и др. В целом автор достаточно подробно осветила основные этапы археологического изучения края.

Раздел «Историография» (с. 21-33) преимущественно посвящен рассмотрению концептуальных положений крупнейших российских исследователей древностей финноязычных народов Волго-Камья: А.А.Спицына, А.П.Смирнова, О.Н.Бадера и других. Для монографических публикаций 50-х годов XX в. был характерен аспект широкого территориально-хронологического охвата проблем.

Поскольку проблемы эти сложные, являются и в наше время во многом дискуссионными, решались они нередко на гипотетическом или формально-логическом уровне, имея в качестве подтверждения лишь небольшой для того времени фактический материал.

Значительно более объемный материал привлекался для доказательства выводов в публикациях 60-80-х годов XX в. А.Х.Халикова и Г.А.Архипова – руководителей Марийской археологической экспедиции. Но и в них иногда с меняющейся точкой зрения рассматривались те же дискуссионные вопросы. В вопросе о происхождении марийцев преобладали автохтонные моменты.

Т.Б.Никитина достаточно основательно рассмотрела указанные концепции, отметив, что для всех них характерны положения о связи культуры марийцев с ананьинской, пьяноборской, городецкой, азелинской культурами, представления о двух- или многокомпонентности марийских древностей. Она справедливо отмечает, что в указанных исследованиях, которые в целом являлись важным этапом формирования исторических выводов, практически не привлекались комплексы городищ и селищ.

Анализу последних и посвящена вторая глава, которая состоит из трех разделов. В них рассмотрены локализация памятников, система обороны городищ, жилища и другие постройки. На основе привлечения археологических и этнографических данных исследователь убедительно доказывает дисперсное расселение марийцев с глубокой древности, нередко группами из нескольких небольших поселений. Несомненный интерес представляют реконструкции системы укреплений на городище Репище. На памятниках выявлены остатки наземных и полуземляночных жилищ, хозяйственные объекты, в том числе клетки-амбары, погреба, кухни-«кудо», сараи-навесы. Многие из них известны и по этнографическим данным, которые собственно и способствовали определению их древних аналогов. Исследованы также следы открытых очагов (с. 59), которые могли выполнять роль летних кухонь, и неопределенные по функциям глинобитные площадки.

Данная глава, подготовленная во многом на новом материале, несомненно расширяет наши представления о быте и хозяйстве древних марийцев. Т.Б.Никитина, отмечая аналогии материалу на широкой территории проживания финноязычных народов, указывает и на его местную специфику.

В третьей главе представлено описание погребального обряда, освещено его разнообразие на различных хронологических этапах. Многие элементы обряда, аналогичные обрядам других финнов Поволжья, связаны с глубокими и сложными идеологическими представлениями. Проявляется это в существовании жертвенных комплексов на площадках могильников, применении трупоположения и трупосожжения, своеобразии положения вещевых комплексов в могилах, наличие культовых поделок и т.д.

В четвертой главе рассмотрены культура и быт древних марийцев. В разделе, посвященном анализу украшений и предметов одежды справедливо отмечаются существенные связи с культурой поволжских финнов окско-сурского междуре-

чья. Но в то же время наблюдается определенное игнорирование громадного пласта изделий ремесленников Волжской Болгарии в древностях Марийского края X-XI вв. Это время определено автором как этап наиболее четко выраженного древнемарийского костюма (с. 107). Однако коньковые и арочные подвески, витые серебряные браслеты, большинство деталей пояса, парадные чаши и многое другое пришло из Волжской Болгарии. И поделки эти в массе отмечены на памятниках марийцев по Великому Волжскому пути (Дубовский, Нижняя Стрелка и другие могильники). Это отмечает и автор в четвертой главе (с. 199 и др.)

В разделе основательно подвержен анализу богатейший материал по костюму марийского населения, особенно женского, элементы которого в украшениях головы, груди, пояса сохраняют преемственность в течение тысячелетия (с. 109).

В следующем разделе главы хорошее впечатление оставляет анализ лепной плоскодонной керамики (с. 110-123). Основная масса ее получена при раскопках на городищах. Сосуды разделены на категории А (горшки) и Б (миски), внутри которых по деталям формы выделены типы. Автор, приводя аналогии, справедливо полагает, что подобная посуда характерна для всех финноязычных народов Окско-Волжского региона эпохи средневековья, что говорит о близости их этнокультурных основ. Локализация такой посуды в Вятско-Ветлужском междуречье может маркировать восточные границы марийского этноса.

В Вятском пограничье вышеуказанная посуда встречена вместе с лепной круглодонной керамикой, характерной для пермских финнов, наследующих азелинские традиции. Так, на Еманаевском городище отмечены обе группы посуды, а также круглодонная керамика со шнуровым орнаментом. Последняя, по нашему мнению, является угорской. В массе она представлена в Волжской Болгарии и в X в. по Волжскому пути попадает с группами населения через Марийское Поволжье (она есть в Дубовском могильнике, могильнике Нижняя Стрелка) на Верхнюю Волгу.

В этом же разделе представлена характеристика металлической и деревянной посуды, в том числе парадных чаш из цветного металла, известных в Волго-Окском регионе. Технические данные и орнамент позволяют предполагать, что они изготовлялись ремесленниками Волжской Болгарии по образцам восточно-иранских и среднеазиатских торевтов. По Волге эти престижные поделки попали на ближайший рынок сбыта болгарских товаров – Марийское Поволжье, - где встречены 8 таких чаш в комплексах X-XI вв.

Характеристика хозяйства представлена в третьем разделе. Учитывая археологические данные: небольшую площадь поселений со слабым культурным слоем и их разбросанность, автор справедливо предполагает, что первоначально земледелие было подсечным. Большое значение имели скотоводство, охота.

Как и у других финноязычных народов Волго-Окского региона, в Марийском Поволжье было налажено изготовление украшений, предметов одежды и культовых поделок из бронзы. Многие из них, как полагает автор, изготовляли женщины-литейщицы. Среди производственного инвентаря присутствуют льячки, тигли, литейные формы.

Заключительный раздел главы посвящен освещению культурных и торговых связей населения Марийского края. В целом он заслуживает высокой оценки. Т.Б.Никитина на массовом материале убедительно доказала наличие связей с волжскими финнами, особенно сильных в I тыс. н.э., а с конца I тыс. – их усиление с пермскими племенами. Но особенно явственно, по материалу, торговые и культурные связи прослеживаются с такими государственными образованиями, как Волжская Болгария и Русь. В качестве замечания можно только отметить, что так называемые «прикамские» поделки едва ли проникли непосредственно из Прикамья. Нагрудные шумящие подвески с арочными и коньковыми щитками, коньковые кресала, подвески-«всадницы» (фактически изображение «небесного» всадника на представителе «нижнего мира»: змее или ящере) и другие появились в Среднем Поволжье в результате массового переселения сюда приуральских угров. Здесь было налажено и их изготовление. Много таких поделок встречено в языческих могильниках Волжской Болгарии второй половины IX – первой половины X вв. В Волжской Болгарии находилось одно из наиболее поздних производств данных предметов. Отсюда по Волжскому торговому пути многие из них попадали далеко на запад, где по их образцам изготавливались свои поделки.

В первом разделе заключительной главы автор рассматривает довольно различные точки зрения по этногенезу марийцев таких известных исследователей, как А.П.Смирнов, О.Н.Бадер, А.Х.Халиков, Г.А.Архипов, В.С.Патрушев и других. Привлекая археологические, языковедческие и этнографические данные, Т.Б.Никитина достаточно обоснованно полагает, что предки марийцев являются мигрантами для Вятско-Вятского региона. Этим она солидаризируется с теми исследователями, которые связывают приход ядра марийского народа на современную территорию в середине VI в. (с. 167) с его отрывом от Нижнеокского массива поволжских финнов.

Во втором разделе главы обоснованы этапы этногенеза марийского народа. Комплексы IV- начала VI вв. н.э. свидетельствуют, что Вятское правобережье занимали азелинские племена – предки пермских финнов. К середине VI-VII вв. автор относит первый этап развития марийского этноса, к VIII-XI вв. – второй этап, к XII-XV вв. – третий и к XVI-XVII вв. – четвертый этап. По каждому из них представлена добротная характеристика специфики развития общества в экономическом, культурном, идеологическом плане с подробным анализом материала реперных памятников (с. 174-230).

К любой монографической работе, освещающей сложные процессы этногенеза народа, как рецензируемая, да еще за длительный хронологический период, можно предъявить существенные претензии. В числе других два замечания имеются к труду Т.Б.Никитиной: слабое использование автором литературы и источников последнего пятилетия XX в. по археологии Закамья и Заволжья и недостаточная увязка диалектики этногенеза марийского народа с воздействием со стороны государственных образований: Волжской Болгарии, Руси, Золотой Орды, Казанского ханства.

В связи с первым замечанием: автор слабо отразила связь Марийского края с южными не финноязычными соседями. Примечательно, что серединой и второй

половиной VI в. н.э. – временем освоения предками марийского народа левобережья р.Волги – датируются богатейшие комплексы турбаслинско-именьковской общности (Казаков Е.П., 1996, 1998). Они были оставлены пришлым населением, появившимся в Среднем Поволжье в связи с бурными событиями, сопровождавшимися образованием Первого тюркского каганата. Не исключено, что и миграции предков марийцев были связаны с этими событиями. О связях населения Марийского края с турбаслинско-именьковскими древностями в это время свидетельствует появление в могильниках Вятского края изделий ранней геральдики, кос-горбуш, серебряных имитаций псевдопряжек – «бельков», подвесок в виде стилизованного изображения медведей (с. 159) и др. Констатация многих из них в качестве этноопределяющих признаков финноязычного населения свидетельствует только о большей изученности данных памятников. В последние годы, как отмечалось, изучены турбаслинско-именьковские комплексы, где в массе представлены такие поделки. Отсюда они попали к финнам. Возможно, такими контактами было обусловлено воздействие индоиранского населения на культуру марийцев.

Второе замечание также, в определенной мере, связано с необходимостью учета изменений в культуре в зависимости от эпохальных военно-политических событий в Восточной Европе, становлением государств. Так, с приходом кочевых болгар на Волгу в VIII в. марийское и мордовское население уходит в отдаленные районы, что можно проследить как по локализации памятников, так и их малочисленности. И наоборот, расцвет ремесленного производства болгар, необходимость реализации изделий привело в X-XI вв. к тесным контактам с марийским населением и появлению его памятников на берегах Волги. В эпоху Золотой Орды марийское население уходит в отдаленные лесные районы, а в период Казанского ханства вступает в тесное взаимодействие с населением этого государства.

В памятниках Марийского Поволжья имеются также элементы культуры угров. В их числе круглодонная посуда со шнуровой орнаментацией (в чияликской культуре угров Приуралья она доживает до XIV в. н.э.), литое изображение птицы с личиной на груди, подражания культовым поделкам Приуралья и др.

Вышеуказанное не умаляет в целом высокую оценку труда Т.Б.Никитиной. Она провела многолетние широкие раскопки средневековых археологических памятников Марийского Поволжья, обработала коллекции, основательно изучила архивные материалы по теме, проработала всю основную литературу. Большой объем работы систематизирован в приложениях, состоящих из 28 таблиц и 81 рисунка. На высоком методическом уровне, где имеется учет миграции, проведен анализ материала. Понятным, логически и литературно выраженным является изложение текстовой части. Выводы во многом являются новыми и подтверждены фактическим материалом. Несомненно, работа является важным этапом в решении вопросов происхождения марийского народа, динамики развития его этнокультурных основ. Книга Т.Б.Никитиной найдет своего массового читателя не только среди научных работников, но и всех тех, кто интересуется древней историей и, в том числе, историей марийского народа.

Хроника

Евгений Казаков

Финно-угорская археология Урало-Поволжья 1995-2000 гг. (публикации по раннему железному веку и средневековью)

Одной из крупных языковых семей на Земле является финно-угорская, насчитывающая свыше 26 млн.чел. В древности составляющие ее племена занимали широкую территорию лесной зоны от Балтики до Западной Сибири. В настоящее время их потомки проживают в ряде республик и областей России Волго-Уральского региона. Здесь население еще сохраняет фундаментальные элементы культуры (язык и др.), которые исчезли под ассимиляционным воздействием в других областях Европейской России. Рост самосознания обусловил все больший интерес общественности к своей истории, который призвана удовлетворять в том числе и национальная интеллигенция. Одним из активных отрядов ее являются археологи. При поддержке республиканских властей проводятся многолетние раскопки древних памятников финно-угров. С каждым годом увеличивается количество публикаций, организуются научные конференции.

Финно-угорскую археологию Урало-Поволжья и Прикамья уже в досоветский период представляли крупные ученые. В советское время их традиции продолжали, ныне уже ушедшие из жизни, А.П.Смирнов, В.Ф.Генинг, А.Х.Халиков, В.А.Оборин, Г.А.Архипов и др. Нынешнее поколение археологов успешно продолжает эту работу. Она отражается в публикациях, число которых с каждым годом растет.

Изучение средневековых финно-угорских памятников болгарского времени активизировалось в последние годы в Пермской области. Здесь в 1996 г. под редакцией А.М.Белавина выпущено учебное пособие по материалам Прикамья от эпохи камня до XVIII в.¹

Значительное число крупных работ в последнее пятилетие XX в. издано в Удмуртии. В числе их коллективная монография «Финно-угры Поволжья и Прикамья в средние века»² выполненная на высоком профессиональном уровне (Ижевск, 1999 г.). Каждая из глав: «Мещера», «Мурома», «Мордва», «Мари», «Удмурты», «Пермь вычегодская» подготовлены специалистами, посвятившими свою жизнь их изучению – А.Е.Леонтьевым, Е.А.Рябининим, В.В.Гришаковым, Ю.А.Зеленевым, В.И.Вихляевым, И.М.Петербургским, Т.Б.Никитиной, М.Г.Ивановой, Э.А.Савельевой, покойным В.А.Обориним и другими. Несмотря на определенную разноструктурность разделов, книга дает читателю достаточно краткие, но емкие сведения по истории и культуре вышеуказанных групп поволжских и пермских финнов эпохи средневековья.

В 1992 г. в г.Ижевске опубликована монография Н.И.Шутовой «Удмурты XVI – первой половины XIX в.», написанная, в основном, на материале могильников.³

Автор относится к числу немногих (Т.Б. Никитина из г.Йошкар-Олы, Г.И. Дроздова из г.Казани) исследователей, которые изучают культуру финноязычного населения Волго-Камья во многом по данным поздних языческих могильников.

Удмуртские археологи активно занимаются исследованием памятников раннего железного века. В 1997 г. вышла монография Т.И.Останиной, посвященная анализу культуры населения Среднего Прикамья в III-V вв.,⁴ а в 2000 г. препринт Н.А.Лещинской, в котором представлен материал одного из могильников пьяноборской культуры на р.Вятке.⁵

Выявлению этнических и торговых связей населения полумской и чепецкой культур V-XIII вв. н.э. посвящена монография А.Г.Иванова.⁶ Автор привлёк большой, иногда достаточно отдаленный территориально, материал по рассматриваемым темам, основательно проанализировал его. Книга снабжена большим (свыше 70-ти) количеством иллюстраций. На некоторых из них, по нашему мнению, иллюстрируются еще спорные выводы исследователя (о локализации культур Прикамья VIII-IX вв. – рис.17, о походах болгар в Прикамье – рис.36, о территории страны болгар и их соседей в домонгольский период – рис.54), хотя в целом работа оригинальна и представляет большой интерес для исследователей и широкого круга читателей.

В 1998 г. также в г.Ижевске опубликована монография М.Г.Ивановой, посвященная публикации материалов раскопок городища Иднакар – крупнейшего и широко исследованного полумско-чепецкого памятника.⁷ Скрупулезно проанализированные большие материалы по топографии, оборонительным сооружениям, предметам труда, быта, вооружения и т.д. стали реперами при интерпретации комплексов домонгольского времени в северной Удмуртии второй половины X – первой трети XIII в.

В июне 1999 г. на базе городища Иднакар состоялся и полевой Международный симпозиум, посвященный 100-летию со дня рождения А.П.Смирнова. По итогам симпозиума выпущен сборник.⁸ В нем были опубликованы статьи археологов из Ижевска, Казани и других городов, участвовавших в совещании.

В этом же году в Удмуртии выпущен сборник «Пермский мир в раннем средневековье».⁹ Большая часть его представлена статьями ижевских археологов, подготовленных по материалам широко изученного Варнинского могильника полумской культуры.

В 1999 г. вышла также фундаментальная монография Р.Д.Голдиной «Древняя и средневековая история удмуртского народа»¹⁰. В ней подведены итоги многолетней работы этого крупного исследователя – создателя своей археологической школы и ее коллег по изучению древних памятников Камско-Вятского региона от эпохи камня до XIV в. н.э. Наиболее основательно проанализированы древности эпохи раннего железа и средневековья. Последние представлены как комплексами уже общепринятых культур (ломоватовская, полумская, чепецкая, родановская и др.), так и памятниками, на основе которых Р.Д.Голдина хотела бы выделить новые культуры (еманаевская, кочергинская, верхнеут-

чанская, чумойтлинская). Обоснование этого, как и общее представление автора на этническую историю пермских народов, представлено также в статье, опубликованной в Оулу в 1996 г.¹¹

Предпринятая в монографии попытка решить, преимущественно на археологическом материале, фундаментальные вопросы этногенеза народов пермской языковой семьи с необходимостью требовало привлечения материалов, а также определенных проблемных выводов других авторов, занимающихся изучением памятников различных эпох и на широкой территории. Естественно, что и конечные выводы Р.Д.Голдиной по сложнейшим вопросам древней истории Камско-Вятского края не всегда являются бесспорными, тем более что имеются и заключения, основанные на явно недостаточных, спорных или устаревших материалах. В числе их обоснование новых культур, тезисы о балто-славянском происхождении именьковского населения и о разгроме его болгарами на рубеже VII-VIII вв., о насильственном переселении части полемского (по Р.Д.Голдиной пермского) населения в страну болгар и др. В целом же труд Р.Д.Голдиной, подводящий итоги многолетним исследованиям древних памятников, несомненно заслуживает высокой оценки и является этапом в изучении археологии региона.

Важнейшим результатом достижений археологии России в XX в., в том числе и финно-угорской, стало проведение в марте 2000 г. в г.Ижевске конференции «Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.» посвященной 75-летию со дня рождения В.Ф.Генинга. В обобщающих докладах археологи из республик и областей Урало-Поволжья обнародовали результаты многолетних раскопок памятников разных эпох, отметили имеющиеся трудности и возможности дальнейших исследований. По материалам конференции выпущен сборник, в котором опубликовано более 130 статей, отражающих эти результаты.¹²

Вышеуказанная активная публикационная деятельность археологов Удмуртии во многом была связана с инициативной работой их руководителей Р.Д.Голдиной, М.Г.Ивановой и др., а также поддержкой со стороны правительства республики. Особенно важно, что основные разделы объемных публикаций, как уже отмечалось, апробируются на научных конференциях. Так в ноябре 2000 г. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН организует очередную конференцию «Древние ремесленники Приуралья».

В Республике Марий Эл в 1999 г. вышла монография Т.Б. Никитиной.¹³ В ней опубликованы материалы эпохи раннего средневековья Младшего Ахмыловского, Уржумкинского, Шорунжинского и других могильников. Впервые вводимые в научный оборот комплексы позволили автору отметить близость культуры населения Марийского края к западновожскому финноязычному миру, слабые еще в это время связи с Прикамьем, а также контакты с южным (именьковским) населением.

В 1995 г. в серии «Археология и этнография Марийского края» (г.Йошкар-Ола) вышел очередной, 24-й, выпуск.¹⁴ В нем, преимущественно, публиковались материалы эпохи камня, бронзы и раннего железа из памятников Среднего Поволжья.

В этом же городе в 1998 г. выпущен сборник «Материалы и исследования по археологии Поволжья».¹⁵

В 1995 г. в Йошкар-Оле опубликованы материалы 1 Всероссийской научной конференции финно-угроведов,¹⁶ состоявшейся еще в 1994 г. На этой конференции было зачитано более 270 докладов и сообщений. подведены итоги в области финно-угроведения за предыдущие 7 лет в России. Объемный, в 37 печ.л., том материалов конференции содержит краткое содержание этих докладов по археологии, истории, этнографии и другим направлениям финно-угроведения.

В Марий Эл, как и в Удмуртии, археологи также регулярно организуют научные конференции. В 1999 г. в г.Йошкар-Оле проведена конференция «Этнокультурные факторы становления и развития металлургии и обработки цветного металла у народов Среднего Поволжья». В 2000 г. опубликован небольшой сборник тезисов этого совещания.¹⁷ В августе 2000 г. проведен полевой симпозиум по эпохе бронзы, а в октябре этого же года – научная конференция «Этногенез и этническая история народа мари».

Начиная с 1994 г. на базе Научного центра финно-угроведения в Марий Эл выпускается ежеквартальный журнал «Финно-угроведение». В нем представлены статьи, сообщения, обзоры, рецензии, персоналии и другие материалы. В одном из спаренных томов полностью опубликованы материалы Международного симпозиума «Финно-угорский мир и XXI век».¹⁸

В Татарстане традиционно продолжались исследования по финно-угроведению. По инициативе директора Института истории АНТ Р.С. Хакимова в 1997 г. налажен выпуск журнала «Finno-Ugrica». В отличие от профильного журнала, выпускаемого в Марий Эл, в нем большое внимание уделялось угорской проблематике, взаимодействию народов финно-угорской и тюркской языковых семей, публикации комплексов древних финно-угорских культур Урало-Поволжья на территории Татарстана. Такие материалы печатаются и в журнале «Татарская археология», выпуск которого начался также в 1997 г.

Значительное число работ археологов было посвящено исследованию Волжской Болгарии – первого государственного образования в Среднем Поволжье, оказывавшего сильное экономическое, культурное и политическое воздействие на весь финно-угорский мир северо-восточной Европы. Само формирование этнокультурного состава этой страны происходило с участием финно-угров.

В 1995 г. в г.Казани вышла книга Р.М.Валеева, посвященная торговле волжских болгар IX- начала XIII вв.¹⁹ Один из разделов в ней посвящен торговле болгар с северными странами финно-угров. В этом же году выпущен сборник тезисов и материалов по региональной истории одного из районов Заказанья.²⁰ В 1996 г. опубликован очередной фундаментальный том коллективного труда по материалам раскопок столицы страны – Болгарского городища.²¹ В разделах его подчеркивается тесная связь жителей города с финно-угорскими народами. В 1997 г. вышли небольшая популярная работа по истории волжских болгар,²²

изданная в г.Набережные Челны и сборник тезисов научной конференции, проведенной в Биляре – другой столице страны болгар.²³

В 1998 г. изданы тезисы научных конференций, посвященных проблемам хронологии волжских болгар²⁴ и 60-летию исследований на Болгарском городище.²⁵

В 1999 г. в республике состоялись научные конференции, посвященные юбилейным датам со дня рождения крупнейших археологов – финно-угроведов России – А.П.Смирнова и А.Х.Халикова. Столетний юбилей первого из них отмечался в г.Болгаре, который он исследовал много лет. Там же вышли и тезисы совещания.²⁶ По материалам Халиковских чтений (к 70-летию А.Х.Халикова) в Казани выпущено два сборника.^{27,28}

В связи с активным изучением древностей г.Казани, а также Волжской Болгарии и Казанского ханства в целом, было проведено ряд Международных научных конференций по средневековой Казани, Великому Волжскому пути и др. Материалы некоторых из них опубликованы в нескольких сборниках 1999 г.^{29,30,31} Статьи по финно-угорской тематике казанских исследователей публиковались в сборниках других городов.³²

В 2000 г. вышли книги К.А.Руденко, посвященные анализу металлической посуды Поволжья и Прикамья в VIII-XIV вв.³³ и одного из домонгольских селищ болгар.³⁴

Во многом с использованием археологических материалов на татарском языке в 1999 г. опубликована монография Д.М.Давлетшина, посвященная исследованию духовной культуры тюрко-татарского населения³⁵ и связей его с финно-уграми.

Своеобразной контактной зоной финно-угров с индоиранским, а позднее, тюркским, мирами являлась территория Башкортостана. Природно-географическое своеобразие этого региона, его пограничное положение между цивилизациями Востока и Запада, эпохальные военно-политические события в Азии неоднократно способствовали в эпоху раннего железа и средневековья появлению здесь новых этнических групп с различным хозяйственным укладом. Среди них были племена кочевых угров. Многие существенные элементы их специфической культуры сохраняются до XIV в. (чияликская культура), когда они отмечены и письменными источниками. Близость материала памятников Башкортостана болгарского времени к древностям мадьяр языческого периода вызвала большой интерес к ним венгерских исследователей (И. Фодор и др.).

В 1999 г. в г.Уфе вышла монография В.А.Иванова «Древние угры-мадьяры в Восточной Европе»³⁵. В ней автор суммировал выводы по данной теме, которые рассматривались в его предыдущих статьях. В.А.Иванов полностью согласен с точками зрения Е.А.Халиковой и А.Х.Халикова – исследователей известного Большеитиганского могильника – о прямой связи памятников кушнаренковской и караякуповской культур с мадьярами. Применяя метод машинной обработки материала он предпринимает попытки выявить и уточнить этнос носителей финноязычных и угорских культур на широкой территории Евразии от Верхнего Поволжья до р.Тобол существовавших на протяжении более тысячи лет. Естественно, что при решении такой объемной задачи многие выводы могли иметь лишь гипотетический характер. В частности,

представляется совсем неверным, что в формировании этноса и культуры ранней Волжской Болгарии основная роль принадлежала «пермскому населению Прикамья – носителям ломоватовской и поломоской культур» (с.78). Такие элементы поломоско-ломоватовского населения как шнуровая керамика, погребальные маски, культовые привески; сам образ жизни, связанный с кочеванием (захоронения воинов-всадников с саблями, черепом и костями ног коня и т.д.) свидетельствуют о переселении на Волгу во второй трети IX в., вследствие мадяро-печенежской конфронтации, угорских групп, которые проживали в это время на Верхней Каме. Этим объясняется и наличие данных элементов в языческой культуре венгров Паннонии, а отнюдь, не вхождением в их составе «пермяков» (с.81). В книге А.В.Иванова приводятся различные точки зрения по проблеме «утро-мадьяр», достаточно обоснованно выделяются их, пока еще немногочисленные в Восточной Европе, памятники, вслед за другими исследователями, отмечается путь предков мадьяр из Приуралья на запад.

В 1998 г. выходит монография Ф.А.Сунгатова, где в числе других рассматриваются вопросы взаимодействия турбаслинского (сарматского) населения V-VIII вв. н.э. с финно-уграми.

В 1996 г. вышел шестой выпуск свода «Археологические памятники Башкортостана», в который вошли сведения по 490 памятникам, в том числе и финно-угорским.³⁸ В 1995 г. опубликован первый выпуск сборников по охране и изучению археологических памятников республики.³⁹ В этом же году подготовлен сборник, посвященный анализу курганных древностей, в основном, раннего железа и средневековья.

В 1996 г. в очередном сборнике рассмотрен ряд проблемных вопросов раннего железного века региона.⁴¹ Опубликованы также тезисы докладов XIII Уральского археологического совещания, состоявшего в г.Уфе в апреле 1996 г.⁴²

В 1998, 2000 г. вышли первый и второй выпуски Уфимского археологического вестника.^{43,44} В последнем из них опубликован и материал по шлемам из наиболее широко изученного (вскрыто 1879 захоронений) Тарасовского могильника II-V вв. н.э. в Удмуртии.⁴⁵

В числе других публикаций, вышедших в последние годы по данной тематике в г.Уфе, можно отметить брошюры, посвященные духовной культуре.^{46,47}

В данной статье не освещается деятельность археологов Республики Коми, проведение ими конференции и публикации по проблемам финно-угроведения. Среди прочих следует отметить выпуск в г.Сыктывкар сборников,^{48,49,50} монографии Н.С.Королева, которая хотя и вышла в 1997 г. в г.Екатеринбурге,⁵¹ посвящена исследованию памятников на Средней Вычегде и др. Особое внимание заслуживает солидное, монографическое (47 печ.л.) исследование «Археология республики Коми»,⁵² вышедшее в 1997 г. в г.Москве (ответственный редактор Э.А.Савельева). Этот труд, подводящий итоги работ в одной из республик России, является важным вкладом в изучение археологии и древней истории Северо-Востока Европы.

За прошедшее пятилетие в республике проведено также несколько конференций, из них: «Коренные этносы севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы» состоялась в мае 2000 г.⁵³

Таким образом, во многих научных центрах Поволжья, Прикамья и Приуралья, занимающихся проблемами финно-угроведения, организованы конференции и издания, подводятся итоги и перспективы работы на рубеже II-III тысячелетий н.э. Доклады на эти темы были подготовлены и для IX Международного конгресса финно-угроведов в г.Тарту, прошедшего в августе 2000 г. Многие из исследователей отмеченного региона участвовали также в конгрессе финно-угроведов, который состоялся в г.Оулу в 1996 г. и опубликовали свои выступления в его трудах.⁵⁴

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что за последнее пятилетие в Урало-Поволжье и Прикамье археологическая наука несомненно сделала значительный шаг вперед. Хотя новых памятников открыто немного, широкие раскопки были продолжены на ранее известных комплексах. Подавляющая часть публикаций носит обобщающий и интерпретационный характер материалов полученных ранее. В основе своей они еще продолжают базироваться на прежних стереотипах, заложенных в советский период, когда в оценке материала преобладали автохтонно-эволюционные методы. При этом часто предполагалось, что археологические культуры определенной территории генетически преемственны друг с другом и с глубокой древности принадлежат тому народу, который зафиксирован здесь письменными источниками. В последнее время, однако, появляется все больше данных, свидетельствующих о том, что отмеченные обширные регионы являлись контактной зоной финского, угорского, индоиранского, тюркского и других миров. При формировании культур большое значение имели миграции тех или иных представителей указанных языковых групп, вызываемые иногда глобальными политическими событиями (смещение населения лесостепи к северу в гуннскую эпоху, появление новых этнических массивов в Приуралье в Прикамье в период I Тюркского каганата, переселение болгар на р.Волгу в IX в., что вызвало этнические смещения; усиление северо-восточной Руси в XI в., что привело к оттоку поволжских и пермских финнов к востоку и оттеснение ими угорского населения к Уралу и Зауралье и пр.) В связи с этим территория, занятая этническими группами менялась, хотя основная часть лесной зоны Урало-Поволжья на всех этапах продолжали занимать финно-угры.

В эти годы продолжилось совместное издание работ, свидетельством что явилась коллективная монография ученых гг.Ижевска, Йошкар-Олы, Москвы и др. «Финно-угры Поволжья и Прикамья в средние века», а также многочисленные сборники.

Начиная с 1994 г. в г.Йошкар-Оле выходит журнал «Финно-угроведение», а с 1997 г. в г.Казани журналы «Finno-Ugrica» и «Татарская археология». Следует надеяться, что в регионах в начале XXI столетия успешнее пойдет работа по координации в области изучения археологии финно-угров и выпуску периодических изданий.

Примечания:

¹ Страницы истории земли Пермской. Прикамье с древнейших времен до начала XVIII в. Пермь, 1996.

² Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.

- ³ Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в. По материалам могильников. Ижевск, 1992.
- ⁴ Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997.
- ⁵ Лещинская Н.А. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке. Ижевск, 2000.
- ⁶ Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск, 1998.
- ⁷ Иванова М.Г. Иднакар – древнеудмуртское городище IX-XIII вв. Ижевск, 1998.
- ⁸ Новые исследования на средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск-Глазов, 1999.
- ⁹ Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999.
- ¹⁰ Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- ¹¹ Goldina R.D. Probleme der ethischen Geschichchte der permischen Volker im Eisenzeitalter (auf der Grundlade des archaologischen Materials) // Historia Fenno-Ugrica I: Oulu, 1996.1.S.249-273.
- ¹² Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000.
- ¹³ Никитина Т.Б. История населения Марийского края в 1 тыс. н.э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола, 1999.
- ¹⁴ Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1995.
- ¹⁵ Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1. Йошкар-Ола, 1998.
- ¹⁶ Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995.
- ¹⁷ Этнокультурные факторы в становлении и развитии металлургии и обработки цветных металлов у народов Поволжья в средние века. Йошкар-Ола, 2000.
- ¹⁸ Финно-угроведение. № 2-3. Ижевск, 1999.
- ¹⁹ Валеев Р.М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX- началаXIII веков. Казань, 1995.
- ²⁰ Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань, 1995.
- ²¹ Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
- ²² Казаков Е.П., Дубровский А.Г. К истории волжско-камских болгар. Наб.Челны, 1997.
- ²³ Билляр и Волжская Булгария. Изучение и охрана археологических памятников. Казань, 1997.
- ²⁴ Проблемы хронологии волжских болгар. Казань, 1998.
- ²⁵ Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. Казань, 1998.
- ²⁶ Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Болгар, 1999.
- ²⁷ Проблемы первобытной и средневековой археологии. Казань, 1999.
- ²⁸ Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.
- ²⁹ Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999.
- ³⁰ Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Казань, 1999.
- ³¹ Средневековая Казань: возникновение и развитие. Казань, 1999.
- ³² Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские болгары. Спб., 2000.
- ³³ Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII-XIV вв. Казань, 2000.
- ³⁴ Руденко К.А. VI Алексеевское селище. Казань, 2000.
- ³⁵ Дәүләтшин Г. Тәрки-татар рухи мәдәнияте тарихы. Казан, 1999.
- ³⁶ Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.
- ³⁷ Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V-VIII вв. н.э.). Уфа, 1998.

- ³⁸ Археологические памятники Башкортостана. Вып.6. Уфа, 1996.
- ³⁹ Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Уфа, 1995.
- ⁴⁰ Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995.
- ⁴¹ Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа, 1996.
- ⁴² XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы. Уфа, 1996.
- ⁴³ Уфимский археологический вестник. Вып.1. Уфа, 1998.
- ⁴⁴ Уфимский археологический вестник. Вып.2 Уфа, 2000.
- ⁴⁵ Голдина Р.Д., Волков С.Р. Шлемы Тарасовского могильника // Уфимский археологический вестник. Вып.2. Уфа, 2000. С.98-122.
- ⁴⁶ Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И. Некоторые аспекты мировоззрения финно-угорского населения. Уфа, 1998.
- ⁴⁷ Корепанов К.И. Музыкальные инструменты Волго-Камского региона VIII в. до н.э. – III в. н.э. Уфа, 1998.
- ⁴⁸ Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1995.
- ⁴⁹ Европейский север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1995.
- ⁵⁰ Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998; Этнокультурные процессы в древности на европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1999.
- ⁵¹ Королев К.С. Население Средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург, 1997.
- ⁵² Археология Республики Коми. М., 1997.
- ⁵³ Конаков Н.Д., Савельева Э.А., Федюнова Г.В. Финно-угроведение в Республике Коми на рубеже нового тысячелетия: итоги и перспективы. Сыктывкар, 2000.
- ⁵⁴ Historia fenno-ugrica. I:1, I:2. Оулу, 1996.

Список сокращений

- АО** – Археологические открытия
- АЭМК** – Археология и этнография Марийского края
- ВАУ** – Вопросы археологии Урала
- ГИМ** – Государственный исторический музей
- КСИА** – Краткие сообщения Института археологии
- КСИИМК** – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- МИА** – Материалы и исследования по археологии
- НМУР** – Национальный музей Удмуртской республики
- ПСРЛ** – Полное собрание русских летописей
- САИ** – Свод археологических источников
- УАЭ** – Удмуртская археологическая экспедиция
- УИИЯЛ УрО РАН** – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН
- ХМАО** – Ханты-мансийский автономный округ

Сведения об авторах

Буланкин Валентин Матвеевич – старший научный сотрудник Центра по учету и охране объектов историко-культурного наследия при Управлении культуры Рязанской области.

Винничек Владимир Альбертович – старший научный сотрудник Музейно-выставочного центра г.Заречный Пензенской области.

Войтович Валерий Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент Удмуртского государственного университета.

Гатин Марат Салаватуллович – аспирант Казанского государственного университета, преподаватель Татарского государственного гуманитарного института.

Губайдуллин Айрат Маратович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ.

Казakov Евгений Петрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ.

Куликов Козьма Иванович – доктор исторических наук, директор УИИЯЛ УрО РАН.

Останина Таисия Ивановна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Национального музея Удмуртской Республики.

Пастушенко Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского госуниверситета, г.Ижевск, Удмуртская Республика.

Рогачев Владимир Ильич – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории мировой художественной и национальной (мордовской) культуры МГПИ им. М.Е.Евсеева.

Харамзин Терентий Герасимович – кандидат экономических наук, зам. директора НИИ возрождения обско-угорских народов ХМАО.

Челяпов Виктор Павлович – начальник отдела археологии Центра по учету и охране объектов историко-культурного наследия при Управлении культуры Рязанской области.

К сведению авторов

Журнал «Finno-Ugrica» издается Институтом истории Академии наук Республики Татарстан с 1997 г. В нем публикуются материалы по проблемам истории, археологии, этнографии, искусства финно-угорских народов, а также связей последних с народами других языковых семей (тюркской, славянской и пр.). Предпочтение предоставляется работам обобщающего характера и трудам, посвященным слабо изученным и перспективным направлениям древней истории и современности.

В журнал принимаются статьи объемом до одного печатного листа. Текст статьи следует присылать в распечатанном виде. Текст должен быть тщательно отредактирован автором. Кроме того, необходимо предоставить электронную версию текста в виде файла формата MS Word на дискете 3.5", либо прислать материал по электронной почте в виде attachment по адресу history@ih.kazan.ru с пометкой для журнала «Finno-Ugrica». При использовании в тексте специализированных шрифтов их также необходимо предоставить в электронном виде. Ссылки на источники и список литературы желательно оформлять в соответствии с правилами, установленными для первого номера журнала «Finno-Ugrica», то есть, ссылки на авторов в тексте даются в цифровой последовательности.